

BULLETIN Igud Yotzei Sin БЮЛЛЕТЕНЬ Игуд Иоцей Син

ВЫПИСКА
ИЗ УСТАВА
АССОЦИАЦИИ
"Задачей Ассоциации
является организация
выходцев с Дальнего
Востока в целях
взаимной помощи и
сотрудничества"

Association of Former Residents of China • Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

September 2020 • 67th Year of Issue • No. 419 • Сентябрь 2020 • 67-й год издания • №. 419

Happy Rosh Hashana С праздником Рош Ха-Шана

25.12.2019

YEARLY GATHERING OF IGUD YOTZEI SIN
Ежегодная встреча земляков - выходцев из Китая

25.12.2019

CONTENTS

Contents	3
Leadership Igud Yotzei Sin Israel	4
Greetings.....	5-16
Letter to Readers.....	17
Condolence letter to Mr. Dai Yuming – Peoples Republic of China.....	18
Thank you letters to Igud Yotzei Sin.....	19
Lessons from her 'Shanghai Jewish' Father	20
Igud Yotzei Sin Hanukah Gathering	21
How Jewish Refugees found a wartime home in Shanghai	22-24
Kaifeng Synagogue	25
Professor Lihong Song of Nanjing University	26
XuXing Projects	27
Despite COVID-19, Israel Innovation Day held in Nanging	27
Sections of the remaining Shanghai Ghetto streets to be demolished	28
The Last Kings of Shanghai	29
A Second Sugihara Discovered.....	30
A study of Jewish Refugees in China (1933-1945)	30
List of Scholarships	32-33
A Jewish Dynasty in a Changing China.....	34-35
Letters.....	36-40
'An Unexpected Micro-Tour through Honghou Ghetto'	41
China and Israel: Jews; Beijing, Jerusalem (1890-2018)	42-43
Harbin News	43
Finding Adler.....	44-46
Donations.....	47-48
A Century of Jewish Life in Shanghai	49-50
Champions Day – The End of Shanghai – Book Review	50
Book Reviews.....	51
Harbor - A film of 20,000 Jewish refugees from Eueope to China	52
Friendship Event for the Jewish and Chinese residents of Shanghai.....	53-54
Eli Kama – In Memoriam	55-56
Dr. Sam Sakker – Memorial	56
Balfoura Friend – In Memoriam	57
Obituaries	58-64

3

I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i
n

THE IYS BULLETIN has been continuously published in English, Russian & Hebrew since 1954, and covers all aspects of the Jewish Communities of China, with historical memoirs, book reviews, archival information, and current stories of former residents of China living in Israel and around the world.
“The aim of the Association is to organize former residents from China for the purpose of mutual assistance and cooperation.”

LEADERSHIP OF IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL

IYS HONORARY REPRESENTATIVES IN THE DIASPORA

IGUD YOTZEI SIN

IYS Chairmen

Leo Piastunovich (1951 – 1952)
Boris Kotz (1953 – 1971)
Teddy Kaufman (1972 – 2012)

IYS Management

Yossi Klein – Chairman
Jacob Matlin – Vice-chairman
Alex Nachumson
Avi Podolsky
Eran Rozen
Judith Sandel

Secretary General

Inna Baksheev

Control Commission

Moshe Lichomanov – Chairman
Ariel Eldor – member

Honorary Legal Advisor

Daniel Friedmann – Attorney

IYS Hon. Representatives:

Esther Wandel -
Haifa & the North
Avi Podolsky -
Jerusalem & the South

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives
Jesse and Naomi Tracton
2 Oaks Place
North Bondi 2006, Australia
Tel. 61-2-91302575

AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President
Rose Britanisky-Peiser – Treasurer
Leona Shluger-Forman –
Secretary
Sally Berman
Lilly Langotsky
Odette Rector-Petersen

Address:

**The American Far Eastern
Society, Inc.**
Lilly Langotsky
160 West 66th Str. # 55B
New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser
7400 SW 170, Terrace
Miami, Florida 33157, USA
e-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL Association of the former residents of China

31 Habarzel Str., Ramat Hahayal

Tel Aviv, 6971045, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 Fax: 972-3-5161631

e-mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

Editor-in-Chief: Yossi Klein

Assistant Editors: Flori Cohen, Cecilia Lyubman, Inna Baksheev

Holiday Greetings

**IGUD YOTZEI SIN
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO THE COMMITTEE OF THE
AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY IN NEW YORK
AND WISHES MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY TO ALL ITS MEMBERS
AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN THE UNITED STATES OF AMERICA**

**The BOARD of DIRECTORS and the ENTIRE MEMBERSHIP
of the NEW YORK AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY
EXTEND BEST WISHES FOR THE HOLIDAY
TO ALL OF OUR FRIENDS**

Holiday Greetings

6

**BEST WISHES
FOR A HAPPY AND HEALTHY ROSH HASHANA
TO RELATIVES AND FRIENDS
ANGELICA KLEBANOFF**

Palm Beach, USA

i
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

Holiday Greetings

WISHING A HAPPY HOLIDAY TO FAMILY AND FRIENDS

ROSE and NORMAN PEISER

SUSAN and MARK BRITANISKY

New York, USA

7

TANIA MATERMAN

and SON AVRAHAM YAACOV

EXTEND BEST WISHES FOR A HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

New York, USA

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

TO HONOR OUR PARENTS

MAX and MOLLY SAMSON

AND

BEN and VERA BERG

DELORES and ROGER BERG

Los Angeles, USA

Holiday Greetings

OLGA KAUFMAN
EXTENDS HER HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
Burlingame, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO RELATIVES AND FRIENDS

MIRA and PHIL MATERMAN
Torrance, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

HARUCO and NORMAN SOSKIN
Burlingame, CA, USA

WISHING A HAPPY HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS

Mrs. EDA SHVETZ and FAMILY
New York, USA

Holiday Greetings

GREETINGS TO MY RELATIVES AND FRIENDS

CLARA LEEF

Laguna Woods, CA, USA

A HAPPY AND HEALTHY HOLIDAY

Sanford (Sanya) WAINER, Jerry EVELYN and Josh ROTHMAN,

Andrew GALL and Allison WAINER,

Kenny, Brett, Ellie and Jenna ROSENBERG

Tamarac, USA

WISHING ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS ALL OVER THE WORLD

A HAPPY HOLIDAY

HAG SAMEACH

from GUTIA, EUGENE BASOVITCH and FAMILY

Monroe Township, NJ, USA

JOE MRANTZ

WISHES ALL HIS FRIENDS AND FAMILY A HAPPY HOLIDAY

Kula, Hawaii, USA

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO THE IYS HONORARY REPRESENTATIVES
JESSE and NAOMI TRACTON
AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN AUSTRALIA

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

**JESSE and NAOMI TRACTON,
IAN, RIM, MICHELLE, AVI and FAMILY**

Sydney, Australia

INNA MOUSTAFINE

**Ms. MARA MOUSTAFINE and
Mr. ANDREW JAKUBOWICZ**

Sydney, Australia

10
I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
in

Holiday Greetings

Mary and Alex SAMSON
Sydney, Australia

Mrs. VERA KARLIKOFF and family
Sydney, Australia

Mr. & Mrs. Renee TSUKASOFF
and Mark
Sydney, Australia

Mrs. Nora KROUK
and family
Sydney, Australia

Mrs. J. VINSON and family
Toorak, Vic., Australia

Mrs. Lika KAGANER
and family
Sydney, Australia

Ruth and Morris ESKIN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Zina KOMONSKAYA
Sydney, Australia

George VORON
and sons
Sydney, Australia

IGUD YOTZEI SIN
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO ALL THE FORMER RESIDENTS OF CHINA ABROAD
AND WISHES THEM MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY

Holiday Greetings

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

NADIA and JACK OGNISTOFF and ELEONORE TREMBLAY
Burnaby, Canada

MARY BLOCH and FAMILY
WISH A HAPPY HOLIDAY
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
Hong Kong

HOLIDAY GREETINGS TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
DAVID and FREDERIQUE FAMILIANT

Monte-Carlo, Monaco

BEST WISHES
FROM

LILY LIFSHITZ
Montreal, CANADA

Holiday Greetings

YOSSI KLEIN and FAMILY
WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS
IN ISRAEL AND ABROAD
Ramat Hasharon, Israel

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL THE MEMBERS OF THE IGUD YOTZEI SIN

JACOB (YAKI) MATLIN
Shoham, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

ALEX NACHUMSON and FAMILY
Pardesiya, Israel

NATALIA and SEVA PODOLSKY
WISH A HAPPY HOLIDAY
TO RELATIVES AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD
Jerusalem, Israel

Holiday Greetings

RASHA KAUFMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO ALL HER FAMILY AND FRIENDS
IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Gan, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

MIRIAM and DANIEL FRIEDMANN

Netanya, Israel

ESTHER WANDEL

SENDS GREETINGS

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Kiryat Motzkin , Israel

ELI ALGOR (GROHOVSKY) and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY
TO THEIR FRIENDS AND RELATIVES

Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

BEST WISHES TO MY FRIENDS
IN ISRAEL AND OVERSEAS

ABRAHAM FRADKIN

Tel Aviv, Israel

15

FLORA FREIMAN
WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Tel Aviv, Israel

HANNAH and SAM MULLER
WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS
Kfar Shmaryahu, Israel

i
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i

Holiday Greetings

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

**ILANA and GIORA LESK,
CARMELA MADPIS and FAMILIES**

Raanana, Israel

16

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

**ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY
WISHES A HAPPY HOLIDAY, HEALTH AND HAPPINESS
TO ALL THE MEMBERS OF THE I.C.F.S., THE MEMBERS OF
THE ASSOCIATION OF FORMER RESIDENTS OF CHINA
AND ALL OF OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES**

Tel Aviv, Israel

**YOSSI KLEIN
WISHES A HAPPY HOLIDAY
TO THE STAFF OF IGUD YOTZEI SIN AND THE "BULLETIN":
INNA BAKSHEEV, CECILIA LYUBMAN,
AND TO THE VOLUNTEERS: FLORI COHEN, JUDITH SANDEL**

Tel Aviv, Israel

THE AIMS OF IGUD YOTZEI SIN

1. To encourage a feeling of partnership among former residents of the Jewish communities of China.
2. To establish a communication channel between former residents of China in Israel and those in the Diaspora.
3. To assist in the preservation and publication of historical documents connected with the former Jewish communities of China.
4. To assist the Igud in fulfilling its aims, especially those connected with social assistance and educational scholarships for descendants of former residents of China in Israel.

Dear Friends,

In the midst of the corona pandemic we managed to organize and preserve the tradition of bringing out one issue a year on the eve of Rosh Hashana. A difficult period has been passing over the people of Israel and the world, which has also forced us to change our traditions and to make changes in our working methods: Working from home, working with Zoom, etc. new working styles which people of my age do not find it easy to get accustomed to them.

The aims of the Igud as defined in the bylaws of the association still justify the continuation of its activities and to serve as the flag that unites around all the former China residents and their descendants. "And their descendants" is a very important phrase in relation to what has been said and it is the foundation on which we are building our continued existence.

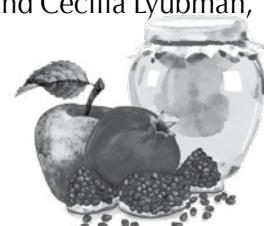
Two or three generations have already been born in this country, and the 'tales of China' are distant stories for them which do not always succeed in interesting them. From my personal experience in my own family, there are children or grandchildren who will be interested in them, will ask questions about it, and will want to know more about the subject. Do not leave them without answers and try to draw them more towards it. Our China-born generation is gradually waning and it is important that there should be some continuation. It is here that we – Igud Yotzei Sin – enter and try to contribute our part. Unfortunately we are limited in our possible activities because of the reduction in our financial means.

The major donors such as Asia Kogan and others did not leave any successors, and although there are a few contributors who have luckily not forgotten the Igud, yet they cannot enable us to do very much. We are continuing our activities with the help of the funds received through selling our offices in Gruzenberg Street in Tel Aviv and with the help of a small number of volunteers and the assistance of Inna Baksheev, secretary of the Igud, and Flori Cohen and Cecilia Lyubman, editors of the Bulletin.

With my very best wishes and Happy New Year

Yossi Klein – Chairman

Igud Yotzei Sin

Association of Former Residents of China

Israel China Friendship Society

www.JewsofChina.org www.IsraelChinaFriendship.org

Dear Mr. Dai Yuming,
Minister-Counsellor & Deputy Chief of Mission
The Peoples' Republic of China in Israel

On behalf of our sister organizations, we would like to express our shock and condolences for the sudden death of H.E. Ambassador Du Wei, may god bless him. His death is such an unfortunate circumstances. Our members are also shocked and many of them called us today to share their grief and disbelief.

We met H.E. Mr. Du Wei just two months ago upon his request, and that visit was one of the first ones after he conducted upon his arrival. The meeting was very warm and Mr. Du Wei received positively all our suggestions and initiative for future cooperation. We all felt that he had a unique and charming personality.

At this sad moment, we wish to send you and the Embassy's personnel our humble support. If we can do something to help, please don't hesitate to contact us. If you plan any ceremony we will be honored to attend.

We hope to meet you and the Embassy personnel soon after this tragedy is over.

With sincere sympathy

Yossi Klein, Chairman
Association of Former Residents of China

Gal Furer, Vice-Chairman
Israel-China Friendship Society

CC: Mr. Amir Lati, Israeli Foreign Ministry

LETTERS OF THANKS TO IGUD YOTZEI SIN

I would like to thank the board management of Igud Yotzei Sin and all those engaged in the activities on behalf of the "Gift to Soldiers" in honor of Independence Day for the benefit of my two grandchildren. My eldest grandson, Nitzan, is an officer in the Navy and the other grandson Alon, serves in the Air Force – both of them thank you very much.

Wishing you all much health and may you be blessed for your work, and may we meet only on joyous occasions.

Zahava Miller

I would like to thank you for supporting us with a scholarship granted by your organization.

Alon Mizrahi

Thank you for the holiday gift sent to our soldiers – my grandsons Omri and Guy Taub. It is very generous on your part.

Malka Laor

I would like to thank you in my name and in the name of my daughter Linoi Gershon for the recruitment gift. Wishing you much health and better days.

Mati Gershon

I would like to thank you for the gift in honor of the festival. For this soldier it is an amazing thing. Thanks.

Matanya Kalfus

Greetings to Igud Yotzei Sin!

I send you my blessings for a Happy Passover and thank you for the gift I received for Rosh Hashana 5780. Wishing health, peace, and prosperity to the members of the Igud and all the people of Israel. With best regards,

Ilya Pokhodyaev
Great-grandson of Yaakov and grandson of Fira Yarho

19
I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
S
i

Lessons from her 'Shanghai Jewish' Father

BY OREN PELEG

As a child growing up in New York, Naomi Goldman often heard her father's wartime stories. A Holocaust survivor, Robert Goldman spoke to Naomi of trying times in the ghetto - in China.

The late Robert Goldman was one of the "Shanghai Jews" - one of 20,000 Jewish refugees who fled Nazi-occupied Europe in the 1930s and 1940s for Shanghai. At the time, aside from the Dominican Republic, the Republic of China was the only viable option for Jewish refugees. Robert grew up under brutal Japanese occupation in Shanghai's Hongkou District ghetto until his teens.

"My father's challenging past to get to this country was very formative for me," Naomi Goldman said. "Because of that, he was someone who placed great importance on the community and was so proud to be part of his local Jewish community and all that it entailed. I got that from him."

When she was 12, her family moved to Torrance, where they became members of Temple Menorah in Redondo Beach. Her mother, Faith Goldman, remains on the board to this day. The

family also volunteered with local social justice causes.

"I was always taught to think about how to give my time, talent and resources to good causes and vulnerable populations, such as immigrants like my father," Goldman said.

Today, Goldman lives in Westwood and divides her time between her childhood synagogue and Sinai Temple. She began her career in talent management after graduating from UCLA.

"But I was only enjoying the part where I'd get clients connected to charities," she said. "So I made a life change. I decided I wanted my life's work to impact causes and communities."

"I was always taught to think about how to give my time, talent and resources to good causes and vulnerable populations."

Today, as the head of her own successful communications company, Goldman carries on the legacy of her parents, supporting a bevy of progressive causes. She previously ran the state of California's HIV/AIDS Prevention Campaign for several years and shepherded faith-based partnerships and educational programs that served as models for AIDS service organizations nationwide. She currently handles strategic communications for the chief executive office of the Los Angeles County Homeless Initiative.

"Whatever I've done in my life, whether it's around community engagement, volunteering, philan-

thropy, serving on boards, it comes from being raised by exceptional role models - my parents," she said.

During the recent midterm elections, Goldman canvassed, phone banked, rallied and fundraised for local progressive candidates. Recently, she started a magazine for the Visual Effects Society called "VFX Voice," focusing on how digital animation and special effects can merge the worlds of emerging technology and social justice.

"I've written about how the Shoah Foundation has been using virtual reality to share Holocaust testimony and preserve things for next generation," she said.

Another of her deepest passions is disaster relief. For years, she has volunteered extensively with the Red Cross, providing comfort to displaced families affected by wildfires. For someone who always tries to make change and think big, those experiences have shown her that it's often the small moments that matter most.

"I remember the Shabbat after the Woolsey Fire, sitting in a shelter with a family with four kids that had no home," she said. "All we did was color together, read books, and they taught me about cartoon characters they loved. I also like intimate experiences like that, just being a part of a few moments of peace in that really tough time."

IGUD YOTZEI SIN HANUKAH GATHERING

Igud Yotzei Sin preserves the yearly tradition of Hanukah gatherings. In recent years, such events were held in which scholarships were granted to students – grandchildren and great-grandchildren of former China residents, in the Bnei Zion hall of the Diaspora Museum – Beit Hatfutot (Tel Aviv University Campus).

A gathering of this kind was held on December 25, 2019. Among those invited were students – grandchildren and great-grandchildren of former China residents, members of their family, distinguished guests, and Chinese students studying at universities in Israel. Refreshments were offered as has always been done in such gatherings. It was nice to meet old friends in this pleasant atmosphere, and the best way to keep in contact with each other.

We were duly honored when the Ambassador of the People's Republic of China in Israel, Mr. Zhan Yongxin accompanied by members of the Chinese embassy, arrived at the gathering despite the fact that he was busy with the final arrangements of his tour of duty and preparations for his return home. The Ambassador extended his stay in Israel in order to participate in this ceremonial event.

The moment arrived when all

those present were invited into the hall. The guests of honor – the Chinese Ambassador, a representative of the Israel Foreign Office, Nurit Tinari Modai, a Minister Counselor in the Asia-Pacific Division of the Foreign Office, the Chairman of Igud Yotzei Sin, Yossi Klein, the Deputy Chairman of the Israel China Friendship Society, Gal Furer – took their places at the presidential table.

The evening was opened by a board member of Igud Yotzei Sin, Alex Nachumson. He greeted the audience and invited the Chairman of Igud Yotzei Sin, Yossi Klein and the Ambassador of **the People's Republic of China, Zhan Yongxin** to make their presentations. They were followed by Ms. Nurit Tinari Modai and by Gal Furer, who also gave short speeches.

Among the guests was Dr. Ariel Bar, the son of a veteran member of Igud Yotzei Sin from Harbin, Gary Brovinsky z"l. Dr. Bar presented his new book "Dragon Boats", which tells the story of something that happened in Harbin during the 1930s.

The singer, Vardina Cohen, made her appearance in the musical entertainment of the evening. Then the fourth Hannuka candle was lit, and this was followed by the distribution of the

scholarships. The first to be invited to the presidential table were 12 students from China studying at the leading universities in Israel who received scholarships from the Israel China Friendship Society. After them, Israeli students began going up to the stage to receive their awards. Altogether 71 scholarships were granted, 59 to Israeli students and 12 to students from China. 40 students received scholarships from the ETHEL DUNN Fund in the USA, and the rest were from the Igud Yotzei Sin Fund: 5 of them in the memory of Teddy Kaufman, the late chairman, and 4 in the memory of each of the following: Ran (Ronnie) Veinerman, Teddy Piastunovich and Eli Kama. Two scholarships were contributed by Ilana and Giora Lesk in memory of Ella and Shlomo Lesk and Mussia and Dany Berkovich who were outstanding activists in Igud Yotzei Sin.

According to tradition, at the end of the ceremony, all the scholarship recipients went up on stage again to join the members of the presidium in a group photo. Finally, the master of ceremonies Alex Nachumson wished the students health and success. Au revoir until the next gathering!

How Jewish refugees found a wartime home in Shanghai

By Jack Wang

Karin Zacharias (right) and her brother Hans Peter Zacharias, pictured in 1941 on the day of his bar mitzvah in Shanghai.
Courtesy of Jacqueline Pardo

Scholar's novel, exhibit explore lives of those who fled World War II Europe

22

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

Asst. Prof. Rachel DeWoskin has visited Shanghai every summer for nearly a decade, walking along streets that more than 18,000 Jewish refugees once called home. Spanning roughly a square mile, those blocks were where they established schools and businesses, rebuilding their lives in one of the few cities that accepted World War II refugees without visas.

DeWoskin's years of research culminated in the January publication of *Someday We Will Fly*, her fictionalized account of a young Jewish girl fleeing war-torn Poland. Described as "a beautifully nuanced exploration of culture and people," the book is the fifth from DeWoskin - an award-winning novelist and assistant professor of practice in the arts who has taught at the University of Chicago since

2014.

In writing her novel, DeWoskin also relied in part on the family possessions of UChicago staff psychiatrist Jacqueline Pardo, whose German Jewish mother Karin Pardo (née Zacharias) lived in Shanghai as a child. A selection of those objects and photographs are on display on the third floor of Regenstein Library through March 24.

That exhibit is sponsored by the Joyce Z. and Jacob Greenberg Center for Jewish Studies, which is also supporting two events: a March 13 conversation between DeWoskin and former Secretary of the Treasury W. Michael Blumenthal followed by a concert of wartime music by Civitas Ensemble, and a March 14 symposium on the legacy of the Shanghai Jews.

DeWoskin spoke recently about her writing process, and what people can learn from this overlooked aspect of World War II history.

A display you saw in 2011 at

These food ration coupons entitled refugees in Shanghai to basic necessities such as flour, sugar and coal briquettes.
Photo by Vidura Jang Bahadur

the Shanghai Jewish Refugees Museum planted the seeds for Someday We Will Fly. What was it that stuck with you?

There were two photographs in particular, of children who had escaped Nazi-occupied Europe and were living out World War II in Shanghai. The first was of a group of teenage boys, holding table tennis paddles and wearing matching polo shirts monogrammed with school insignias. The boys have the hollowed-out look of kids growing up in the context of war, but they also look like teenagers anywhere, mischievous and sweet.

I tried to imagine the lives of their parents, who had fled murder and persecution and brought their children to Shanghai, which had to be unimaginably unfamiliar and difficult for them. From there, they had built a school, created a table tennis team, and then gone to the trouble to make shirts. Those tiny insignias seemed to me iconic of the way human beings save each other and our children - not to mention the resilience refugees demonstrate, in ways both too small to be seen and too vast to be measured.

Next to that image was one of two toddlers holding rag dolls. The girls were in rags themselves, but someone who loved them - their parents, maybe, or friends or neighbors - had sewn dolls for them, and painted on those

dolls lovely, expressive faces. The records of these children's lives, and the objects that revealed their community's devotion to them, inspired Lillia Kazka, the 16-year-old refugee at the center of *Someday We Will Fly*.

Lillia let me ask, in as many complicated ways as possible, the horrifying question of how human beings survive the chaos of war. Who loves us enough to keep us safe in the face of staggering danger and violence, and how can children come of age in circumstances as un-nurturing as those of occupied cities? How do we figure out how to live, to use languages both familiar and unfamiliar to tell stories that make our lives endurable? How do we hold on to the possibility of hope, even when we feel the constant pulse of dread?

Jacqueline Pardo and W. Michael Blumenthal were among the

These German paper dolls, which would have been a rare toy and thrilling to receive, were mailed to Karin Zacharias from Berlin by her grandmother, Helene Zacharias. Helene later died in Theresienstadt.

Photo by Vidura Jang Bahadur

many people whose stories, books and lives helped shape your research and writing. How did the two of them inform your work?

I met Jacqueline Pardo by almost miraculous coincidence on campus. I went to her house in 2014 and was stunned to discover that she has a world-class archive of objects, documents and photographs that belonged to her mother in Shanghai during World War II. The objects, documents, and photos of Karin's girlhood gave me the sweep and scope of a lived girlhood in Shanghai during the war: her school bag; notebooks and diaries; a thank you note she and her fellow Girl Guides wrote to American soldiers who had given them chocolate; and her exemplary report card, tarnished only by her music teacher's hilarious note, "Can't sing."

I also talked with and read the books of the supremely generous Michael Blumenthal, a former Treasury secretary under President Jimmy Carter. Michael is a Shanghai Jew who grew up in the neighborhood of Hongkou, which in 1943 became a ghetto - all Jewish refugees were forced to move there. He gave me a view of China and humanity both profound and intricately detailed. He remembered the boys walking in circles around Hongkou, like teenage boys anywhere, hoping for the notice of their crushes.

He also described what it felt like to come to understand as a child that some adults rally in the face of hardship, while others disintegrate. While working in the White House, he asked himself of each powerful person he met: "How would he or she

do in 1940s Shanghai, dressed in flour sacks?" His wonder and empathy informed and continue to inform mine.

Why did you also want to build an exhibit out of Jacqueline Pardo's family possessions?

Whenever I find something astonishing or profound in the world, I want to show it to my students. This is why the Program in Creative Writing works so hard to bring our favorite writers and their brilliant work to campus, and why I was determined to have Blumenthal come and talk with us. When I saw Jacqueline's mother's belongings, and percolated how instrumental they had been to me in writing '*Someday We Will Fly*', I wanted to show them to my students. I also assigned my writers to bring in objects, documents, and photographs that were parts of or necessary to their novels-in-progress.

Writers are doing research all the time. It's not always formal, but all of our looking, asking, and listening - it counts. I wanted to say to my students how much their work in the world matters,

Karin Zacharias (right) and Rudy Oppenheim fled war-torn Europe as children. Pictured en route to Shanghai in 1939, the two were among the over 18,000 Jewish refugees who found safe harbor in the city's Hongkou district.

Courtesy of Jacqueline Pardo

that they're creating a record so they can convey meaning or ask questions. We gain emotional and intellectual knowledge by looking at pictures or objects and asking: "How did this come to be?" Or looking at somebody's mother's book bag, report card, or paper dolls, and being transported by those objects into 1940s Shanghai.

Seeing one family's record of wartime daily life gives us a way to wonder about how to help people who are now at risk, who are now separated, who are now fleeing violence and danger. I hope our exhibit elicits both empathy and activism.

Was there any part of the

research process that surprised you?

What was surprising to me was the combination of the unbelievable difficulty families faced, and at the same time the normalcy a lot of them worked to achieve. As I've worked on the book, I've felt more and more that the world of 1940s Shanghai is maybe not that different from the contemporary world that we're inhabiting right now. There are children facing the same sorts of risks as the kid at the center of my book. There are parents facing the same astronomical obstacles. There are people behaving heroically, and there are those behaving unforgivably.

If we look at history and imagine ourselves into it in ways both empathetic and literary, we can create ways to move toward a more socially just world.

Former Secretary of the Treasury W. Michael Blumenthal will speak with DeWoskin on March 13 at 5:30 p.m. in Fulton Hall, a conversation followed by a performance of wartime classical music from the Civitas Ensemble. On March 14, the Franke Institute will host a daylong symposium exploring the legacy of the Shanghai Jews through historical scholarship, literature and music.

**Courtesy of Jacqueline Pardo
Mar. 11, 2019 – Chicago News
Shanghai Jews archive 1/5**

Shanghai Jewish Refugees Museum

24

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

Kaifeng Synagogue

In 1163, the Great Jin (1115-1234, ruled by the Jurchens) government granted the Jews in Kaifeng a plot of land and subsidised the construction of the Kaifeng synagogue. The assigned land was bounded by the Teaching Torah Lane North (北教經胡同) and Teaching Torah Lane South (南教經胡同). The synagogue was accompanied by sukkah, study area, ritual bath, large kitchen and kosher butchering facility. Scholars believed the original congregation probably had 500 people, composed of 70 clans (or families).

While the Kaifeng Jews embraced many elements of Chinese culture, they guarded their own faith. The synagogue had a traditional Chinese architecture on the outside but it differed from other places of worship in China on the inside – there were no idols, of any form. Generations of Jewish children studied Hebrew and Torah here. The facility also allowed the Jews to follow a kosher diet. The Chinese called them. “The Religion that Plucks out the Sinews (挑筋教)” in reference to the custom of removing the thigh muscle of the ritually slaughtered animal according to the laws of kashrut.

Over the next 700 years, this synagogue was destroyed and rebuilt at least nine times.

In 1723, Emperor Yongzheng (雍正帝爱新觉罗胤禛, 1723-1735) passed a decree to ban all missionaries from China.

Just before the ban, in 1722, Father Jean Domenge visited Kaifeng and recorded extensively about the Kaifeng synagogue.

He made sketches of both the interior and exterior of the synagogue and noted that the Jewish community took extreme care and great pride in the maintenance of their house of worship. He observed that the synagogue was very Chinese in architecture, with courtyards, wood carvings and strong bilateral symmetry.

The synagogue was called the Temple of Purity and Truth (清真寺) by the locals. The synagogue had a separate hall for ritual slaughter. Special booths were decorated and dedicated to their well-known ancestors, and incense sticks were burned in honour of their patriarchs Abraham, Isaac and Jacob.

The synagogue was decorated by many large trees. Typical of local tradition, the main entrance was closed all year round except

during Chinese New Year time. People normally entered the synagogue by the two side doors. The Holy of the Holies was a special room that no one except the rabbi could enter, and only during special times of the year. The stone tablets were placed in a visible spot to the right-hand side of the courtyard.

It was further recorded that there were 13 copies of the Torah scroll, each enclosed in a silk case. On Sabbath, the Jews had the tradition of placing the Torah on a special “chair of Moses” before reading it. Above the chair hung a plaque that said, “Long live the Emperor (皇上万岁),” a requirement for all places of worship by the Imperial Court. The Jews were wise – in Hebrew characters which the Chinese could not understand, above plaque, they placed the Shema. The Shema stated, “The Lord is our God, the Lord alone.” With this, the Jews knew in their heart that their God was above everything. Many thanks to Lori Lippitz for sending me this blog by Nicholas Zang with interesting details about Kaifeng Synagogue

**Courtesy of Beverly Friend
Received 25/9/2019**

25

I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i

WE NEED YOUR SUPPORT!

Please make a donation to Igud Yotzei Sin

Your donation enables us to do our community work

THANK YOU!

Professor Lihong Song of Nanjing University

Congratulations to Professor Lihong Song of Nanjing University, who established an exciting new program to translate and publish books of Jewish interest for the scholarly community in China, announces the publication of the first book in the series: A Chinese translation of Raymond Scheindlin's *A Short History of the Jewish People*.*

Lihong, who selected appropriate books, commissioned the translations, and directed the printing and publication of these works, wrote that he has used Scheindlins short history as a text book for over 10 years in his classes and "Now this little gem will reach a much broader audience in China."

In response to being thanked for his encouragement and sponsorship, William Fern wrote: All of us here in the U.S. who knows Lihong, especially those who worked with him at the Reconstructionist Rabbinical College, feel proud

and gratified by his success. We look forward to learning about future volumes in the series.

Works by Lihong include the following which can be downloaded from <https://nanjing.academia.edu/SongLihong>

The Image of Jews in Contemporary China (Boston: Academic Studies Press, 2016).

Representations and Identities in the Jewish Diaspora: Essays in Honor of Professor Xu Xin, Beijing: Social Sciences Academic Press, 2018).

(**From Sinai to China: Essays in Commemoration of the 20th Anniversary of the Glazer Institute of Jewish Studies at Nanjing University, Beijing:** SDX Joint Publishing, 2012).

"**Reflections on Chinese Jewish Studies," in The Image of Jews in Contemporary China**, eds. James Ross and Song Lihong (Boston: Academic Studies Press, 2016).

("**What is the Jewishness of the Jewish Nation,"** 2018).

* Raymond Scheindlin's *A Short History* is available from Amazon and described thus:

This sweeping and highly informative work presents the major geographical, cultural, and political forces that have determined the course of Jewish history, introducing the many individuals, both religious and secular, who have shaped the character, mindset, and prospects of the Jewish people. Organized chronologically, the narrative follows the Jewish experience from legendary times to the peace agreements currently being negotiated in the Middle East. And, to give this overview an international and timely perspective, Raymond P. Scheindlin focuses his study on the pivotal events and dominant communities within each historical period.

Courtesy of Beverly Friend - July 2020

XU XIN PROJECTS

Xu Xiv has been busily writing for the last three weeks for two major projects:

1. "Jewish Civilization in Biblical times," as a part of the Summer Lecture Series organized by the Institute for Studies on the Mediterranean Rim. This lecture was given on Aug. 3 on the Cloud, with an estimated

attendance of over 500 attending through the internet.

2. "Religion and Various Aspects of Life" is being videotaped by the China Central TV. Xu will be delivering five lectures on impacts or influences of Jewish religion on thinking, working, social, life and the recreational habits of the Jewish people. He

was in Beijing for videotaping from Aug.4-7 on his very first travel in 2020.

Somehow, I suspect that this is merely the tip of the iceberg and that he has many other projects in hand. I eagerly await more information to pass along.

Courtesy of Beverly Friend
August 6, 2020

Despite COVID-19, Israeli Innovation Day held in Nanjing

By HAGAY HACOHEN

Prof Xu Xin

Citing 'Start-Up Nation' as a book that shaped how Chinese decision-makers view Israel, Prof. Xu Xin says Israel inspired China from the start of the 20th Century. The China-Israel Innovation Center will hold a conference promoting global innovative culture on Thursday at the Jiangning Development Zone (JDZ) in Nanjing as part of the city's TechWeek.

Due to COVID-19, Economy Minister Amir Peretz, Weizmann Institute of Science president Alon Chen and Tel Aviv University president Ariel Porat will not be able to attend in person, but they will send pretaped greetings to the Israelis and Chinese investors, academics and hi-tech

professionals present.

Head of the Foreign Trade Administration in the Economy Ministry Ohad Cohen said China is currently Israel's second largest trade partner, with roughly US 14 billion worth of trade in 2019.

"One third of Israeli imports to Asia are directed to China," he said.

Noting that China is currently transforming its economy and is becoming a "technological superpower", he pointed out that as "we are a world power in innovation" the potential in Chinese-Israeli cooperation is "extremely beneficial" for both nations.

Shengjing Peakview Capital is expected to launch its partnership

with EcoMotion on Thursday. Jointly created by the Economy Ministry, the National Plan to Promote Smart Transportation and the Israeli Institute of Innovation, EcoMotion connects roughly 600 Israeli start-up firms that offer various transportation solutions. Shengjing senior partner Sherrie Wong told The Jerusalem Post that, thanks to the JDZ, Israeli firms will now have a starting point on their journey into China.

"We think they have a great potential in the Chinese market," she said, "which is why we make things happen." So far, Shengjing has invested \$80 million in Israeli companies.

When asked about possible Chinese-Israeli partnerships to combat COVID-19, she mentioned DiaCardio – now known as DiA Imaging Analysis, which was selected by her firm to represent Israeli innovation in China in 2015 – as an example of how innovative mapping of the human heart can be used to save lives in times of crisis.

In addition to hi-tech, academic relations between the two countries are expected to grow, as the Technion-Israel Institute of Technology intends to sign a cooperation agreement with Tsinghua University's AI Center and the Nanjing Tsingzhan AI Center.

Jerusalem Post - July 17, 2020
Courtesy of Beverly Friend

Sections of the remaining Shanghai Ghetto streets are in the process of being demolished

Danny Spungen

1. I sent out a notice to friends/contacts in China about the preliminary screening & panel discussion related to the new documentary this Thursday Aug. 27th 6:30pm Chicago time (see attached flier and visit <https://ovee.itvs.org/screenings/qbzul>).
2. I got a very important reply back from a fellow collector/researcher

28

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

of the Shanghai Ghetto who lives in Shanghai. As noted in his email, big sections of the remaining Shanghai Ghetto streets are in the process of being demolished. Local residents are being moved out "now." Although very very sad, such "redevelopment" is going on all over the world, all the time, affecting a wide variety of history (and the environment). It's the evolution of life! Fortunately, the local Shanghai Municipality does see the value of the Shanghai history and we are fortunate to "have what we have." The Shanghai Jewish Refugees Museum and its own big expansion (as seen in the 2018

photo) is better than nothing. Of course the recent interest in the story, video testimonials of refugees/survivors and new documentaries are very important. 3. Included on this blind copy email is Gary Sternberg, now living in the USA who lived at 818 Tangshan Road which my friend and I visited... and he took pictures of the last days/weeks. Our Foundation is also very very fortunate that Gary donated his important artifacts/documents to us to keep his story very much alive with students!

Some of the last photos "today" of the Shanghai Ghetto Tangshan Road due to be demolished

Danny
Courtesy of Beverly Friend
24.8.20

THE LAST KINGS OF SHANGHAI

By Jonathan Kaufman

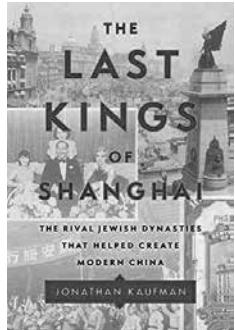
The Rival Jewish Dynasties that helped create Modern China

The Sassoons and the Kadoories - two Jewish families from Baghdad - had long been successful in business, politics, and society. They kept up their intrigues and opium smuggling while helping to rescue 18,000 Jews from Hitler's Europe, and though they soon faced the tsunami that was communism, their legacy remains today.

Book Review

An epic, multigenerational story of two rival dynasties who flourished in Shanghai and Hong Kong as twentieth-century China surged into the modern era, from the Pulitzer Prize - winning journalist Shanghai, 1936. The Cathay Hotel, located on the city's famous waterfront, is one of the most glamorous in the world. Built by Victor Sassoon - billionaire playboy and scion of the Sassoon dynasty - the hotel hosts a who's who of global celebrities: Noel Coward has written a draft of Private Lives in his suite and Charlie Chaplin has entertained his wife-to-be. And a few miles away, Mao and the nascent Communist Party have been plotting revolution.

By the 1930s, the Sassoons had been doing business in China for a century, rivaled in wealth and influence by only one other dynasty - the Kadoories. These two Jewish families, both originally from Baghdad, stood astride Chinese business and politics for

more than 175 years, profiting from the Opium Wars; surviving Japanese occupation; courting Chiang Kai-shek; and losing nearly everything as the Communists swept into power. In *The Last Kings of Shanghai*, Jonathan Kaufman tells the remarkable history of how these families participated in an economic boom that opened China to the world, but remained blind to the country's deep inequality and to the political turmoil at their doorsteps. In a story stretching from Baghdad to Hong Kong to Shanghai to London, Kaufman enters the lives and minds of these ambitious men and women to forge a tale of opium smuggling, family rivalry, political intrigue, and survival.

The book lays bare the moral compromises of the Kadoories and the Sassoons - and their exceptional foresight, success, and generosity. At the height of World War II, they joined together to rescue and protect eighteen thousand Jewish refugees fleeing Nazism. Though their stay in China started out as a business opportunity, the country became a home they were reluctant to leave, even on the eve of revolution. The lavish buildings they built and the booming businesses they nurtured continue to define Shanghai and Hong Kong to this day. As the United States confronts China's

rise, and China grapples with the pressures of breakneck modernization and global power, the long-hidden odysseys of the Sassoons and the Kadoories hold a key to understanding the present moment.

Review

"The Last Kings of Shanghai examines the little-known history of two extraordinary dynasties. In the end, if not in the beginning, they were, as Kaufman puts it, 'on the wrong side of history.' But now, thanks to him, they are at least part of history." - The Boston Globe.

"A multigenerational epic of the Sassoon and Kadoorie dynasties, which rightly takes business out of the shadows and puts it at the heart of modern China's history... The author entertainingly contrasts the undisciplined Sassoons with the strict approach of Kadoorie and his sons Lawrence and Horace... book is excellent too on China's tumultuous history... This work does a great service in putting business at the heart of a key development - China's reemergence. - Financial Times.

"Kaufman writes with style and strikes a careful balance between holding the families accountable for their "colonial assumptions" and celebrating their accomplishments. This richly detailed account illuminates an under examined overlap between modern Jewish and Chinese history."

The Publishers Weekly - 2020

29
I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i

A Second Sugihara Discovered

Japanese original by Hiroyuki Tanaka

New evidence has emerged showing that during World War II, Japan's acting consul-general in Vladivostok in the then Soviet Union issued transit visas for Jews escaping persecution from Nazi Germany to pass through Japan.

Records showing that Saburo Nei (1902-1992) had granted the visas were known to have been kept in Russia, but now for the first time the existence of one of the actual documents has been confirmed. Another Japanese diplomat, Chiune Sugihara (1900-86), is known internationally for having helped Jews in Lithuania during wartime. But a person connected to the new findings said, "We want many people to know that there were Japanese diplomats other than Mr. Sugihara who saved Jewish people."

The visa was found by Akira Kitade, 76, a freelance writer living in Tokyo who has written books on Jewish refugees. While pursuing leads on survivors' stories he learned that Polish Jew Simon Korentajer had been to Japan on travel documents issued by Nei. Korentajer's grandchild Kim Hydorn, 53, who resides in the United States, sent him pictures of the visa.

The visa was issued on Feb. 28, 1941, and permits travel to the U.S. via the ports of Tsuruga in Fukui Prefecture on the Sea of Japan and Yokohama, which lies

on the Pacific side of the country, in Kanagawa Prefecture south of Tokyo. Nei's signature and the consulate in Vladivostok's official seal are also included. It was printed on a separate document to his passport.

According to Kitade, Korentajer was born in Warsaw, and escaped from Poland to Lithuania with his family after it was invaded by Nazi Germany in September 1939. In early February 1941, the U.S. Embassy in Moscow rejected their application for visas to enter the United States. They then traveled via the Trans-Siberian Railway across the Soviet Union to Vladivostok on the country's eastern coast.

At the time, the Japanese government would not grant transit visas to people without permission to reach their final destination, but it appears that Nei made an independent decision to issue them. In March 1941, Korentajer and his family set foot on Japanese soil by entering from Tsuruga. They then traveled from Kobe, in the western prefecture of Hyogo, to Shanghai. They finally reached the U.S. after the war in August 1947, when they arrived in San Francisco.

Until now, it hadn't been known that Nei had issued visas. But recent joint research by professor Yakov Zinberg at Kokushikan University and in Russia found records in the

state archives of its Ministry of Foreign Affairs showing that on March 3, 1941, Nei told an official stationed in Vladivostok for the Soviet Union's People's Commissariat for Foreign Affairs that he had "issued a set number of transit visas without permission from Tokyo." He reportedly said he felt sorry for the many refugees staying in the area, so he granted the documents. Professor Zinberg said, "The visa that's been found now is an important document in support of the written records found on the Soviet side."

Acting consul-general Chiune Sugihara also issued many visas between July and August 1940. He did so on humanitarian grounds, and his actions were in opposition to the policies of the Japanese government at the time. But Japan's Ministry of Foreign Affairs was put in a difficult position due to the conditions of Sugihara's issued visas for refugees to Japan being insufficient, and demanded the Japanese Embassy in the Soviet Union re-examine the documents in March 1941. However, when questions were put to Nei about them, he sent back a telegram saying he was "unamused" by the query.

After the war, Nei reportedly never talked about having issued the visas, or about the diplomatic climate at the time. But in 2016 an appreciation

society for him was established in the city of Miyazaki, the capital of the southwestern prefecture of the same name and the area he grew up in.

Efforts to bring recognition to his achievements are continuing. Kitade said, "I want to see light shed on Nei, whose presence has been hidden in the shadow of Sugihara."

Saburo Nei was born in the village of Hirose, now part of the city of Miyazaki, in 1902. He studied abroad with the

Ministry of Foreign Affairs in 1921, and learned Russian at the Nichiro Kyokai Gakko school for Japanese and Russian cooperation, now Harbin University, in what was then occupied Manchuria and is now northeastern China. Chiune Sugihara was two terms above him at the school. As a diplomat, Nei was stationed in the Soviet Union and in Iran, and from December 1940 took up the post of acting consul-general at the consulate in Vladivostok. After

the war he resigned from the Ministry of Foreign Affairs, and joined the Immigration Services Agency of Japan. He went on to serve as the head of the regional immigration bureaus in Kagoshima and Nagoya.

*Reprinted from The Mainichi
28 May, 2020 <https://mainichi.jp/english/articles/20200528/p2a/00m/0na/012000c1/3>*

**Courtesy of Anson Laytner
06/2020**

A STUDY OF JEWISH REFUGEES IN CHINA {1933 – 1945}

By Pan Guang

Congratulations to Professor Pan Guang on publication of his book A Study of Jewish Refugees in China (1933–1945): History, Theories and the Chinese Pattern. Amazon Book Description: This book comprehensively discusses the topic of Jews fleeing the Holocaust to China. It is divided into three parts: historical facts; theories; and the Chinese model. The first part addresses the formation, development and end of the Jewish refugee community in China, offering a systematic review of the history of Jewish Diaspora, including historical and recent events bringing European Jews to China; Jewish refugees arriving in China: route, time, number and settlement; the Jewish refugee community in Shanghai; Jewish refugees in other Chinese cities; the “Final Solution” for Jewish refugees in

Shanghai and the “Designated Area for Stateless Refugees”; friendship between the Jewish refugees and the local Chinese people; the departure of Jews and the end of the Jewish refugee community in China. The second part provides deeper perspectives on the Jewish refugees in China and the relationship between Jews and the Chinese. The third part explores the Chinese model in the history of Jewish Diaspora, focusing on the Jews fleeing the Holocaust to China and compares the Jewish refugees in China with those in other parts of the world. It also introduces the Chinese model concept and presents the five features of the model.

Pan Guang, PhD
Walter and Seena Fair Professor of Sino-Jewish Studies
Professor and Director, Center of SCO and B&R Studies at SASS

Dean, Center of Jewish Studies
Shanghai (CJSS)
Senior Advisor, Chinese Association of Middle East Studies

Note by Beverly Friend; I remember meeting Pan Guang about 30 years ago, visiting his home in Shanghai and having him join Xu Xin to lead us on a tour of the Hongkou district where many Jews were housed during the Holocaust. He told us that what had sparked his interest was when he was a child and Jews suddenly appeared to live in his neighborhood. As suddenly as they arrived, they later disappeared. Who were these people? The answer to this question became the impetus for his fine scholarship. It was a privilege to meet him and explore the past together as we toured the area.

**Courtesy of Beverly Friend –
July 2020**

LIST OF SCHOLARSHIPS

December 25, 2019

Scholarship Grants from the ETHEL DUNN FOUNDATION

AKOUN Shany	Herzog Academic College	Special Education & Language
ASHKENAZI Menachem	The Open University	Psychology
AVIRAM Shiran	The Max Stern Yezreel Valley College	Sociology, Anthropology and Education
BEN ALTABET Erez	Ben-Gurion University of the Negev	Mechanical Engineering
BITTON Omer	Azrieli - College of Engineering	Mechanical Engineering
BOOTON Ruth	Bar- Ilan University	Psychology
BRAGIN Shahar	Tel Aviv University	Psychology
BROSH Maya	The Open University	Humanities and Social Sciences
COHEN Gal	Bar- Ilan University	Information Science & Comparative Literature
COHEN Stav	The Afeka Tel Aviv Academic College of Engineering	Industrial Engineering & Management
DANDEKER Yarden	Ben-Gurion University of the Negev	Biomedical Engineering
EFRAT Keshet	The Academic College of Tel-Aviv – Yaffo	Social Behavior
EPSHTEIN Oscar	Ben-Gurion University of the Negev	Software & Information Engineering
FALK Ariel	Ben-Gurion University of the Negev	Phisycs
FRANSIS Sharon	Tel Aviv University	Management & Communication
FRIEDMAN Michal	Bar- Ilan University	Computer Science
GALRON Noy	Bezalel Academy of Arts & Design Jerusalem	Art
GALRON Yaniv	Technion - Israel Institute of Technology	Electrical & Physics Engineering
GERSHON Orpaz	The College of Law and Business	Business Administration
GILAD Bar	The Hebrew University of Jerusalem	Media and Journalism / Islam and the Middle East
GINANSKY Roey	The Technological College of Practical Engineers in Ariel	Cyber
GOLDINER Gal	The Open University	Law Studies
GRUDSKY Natali	Tel Aviv University	Psychology & Humanities
GUR Nof	The Max Stern Yezreel Valley College	Education and Criminology
HACHAMOFF Nethalie	David Yellin Academic College of Education	Primary Education
HAZAN Neomi	Sappir College	Animation
HIMLICH Alon	Ruppin Academic Center	Electronic Engineering
HOROSHAVIN Meitar	The Hebrew University of Jerusalem	Romance Studies & Criminology
HURI Adi	Ariel University	Civil Engineering
ISRAELI Omer	Tel- Aviv University	Psychology & Management
KAIKOV Rotem	Ruppin Academic Center	Behavioral Sciences
KALFUS Ori	Ono Academic College	Law Studies
KALFUS Oriya	Lev Academic Center	Nursing
KALFUS Talya	Lev Academic Center	Nursing
KLEIN Raz	Ben-Gurion University of the Negev	Information System Engineering
MAKOV Ofri	Sapir Academic College	Communication Studies
MEIR Hagar	Ben-Gurion University of the Negev	Physics & Mathematics
MIZRAHI Alon	Tel- Aviv University	Law & Biblical Studies
NAGAR Dolev	Hadassah Academic College Jerusalem R.A	Service Organization Management
OFFIR Ella Mai	Tel- Aviv University	Biology

Scholarship in memory of ELLA and SHLOMO LESK donated by Ilana and Giora Lesk

ORENSHTEIN Avishag	Ben-Gurion University of the Negev	Economics & Management
OZER Koral	Beit Berl College	English

Scholarship in memory of MUSSIA and DANNY BERKOVICH donated by Ilana and Giora Lesk

PODOLSKY Tal	The College of Management Academic Studies	Business Administration and Accounting
SCHWARTZ Amir	Ben-Gurion University of the Negev	Computer Science
SCHWARTZ Tohar	Technion - Israel Institute of Technology	Architecture & Town Planning
SOPRAVSKI Tomer	Ruppin Academic Center	Behavioral Sciences
TASTAS Eden	Ben-Gurion University of the Negev	Economy

32

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

Scholarship in memory of RAN (RONNY) VEINERMAN from the Igud Yotzei Sin Fund

VAGNER Ziv

VANDEL Lior

VARSANO Iris

VILDORF Adi

Haifa University

Technion - Israel Institute of Technology

The Open University

Kibbutzim College of Education

Computer Science

Computer Science

Computer Science

Creative Education for Preschoolers

Scholarship in memory of TEDDY PIASTUNOVICH from the Igud Yotzei Sin Fund

VILDORF Tomer

WEINSTEIN Michal

WINKELSTEIN Elad

WINKELSTEIN Harel

Kibbutzim College of Education

Technion - Israel Institute of Technology

Ariel University

Ort Singalovski College Tel-Aviv

Media and Cinema

Civil Engineering

Criminology

Industrial Engineering & Management

Scholarship in memory of ELI KAMA from the Igud Yotzei Sin Fund

WOLBRUM Lihi

WOLBRUM Lotem

YOSEF Ofir

ZIV Chen

The Open University

Ruppin Academic Center

David Yellin Academic College of Education

Technion - Israel Institute of Technology

Computer Science

Industrial Engineering & Management

Special Education

Biomedical Engineering

ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY Scholarship Fund

ZHAO FANG

NI CHUNRONG

MA FANGQING

HE JINGJIE

SUN FANHUI

LIU BINGCHEN

NA DING

ZHANG HUIMIN

LI ZEXI

FENG JINGWEN

WU YUVAL CHANGJIAO

SHANG ENTONG

Bar-Ilan University

The Hebrew University of Jerusalem (HUJI)

University of Haifa

The Hebrew University of Jerusalem

University of Haifa, HUJI

Bar-Ilan University

Bar-Ilan University

Bible Studies

Bible & Ancient Near East

Prehistoric Archaeology

Political Science

East Asia Studies

Political Science

Islamic & Middle Eastern Studies

Israel Studies

Planting Science and Biotech

Islamic & Middle Eastern Studies

Interdisciplinary of Arts

Communication & Political Science

A Jewish Dynasty in a Changing China

By Jonathan Kaufman (excerpted)

For more than a century, the fortunes of the powerful Kadoorie family have been a barometer of Chinese openness to the world. Since 1880, when an Iraqi Jewish refugee named Elly Kadoorie arrived in Hong Kong, China has gone through a series of revolutions - from domination by Western powers to independence, from Nationalist to Communist rule, from colonialism to capitalism to communism. Through it all, the Kadoorie family has been a barometer of the country's openness to the world, rising to become the richest Western family in China. Leaders have been seeking their advice for generations, drawn by their combination of business skills and political acumen. Now, as China cracks down on dissent in Hong Kong and defiant protesters again take to the streets, the problem facing the family - like other companies and governments seeking to deal with a more repressive and nationalistic regime - is whether China will continue to welcome them.

The Kadoories built their first fortune in Shanghai between the world wars, when the city became a global crossroads. When the communists took over in 1949 and expelled foreigners, they lost almost everything, fleeing to British-ruled Hong Kong to make a new start. Over the next 25 years they grew richer than ever, amassing an \$18 billion portfolio

that includes China Light and Power, which provides electricity to 80% of Hong Kong's residents, and the luxury Peninsula hotel chain.

When the People's Republic began to open up in 1972, after President Nixon's visit, one of the first calls the communist leadership made was to the Kadoories, seeking their help in building a nuclear power plant. The Kadoories, who remain British citizens, became one of the country's biggest foreign investors, returning to Shanghai triumphantly to build a new Peninsula Hotel. Today they meet regularly with top Chinese leaders, including Xi Jinping.

It has been a steep ascent since Elly Kadoorie landed in Hong Kong at the age of 18. He had been recruited to work for a major trading firm owned by the Sassoons, another Jewish family that had come to China from Baghdad 35 years earlier, just after the Opium Wars. But Elly soon struck out on his own, steering clear of opium, one of the main commodities the Sassoons transported between India and China. Instead he invested in hotels, land and utilities, building the infrastructure for the growing city of Shanghai as it became the "Paris of the East." In time he built the grandest mansion in the city - 43 rooms for just three people - and entertained celebrities like Charles Lindbergh. The Kadoories' hotels hosted the world's elites,

including the wedding of Chiang Kai-shek.

The Kadoories were what Americans would call Reform Jews; they attended High Holiday services and spoke about religion in terms of Jewish history and values. Privately, many British businessmen disparaged the Kadoories with anti-Semitic slurs, mocking them as "hook nosed," members of the "Jew boys club." But in the early 20th century, as China opened up to Western ideas and students and officials began to travel abroad, many Chinese intellectuals developed a fascination with Jewish culture. Sun Yat-sen, the first president of the Republic of China, wrote to Elly Kadoorie that the Jews were a "wonderful and historic nation, which has contributed so much to the civilization of the world." Kadoorie, an active Zionist, helped persuade him to endorse the 1917 Balfour Declaration, which laid the groundwork for the founding of the state of Israel. Like the Jews, the Chinese knew what it meant to be powerless and lose control over their homeland.

During World War II, the elderly Elly Kadoorie was imprisoned in a Japanese camp, and he died in captivity in 1944. Soon after the war ended, the Chinese communists swept through Shanghai, seizing the family's buildings and art collection. Most Westerners in China, including the Sassoons, fled to Europe,

Australia or the Americas. But Elly's grown sons, Lawrence and Horace, stayed close by, moving to the family's hotel in Hong Kong. "If we sit down and worry, not only will no progress be made but everything will get worse," Lawrence wrote to Horace in 1946. "If we go ahead optimistically, and in the belief that Hong Kong has a great future before it... we shall recover our losses and progress." Hong Kong, Lawrence declared, "may become another Shanghai."

He turned out to be spectacularly correct. Over the next 70 years, through the Cold War and China's economic rise, the Kadoories rebuilt their fortune in Hong Kong. They also concluded that businessmen of their father's generation, isolated and wealthy, had been blind to the rise of communism and paid a terrible price. "The best protection against Communism is to provide living conditions that are better than those in China proper," Lawrence declared. The Kadoories poured millions into helping displaced Chinese farmers and refugees set up small farms in Hong Kong. Research supported by the Kadoories led to the breeding of a new strain of pig that provided more meat for the city's booming population. The Jewish Kadoories, the Chinese farmers joked, "know

everything about the pig except the way it tastes."

The family maintained covert ties with the mainland and never publicly criticized the communist regime.

At the same time, the Kadoories were convinced that one day China would open up again. They maintained covert ties with the mainland and never publicly criticized the communist regime. The strategy paid off in 1978, when the Kadoories were welcomed back by Deng Xiaoping and invested a billion dollars in China's first nuclear plant. Later they helped to keep Hong Kong calm as the British negotiated its handover to China, which took place in 1997. "You have always been a friend to China," an aide to Xi Jinping told Michael Kadoorie, grandson of Elly and the current head of the family.

Michael Kadoorie still believes that Hong Kong's business community must work with China. Last summer, as the city was racked by increasingly violent anti-China demonstrations, he wrote a full-page advertisement that ran in local English and Chinese newspapers. "It is disheartening to see what has overtaken the city recently," he wrote. "I do not support violence nor do I believe this should be the way to resolve conflicts." Instead, he pleaded,

China must "find solutions in mutual respect, understanding and open dialogue."

It's a familiar dilemma for the Kadoories. Whenever China has been open and engaged with the world - in Shanghai in the 1920s and 1930s, in Hong Kong under British rule, and in mainland China after 1978 - the family has prospered. Their success is a testament to China's ability to absorb foreign influences and benefit from foreign investment. But as the country turns more assertive and nationalistic, the tightrope the Kadoories walk is growing thinner.

Many thanks to Tom Grunfeld for sending this fascinating essay from the Wall Street Journal, "English Edition May 30, 2020.

By Jonathan Kaufman - Mr. Kaufman is director of the School of Journalism at Northeastern University. This essay is adapted from his new book, "The Last Kings of Shanghai: The Rival Jewish Dynasties That Helped Create Modern China," which will be published by Viking on June 2.

Note: Many thanks to Tom Grunfeld for sending this fascinating essay from the Wall Street Journal, English Edition May 30, 2020

**Courtesy of Beverly Friend
- May 2020**

**Your donations
are greatly appreciated
Many Thanks**

LETTERS

Cody Bahir | codybahir@gmail.com

I am looking for Jewish religious books in Mandarin like siddurim, or books ON Judaism in Mandarin. Please let me know if there are any. I am a Jewish teacher and my wife is from Taiwan.

Jacki Goodridge | jacki@robridge.com.au

Looking for information about my father's family: His great-grandparents were Samuel and Nadezhda Gourevich, their children - Abram (my grandfather), David, Yasha, Grisha, Misha, Sonya, Tsilia, Vera. My father, Daniel (Goodridge) was born in Harbin in 1926. The family lived in Harbin and then Tientsin where they had an oil factory. Any information about any of these relatives would be amazing.
Approx. dates having resided or transited China: 1900s to 1950s. Thank you.

Ekaterina | e.brudnaya@mail.ru

Dear Sirs,

Sisters of my great-grandfather - Anna (Khana) Brudnaya (1890 year of birth), Eugenia (Zelda) Keimach (1893 year of birth) and her husband Joseph Keimach (1887 year of birth) got Israeli visa to move from Shanghai.

I'll be happy to get any information about their destiny. We have no information.

Approx. dates having resided or transited China: 1955.

Thank you.

36

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

Cindy Wilkinson | cwilkinson46@gmail.com

I am researching my great uncle, Dr. Rudolf Spiewkowski, a physician who fled Berlin and arrived in Shanghai in 1939. I cannot find where he went after 1947. He practiced medicine in Shanghai, published papers on medical issues and was clearly active there, but I cannot find out when he left or where he went. I am looking for any assistance in finding out his next destination. He would have been in his early 50s in 1947.

Approx. dates having resided or transited China: 1939 – 1948.

Lia Solomonovna Stolowy | farida.pomerantz@gmail.com

Interested in the Anshelewich family in Harbin from 1905 until 1936 Immigrant of Polish birth. Lived in Harbin and ran a fancy French perfume and novelty store on Kitaiskaya Ulitsa in Harbin. Born in Harbin. Student at Glazunov Music School, Harbin. Studied piano at Shanghai Conservatory. Moved to Kobe, Japan.

Approx. dates having resided or transited China: 1920-1939.

Nancy Sherman | njs_projects@yahoo.com

My grandfather, Hyman Matisoff, was said to have had a brother who left Russia and went to China. My grandfather left Russia around 1914 & came to America. I'm not sure who left Russia first.

Approx. dates having resided or transited China: 1910-1920 immigrated.

Mayer Sarit | saritmayer@gmail.com

Dear Mam/Sir

My name is Sarit Mayer and I'm trying to find details about my father's family. When exactly they came to Tsingtao I don't know.

My father was born there on 27.3.1935 and the family left for Shanghai in 1948 and from there they left for Israel. My grandfather was the Rabbi of the community in Tsingtao. His name was Rabbi Issac Mayer and his wife was Miriam Mayer. I have no more details than that and there is no family member at all to ask.

Approx. dates having resided or transited China: Tsingtao until 1948, Shanghai until January 1949.

I will appreciate any more information if you have to share with me.

Thank you very much

Kat Venegas | kat.venegas@gmail.com

Hello.

My great-aunt Ella Salomon (born 1878 in Wirsitz, Poland) left during WWII with her kids, Rose Reich and Joachim Reich. Rose Reich was in Shanghai and I was wondering if any other records of this family existed there because I do not know where Ella went. Joachim died in the USA.

Approx. dates having resided or transited China: 1938-1949.

I am also interested in the surname Jacobus as this is my grandfather's paternal line.

Thank you.

David Persits | jpersits@yahoo.com

We are making a genealogical research about our family member, Haim Itzhaq Persitz, who escaped from the Russian Revolution in February 1917 to China, possibly to Harbin. According to information available to us, he must have married in China and have children there. He was Jewish, and thus very probably was a member of some Jewish community during his more than 10 yearlong stay in China. He did not die in China, as in 1929 his traces reappeared in Paris. But according to our information, he went to Paris alone, and so, must have left behind his Chinese wife and children. We are interested in any archival information about this person and his possible wife and offspring which he left behind in China in the years 1917-1929.

Thank you very much for your help.

Best regards

Margot Paul | margot_paul@hotmail.com

I am searching for any records pertaining to these family names.

There was a marriage between Rachel Treinen and Jacob Etzin, who were introduced by a rabbi. I understand that Jacob Etzin was also a rabbi. Their son, Bernard Jacob, was born in Kobe but came to live with his grandparents in Harbin for a while. There was a book store in Harbin owned by the Treinen family, but I do not know which one.

Approx. dates having resided or transited China: 1920 - 1930.

Thank you in advance!

David | sherby634@gmail.com

Looking for information on the Maimann and Klinger families who lived in Shanghai during the war.

Approx. dates having resided or transited China: 1939-1950.

Karen Frock | kfrock@verizon.net

It is my grandmother's uncle, Felix Weikersheimer, we are seeking. We do not know whether he arrived in Israel or died enroute. He was born 21 January 1891 in Germany. He was single, 59 years old, and a salesman at the time he arrived in Naples on the transport ship from Shanghai Resettlement Camp. My Uncle Sam Frock served on the U.S.S. St. Croix and docked in Shanghai during the war. He looked for Uncle Felix, but could not find him. We do not know whether he arrived in Israel. Older family members believed Felix died on the ship, on the ocean, but we have no record. Thank you for any help you can provide.

Approx. dates having resided or transited China: arrived 10 Sept. 1950 on Anna Salen from Shanghai Resettlement Camp, destination Israel.

In peace,

Marita SEEFIELD | Victoria, AUSTRALIA | m.seefeld@bigpond.com

I am attempting to find information in relation to my maternal grandmother's family and hoping somebody may be able to help.

My grandmother – Rosalie FROGE was born in Harbin, Manchuria on May 11, 1915.

Her father was Joseph/Josef FROGE – I am led to believe was a "teaching Rabbi" in Harbin. Her mother, (Joseph's second wife, I believe) was Agnessa/Agnes/Agnis KOTOK (from what I have managed to piece together this is her surname – though I have also found references to HIRSCH/HIRSH which was her father's name – KOTOK has also been referenced as his surname). From the information I have, I would assume Joseph's first wife may have died in Harbin ... though I am not sure of this fact.

Rosalie had two ½ sisters (by Joseph): Ivgenia/Ivjenia/Genia FROGE or similar (who later went by Jenny) who was born in Pochev, Russia in 1898. Helia FROGE (later Rachel) was born in Harbin on August 24th, 1906.

There was also a brother, Illia (or similar) who was killed in Russia during the war sometime in the 1940's – I believe he was my grandmothers younger brother.

I believe Joseph travelled to Harbin after fleeing Moscow sometime between 1898 and 1906 – though I have not had this positively substantiated – he was, however, Russian as was my great grandmother (according to her immigration papers to Australia). Here was also some talk of Agnessa having roots in Mongolia ... maybe having lived there at some point.

I believe Joseph travelled to Shanghai with his family for Helia's wedding in 1927, though I'm unsure if they left Harbin for good at this time as I lose track of Joseph here – but Rosalie (and I believe Agnessa and possibly Jenny) travelled to Singapore where Rosalie met my grandfather and later immigrated to Australia (with Agnessa) and her children. Helia immigrated to the US at some point.

Thanks in advance

Sam Gerovich | sam@redplanetjapan.com

I am undertaking some family research and am missing one vital piece of information (my grandfather's patronymic) which makes advancing this task impossible. My parents (Bension/Boris/Bob Gerovich and Paula Zeilic) were married at the New (Ashkenazi) Synagogue in Shanghai (also known as Tenant de la Tour Synagogue) on January 21 1948. Would there be a Jewish community record of that marriage? Perhaps a ketubah which would include the names of my grandparents?

I look forward to hearing back from you with any advice on how I might advance this research.

I would be most grateful for any advice you may have for me.

Best wishes,

Shilianskaya Marina | Marina.Shilianskaya7@tafe.nsw.edu.au

My father's father, Zahar Shiliansky had a step-brother, Osip(?) Shiliansk from his father's first wife who died at the end of 19 th century in Odessa. Two out of 4 sons from the first marriage left Russia and one definitely settled in Harbin and opened a bookstore. As the patriarch of the family, German Shiliansk (originally from Lithuania, possibly Shialulai) had decorative confectionary boxes workshop in Odessa and after being widowed remarried, Genrietta and had 2 children Zahar (b.1900) and Charlotta (1905). I would like to know if any records remain about my grandfather's step-brother and whether he remained in Harbin for some time or not. As his father died in 1928, age 78, and political situation became dangerous to correspond freely without NKVDs oversight, I believe that Osip stopped writing letters at some stage but I do not know for sure. All family history I have received was by oral tradition - no letters remained if there were any. My understanding is though that when Zahar and Charlotta were growing up, the 4 brothers were still young enough to continue living or maybe later visiting their house in Greek square, center of Odessa.

Approx. dates having resided or transited China: 1916 - 1950 (?).

Thank you for your time.

Dr. Sidney Katzen | sidney.katzen@gmail.com

Hello.

I am researching the Dmitrovsky family from Kamenets-Litovsk (now Kamyanyets, Belarus) who ran a fur export business with USA & Cuba at the above dates. There were still two companies Samuel Dmitrovsky & Dmitrovsky Bros registered in Shanghai in 1949. Their names were Samuel (b. 1890) and Ephraim aka Fred (b. 1893). I see in your March/April 2006 (page 8) & August 2010 etc bulletins that there is a scholarship fund in memory of Klarissa Dmitrovsky, who was Samuel's wife.

Do you have any more details of this family? I can send you photography, likely in the 1920s, at a company event if you like, and other details.

Approx. dates having resided or transited China: 1922 – 1936.

Thank you.

Patricia Puckett Sasser | patricia.sasser@furman.edu

Director, Maxwell Music Library | University Libraries

Furman University | 864-294-2192

Dear members of the association,

I am writing to you because our library recently acquired two binder's volumes (bound albums of print and manuscript music) that were collected by a young Russian Jewish woman named Bella Tarakhovskaya (Белла Тараховская) who lived in Harbin, China. They contain music that she purchased between 1914 and 1921 at Lev Skorokhod's music shop Lyre (Лира) on Kitaiskaya Street.

We know from the Harbin city directory that Tarakhovskaya was living at 10 Konnaya Street in 1919 but we are not able to find further records in the other Harbin directories or in immigration documents. We suspect that she may have married and changed her name before coming to the United States. As you can imagine, her collection of music provides rare surviving evidence about the musical life of Harbin during the first decades of the 20th century. We would very much like to establish further details about its provenance and history.

We have heard that Igud Yotzei Sin might have or know of marriage records from Harbin. If you have any suggestions for us about how we might trace Tarakhovskaya and archival sources we might consult, we would be very grateful for your advice.

All best wishes,

Natasha Swan | swanfamily45@yahoo.com

I'm looking for information on my biological grandmother who lived in Harbin approximately during the above dates.

Her name is: Natalia Yakovlevna Karenova

She adopted out three children in Harbin, one son we believe went to a Jewish family. The daughter is my mother Valentina.

Any information you can provide such as her husband's name or son's names would be appreciated.

We think our family had some Jewish connection but are unsure.

Approx. dates having resided or transited China: 1935 to 1947.

Thank you.

Howard Kaufman | howiekaufman@gmail.com

Hi,

I am trying to find information on a family member who lived in Harbin in the early 20th century.

His surname was Kaufman (we don't know his first given name) and his patronymic was Leibovitch and he was from Ukraine/Belarus. As far as we know, he was not related to Abraham Iosevich or his son Teddy. Family stories say he was captured by the Japanese in the Russo-Japanese War of 1904, and upon release stayed to live in the Jewish community of Harbin.

The family received letters from him in the 1930s.

He reportedly left a large library, which he bequeathed to the Jewish community of Harbin

Approx. dates having resided or transited China: 1904-1939.

Any information that might match this description would be much appreciated.

Thanks for any comments.

Best,

Stephen Fletcher | s_e_fletcher@hotmail.com

Hi, I am trying to trace my grandparents & great grandmother whom I know lived in Shanghai at this time. Great grandmother whose name was Blima Riva Goldstein ran the Army & Naval Hotel on the Bund & I think my grandparents (surname Bric) joined her there sometime after 1913 when my mother was born in Galatz in Rumania. She died around 1918 (cancer?) & the grandparents disappeared (Spanish flu?) about the same time or earlier leaving my mother (Maria Bric Goldstein) to a guardian who eventually brought her to New Zealand.

Approx. dates having resided or transited China: 1913-1921.

Any light you could shed on these people would be much appreciated.

Many Thanks.

Jacki Goodridge | jacki@robbridge.com.au

Looking for information about my father's family: His great-grandparents were Samuel and Nadezhda Gourevich, their children - Abram (my grandfather), David, Yasha, Grisha, Misha, Sonya, Tsilia, Vera. My father, Daniel (Goodridge) was born in Harbin in 1926. The family lived in Harbin and then Tientsin where they had an oil factory. Any information about any of these relatives would be amazing.

Approx. dates having resided or transited China: 1900s to 1950s. Thank you.

'An Unexpected Micro-Tour through Hongkou Ghetto' Shanghai

Read the city with your eyes and measure it with your steps

This May Day holiday in Shanghai, the city's "micro-travel" has become a new travel choice for many people. There is no need to make many plans, follow your own steps and explore the city. See what new discoveries will be made. Tourists of the city's "micro-travel" generally choose to walk two to three kilometers, and spend half a day to gain an in-depth understanding of the history and culture of a block. During the tour there are guides explaining about the old buildings and the stories that happened there.

Tour guide Xiaoyan: At that time the (Jewish) refugees disembarked in front of us at the International Passenger Transport Center, which was called Huishan Wharf.

Wang Yun, a Shanghai girl grew up on Zhoushan Road, Hongkou, and sheltered 25,000 Jewish refugees during World War II.

Wang Yun is a member of the Micro Tour group: The amount of information is really huge, and many places are familiar. The pace is fast and we hurry through but you do not know that this house may have a history...

The micro-travel is only half a day, but it includes more than a dozen attractions such as the Moses Hall, the old site of the White Horse Cafe, and the Roy Roof Garden. In addition

to this route, Shanghai has also launched a number of special micro-travel routes, including the Modern Bund, the West Side Story, and the Rushing Riverside, combining the unique resources of the urban center.

Gong Yu, the person in charge of micro-travel: This is a very good way for us to resume production. This city micro-travel is mainly outdoors, and we have only about 8 people in a group, and everyone wears masks to keep a certain distance to let more young people feel the city and the world through this way of travel.

It is understood that more than 3,000 tourists participated in the city's micro-travel activities during the "May Day" holiday.

CCTV reporter Sheng Jinyu: Reading buildings with your eyes and measuring the city with your steps. This May Day holiday, micro-travel has become the choice of many people, and this is no coincidence. Because in the past two years, Shanghai has set up streets that will never widen and retain more historical areas. I believe that this series of urban renewal will bring more possibilities for micro-travel after the epidemic.

Danny Spungen wrote: For those who do not know Xiaoyan, he is the #1 collector

of Shanghai Ghetto related mail that I know of in the world. He lives in Shanghai. He has memorized the streets of the former Ghetto area and connects his material to the street addresses and he researches the names associated with the letters and post cards he has. An amazing asset in Holocaust education and his English is excellent. I consider him part of the important next generation of tour guides for the Shanghai Ghetto. I met him some years ago through William Kaczynski, a Holocaust survivor from London who has since passed away. William did not pass through Shanghai, but he had Shanghai related letters in his collection as well. In his letter to Danny, Xiaoyan wrote "China Central Television News Channel today has hundreds of millions audience daily. The theme was about the new lifestyle under the virus." He also included photo of some interesting artifacts including an envelope sent by a Jewish refugee to his sister back in Vienna when he just arrived in Shanghai, using the Lloyd Triestino envelope and address as 138 Ward Road, where the Ward Road Heim was located.

CCTV News Client - May 05, 2020

China and Israel: Chinese, Jews; Beijing, Jerusalem [1890-2018]

By Aron Shai

Recently, we have learned that, within the new Silk Road-style trade network - the **Belt and Road Initiative (BRI)** - Italy has become the first G7 country to back the original Chinese scheme that few countries approve of. In fact, Italy's allies - Europe and the United States - are annoyed by Rome's move. The BRI is no doubt an ambitious project that envisages Chinese investment in a network of infrastructure projects connecting Asia, the Middle East, Africa and Europe. Is China using the project to embolden its political and strategic clout?

In many countries there is a serious division of opinion regarding China's recent initiatives. What are Beijing's real intentions? Is China employing "soft power" tactics aimed at controlling various stations and ports from Darwin in Australia to Piraeus in Greece? Is it a new imperialist power hoping to retain control over South East Asia and East Africa while its next targets are the relatively weak economies of Europe?

There are those who believe that agreements with China could revive weak or stagnant economies and bring much-needed investments for countries who need it most, whether ports, railways, roads, power stations and other infrastructural elements are concerned. Also, exports to China's lucrative market could thus be boosted.

In the **fascinating story of Israel-**

China relations, unique history and culture intertwine with complex diplomacy and global business ventures, as China's recent Belt and Road typifies quite clearly. What are the opportunities and risks involved as China purchases companies that are part of Israel's national infrastructure? What could China's investments cause?

Indeed, when we study the broad history of China from the Opium War to the inheritors of Mao Zedong, we see clearly that in the past eighteen centuries, China has undergone a fascinating process of transition. It has moved from a position of subjugation and humility against the Western powers, into national resourcefulness, overweening pride and even hubris. China's actions, including their use of "soft power," may prove the term hubris apt. China's economic power and its financial reserves are at the apex of a process of "translation" into the language of "hard power" - in other words, conventional power. We may assume that at least in the observable future, this process will not fade, but rather intensify.

The chief conclusions regarding China's powers indicate to policy-makers in Israel that they must reevaluate their long-standing policy toward China. They must abandon the traditional line that is satisfied with mere "maintenance" of relations with China. Instead, Israel must upgrade these ties and adopt a more assertive policy, and perhaps even encourage China to

engage in broader involvement in the Israel-Palestinian conflict and in tensions between Israel and Iran and its other neighbors.

Still, Israel must be wary of sharp turns, and internalize the warnings of challenges awaiting those who blindly follow the Chinese lead. A red light has been lit by the **purchase of Tnuva**, an Israeli food processing cooperative historically specializing in milk and dairy products, by the Chinese company Bright Foods. Tnuva for decades had symbolized the rebirth of Zionism in the State of Israel. The aim of Chinese companies to win the long-term contract for construction and operation of the railroad from Eilat to Ashdod (**the Red-Med Project**), Chinese interest in purchase of insurance companies (which own pensions and savings plans of many Israeli employees), and Beijing's aspiration to win tenders for construction and operation of the two private ports in Ashdod and Haifa are all cause for serious consternation. Objections to these moves, especially the Haifa project, include broad strategic and fundamental questions on the very definition of national resources that must not be handed over to foreign entities.

Lately, in light of Washington's annoyance, the suggestion was raised that perhaps Israel should back off and even cancel the contract signed with the Chinese concerning the port of Haifa, a contract which includes a twenty-

year concession to operate the port. Again, as in previous occasions, decision-makers are faced with a serious dilemma: should they alienate the Americans in order to have the Chinese as serious business partners, especially within the wide framework of the Belt and Road Initiative?

Where does Israel define its borders in the process of close cooperation with the Chinese? It seems that despite the need to work closely with China and deepen China's involvement in Israeli and Middle Eastern affairs, Israel must avoid getting carried away. It should not focus only on economic aspects of relations with China with the intention of exploiting them to the maximum, meanwhile hoping that Beijing would ignore the political issues that are less desirable to Israel. Israel must also avoid the expectation that China would

fulfill its requests in the political arena (containing the Iranian threat or altering altogether its traditional support for the Palestinians, for example).

Indeed, one of the questions that disturb the European, Latin American and African states is to what extent China is obtaining a global foothold in peaceful ways, through economic propagation and gradual takeover, sometimes under cover of aid. Is this imperialism of the sort that recalls the American imperialism of the past, an imperialism that was not based on settlements and colonies, but rather on economic deterrence and power?

Aron Shai is Shaul N. Eisenberg Professor of East Asian Studies and Pro-Rector of Tel Aviv University. He earned his PhD from St. Antony's College, University of Oxford. His research focuses on imperialism in

Asia, China's role in international relations, diplomatic and economic history, and Sino-Israeli relations. He lectured at international conferences and served as guest professor at Oxford, Paris, Toronto, New York and in China. Shai authored and edited numerous books in Hebrew, English, and Chinese, including *Origins of War in the East; From the Opium War to Mao Zedong; Britain and China 1941-1947; The Fate of British and French Firms in China 1949-1954; Twentieth Century China; and Zhang Xueliang - The General Who Never Fought*. He has also written two historical novels.

Series: Jewish Identities in Post-Modern Society

**Publication: February 2019
POST FROM ACADEMIC
STUDIES PRESS**

Sent by Beverly Friend 11-8-19

43

HARBIN NEWS

The presidium of the Israel Association of Former Residents in China held on March 10 the first meeting with the new Chinese Ambassador Du Wei who visited their offices and held discussions on furthering and deepening relations. Unfortunately, Ambassador Du Wei died of a heart attack few weeks later.

* The Israel-China Friendship Association donated 1000 special state-of-the-art face masks to Harbin. The shipment of the masks arrived at the home of Prof. Dan Ben-Canaan on February 27, and the next day were presented to the directors of the Harbin Prevention and Control Authorities. The

special masks were distributed among Harbin hospitals.

* A group of Chinese businessmen, friends of Israel, who operate enterprises in Shanghai, collected 1 million US Dollars and purchased medical equipment for Israel's and Harbin's hospitals. The huge shipment arrived in Harbin in mid-March. The shipment, containing 27 large boxes that included 100,000 face masks, 50,000 special medical goggles, 10,000 medical body gowns and 100,000 surgical gloves, was distributed by Prof. Dan Ben-Canaan among old-age homes, 8 communities, hospitals, front-line community personnel, and a

special police hospital.

I have been in home isolation since the beginning of February. The transfer of the medical equipment was done in the lobby of my house under strict prevention and control measures.

* The Harbin New Synagogue that hosts the permanent exhibition on the History of the Harbin Jewish community was closed to visitors in late January and has remained closed until this very moment. No date was given for the reopening of the place and the exhibition.

Many thanks,
Dan

Professor Dan Ben-Canaan

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i

Finding Adler: The music and mystery of the Jewish refugee who shaped the lives of a Chinese family

Ferdinand Adler with his Chinese students in 1947. Standing second to Adler's left is Ming Liang Sheng, Fang's father, who was 13 at the time.

(Submitted by Fang Sheng)

**Originally published on June 18, 2018
CBC Radio - Last Updated: August 6, 2018**

44

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

An Austrian musician had a profound effect on the life of an orphan in China, but then disappeared.

The name Adler has been in the back of Fang Sheng's mind since he was a child.

It was the name of a Jewish refugee who fled to Shanghai to escape the Nazis. He was a musician who had a lasting influence on Fang's family, and China's musical culture.

But his story has a touch of mystery.

"At first I couldn't even find Adler's first name, it was only after a long and deep research did I find out that his first name was Ferdinand," Fang told CBC's Sharon Wu, in her documentary Finding Adler.

Fang's father and uncle lost both parents soon after Japan invaded China in 1937. They grew up in an orphanage in Changzhou, 200 kilometres northeast of Shanghai. One day in 1946, a group of Jewish refugees showed up to teach them music.

These musicians were among 20,000 "Shanghai Jews" from Europe, drawn there as it was one of the only places that didn't require a landing visa.

We were just a bunch of poor kids, he was the concertmaster for the Shanghai Municipal Orchestra.- Ming Liang.

One of them was Ferdinand Adler, a violinist from Vienna. Fang's father, Ming Liang Sheng, was 12 years old at the time. He was

placed in Adler's class with 10 other Chinese orphans. Fang's uncle was put in another class with a Jewish cellist.

The siblings were part of the generation who later became the backbone of China's classical music scene.

"My father, mother and brother are all professional musicians," said Fang, who moved to Canada more than 20 years ago. He lives in Toronto where he works as an interpreter.

Ming Liang still lives in Beijing, and turns 86 this year.

"We were just a bunch of poor kids, he was the concertmaster for the Shanghai Municipal Orchestra," Ming Liang said.

Every weekend in 1946 and 1947, Adler would get on a train travelling

Adler was one of 20,000 Jewish refugees who fled to Shanghai before and during the Second World War.
(Submitted by Christina Adler)

from Shanghai to Changzhou to teach at a makeshift music school set up inside a temple.

"I felt there was no language barrier at all," Ming Liang remembers of his first violin lessons 70 years ago. "He used his hand to show me how to position each of my fingers on the strings. It seemed this was a natural way to teach and learn violin."

After the Sino-Japanese war ended in 1945, civil war broke out and tension escalated quickly. In 1947, Adler abruptly left China. "I have so many questions [about him]," said Fang. "How did he flee Europe? What was his life and career like before he had become a refugee? After 1947 he left China - what happened to him?"

Fang travelled from Canada to meet Adler's daughter Christina, and compare memories of their fathers.

(Sharon Wu/CBC)

'The most amazing moment'

In February 2017, Fang created a Facebook page, called The Adler Project, to try to answer some of those questions. He posted the only photo of Adler he owns: an old black-and-white picture of the teacher and his class, taken right after their last lesson.

Fang hoped he could find people connected to the Shanghai Jews community, or at least find some pointers as to Adler's whereabouts.

But the page didn't lead to any clues.

THE CURRENT | How a book cover brought a Holocaust historian and Auschwitz survivor together

In August that year, however, Fang saw a headline that made him jump off his chair. An Austrian woman had met with the Shanghai Symphony Orchestra, to tell them about her father's past with the Orchestra.

His name was Ferdinand Adler. The online article included a photo of Christina Adler, holding two pictures of her father playing violin.

Photos from Fang and Christina's family albums

When they compared the images, they noticed the similarity in these pictures of their fathers, taken decades apart. Fang's father Ming Liang was always proud of his posture, which he referred to as 'The Adler Posture.' (Sharon Wu/CBC)

"I was very surprised but very, very excited, I thought that my search is seeing the light of dawn," Fang said.

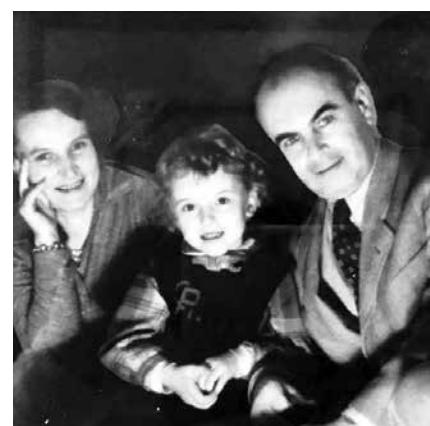
Immediately he reached out to the orchestra for Christina's contact information, but he received no response.

Then months later "the most amazing moment" arrived. It was a simple "Like" on the Facebook page from a man named Paul Rosdy.

THE CURRENT | Holocaust survivor shares lessons from 'voyage of the damned' on MS St. Louis

"I noticed that he went to the Vancouver Film School. At first I thought he was Canadian," Fang remembers. He got in touch with Rosdy to see if he had any information. It gave him the breakthrough he needed.

Rosdy, a filmmaker in Vienna, had made a documentary about the Shanghai Jews twenty years ago: The Port of Last Resort. He had come across Adler's story, and found his daughter Christina. Rosdy was able to give Fang her contact information, and the lead he needed to answer all of his questions.

Their last family photo taken in 1951, one year before Adler's death. From left to right: Gertrude, Christina, 6, and Ferdinand Adler, 48. (Submitted by Christina Adler)

A meeting with the past

Kufstein, a picturesque town in western Austria, has been home for Christina Adler since she was seven. On March 25, Fang travelled there to meet her. Sitting side-by-side, the pair compared their fathers' collections, bringing seven decades'

worth of memories to life through hundreds of pages of photographs, concert brochures, clippings and letters. Simone Telser, a family friend, acted as translator for Christina. "You are the best proof of this - because before that she hasn't heard about her father teaching orphans at any point," she told Fang.

Christina helped Fang pull together the missing pieces of Adler's life story, and why he had so abruptly disappeared.

by Christina Adler

46

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i
s
i
n

Christina was born in Shanghai in 1945. But as Civil War in China escalated, her parents decided to return home to Vienna. "I was only two years old," Christina said. "I myself cannot remember Shanghai at all, but my mother always said that the time in Shanghai had been the best time of her life."

THE CURRENT | Hitler in L.A.: How private Jewish spies foiled a Nazi Hollywood takeover

A flyer advertising a charity concert by Ferdinand Adler, shortly before he left Shanghai.

(Submitted by Christina Adler)

Life in post-war Vienna was difficult, especially for artists. Bouncing between auditions, rehearsals and concerts in order to make ends meet for the family, Adler was clearly burning out. After a heart attack at a concert rehearsal in 1952, he died. Christina was only six.

The next year, Christina and her mother Gertrude moved from Vienna to Kufstein, to live with Christina's aunt and her family. She's lived there ever since.

Connected by music

Fang brought a little surprise for Christina.

Unzipping a small case, he reveals a violin. His father bought the instrument in the 1950s. It was the very first violin Fang played, in his first music lesson when he was seven. "I've been practicing a little piece before this trip and hope to

Fang Sheng plays the violin for Christina Adler. Christina's father,

Ferdinand Adler, taught violin to Fang Sheng's father Ming Liang Sheng in the 1940's plays Love's Sorrow

play for you now," said Fang, who hasn't performed since he was 15. He played Love's Sorrow, by one of the most famous classical violinists of his time, the Jewish Austrian Fritz Kreisler.

"I'm so touched, after more than 70 years people are still caring and sharing the memory of my father," Christina said.

Fang feels lucky to have rediscovered a missing part of his family's history, and find the person who made music such a part of their lives.

"I think music is in there throughout," he said. "It represents what we are working hard towards, it represents what we believe in."

Finding Adler was produced by the CBC's Sharon Wu and The Current's Liz Hoath.

CBC June 2018

Thank You For Your Support!

DONATIONS

IYS SOCIAL AID FUND USA

From Joe MRANTZ for the IYS Social Aid Fund for the coming HOLIDAYS US\$ 100

CANADA

From Nadia OGNISTOFF in memory of her dear husband Frank OGNISTOFF and his parents Gregory and Mary OGNISTOFF US\$ 125

AUSTRALIA

From Jesse and Naomi TRACTON for the IYS Social Aid Fund A\$ 250
 " Roy and Gloria STEWART in memory of Gloria's dearest parents Solomon Davidovitch and Eugenia ZIMMERMAN " 100

ISRAEL

From Flora FREIMAN, REVA and MIRIAM in memory of the dearest husband and father, Bob FREIMAN for the IYS Social Aid Fund NIS 2,500
 " Flora FREIMAN and family in memory of her sister Sophie and Mark SAKKER, her nephew and cousin Dr. Sam SAKKER for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund " 2,500
 " Rasha KAUFMAN in loving memory of TEDDY " 1,000
 " Reva FREIMAN in memory of her beloved father Bob FREIMAN for the IYS Social Aid Fund " 1,000
 " Reva FREIMAN in memory of my dear aunts, Sara LEVKOVSKY and Sophie SAKKER, and my dear cousin, Dr. Sam SAKKER for the IYS Social Aid Fund " 1,000
 " Flora FREIMAN in memory of her beloved husband Bob FREIMAN for the IYS Social Aid Fund " 2,000
 " Flora FREIMAN in memory of her dear sister Sophie SAKKER, her brother-in-law Mark SAKKER, and her nephew Dr. Sam SAKKER for the IYS Social Aid Fund " 2,000
 " Reuven BOMASH in memory of his parents Hanoch and Miriam BOMASH " 360
 " Yosef JACOBSON for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund " 100

SYNAGOGUE FUND ISRAEL

From Baruch LEVITIN in memory of his mother Esther LEVITIN NIS 120
 " Baruch LEVITIN in memory of his father Alexander (Shura) LEVITIN " 180
 " Zhenya GRAUSE in memory of her husband Yuri GRAUSE " 100
 " Ruth KALFUS towards the Synagogue Fund " 200
 " Golda TOLEDO in memory of her father Gershon (Grisha) PESELNICK " 100
 " Judith MAROM in memory of her father Yitzhak (Issai) PERSOFF " 250
 " Inon PERRY in memory of his father Yitzhak (Issai) PERSOFF " 200
 " Sally KATZ in memory of her mother Juliet ABRAMESCU " 200

47
I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i

From	Pnina TRAYBER in memory of her father Yakov BRANDT	NIS	150
"	Miriam SHAHAM in memory of her father Yakov (Yana) BRANDT	"	150
"	Miriam SHAHAM in memory of her mother Riva HOFFMANN	"	150
"	Yosef JACOBSON in memory of his parents Rosa and Leonid JACOBSON	"	100
"	Avi PODOLSKY in memory of his mother Leah PODOLSKY	"	100
"	Genia KAUFMAN in memory of her parents Musia and Pana SAMSONOVITCH	"	350
"	Esther YARHO in memory of her parents Iza (13th Yahrzeit) and Aharon (22th Yahrzeit) YARHO, and in memory of her grandparents Esther (79th Yahrzeit) and Avraham (62th Yahrzeit) YARHO, and Enya (46th Yahrzeit) and Michael (55th Yahrzeit) KONDAKOFF	"	600
"	Esther YARHO in memory of her uncle Shlomo (Monia) (51rd Yahrzeit) YARHO	"	100
"	Esther YARHO in memory of her aunt Luba (11st Yahrzeit) BRUNNER	"	100

IYS ACTIVITY FUND ISRAEL

From	Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Mussia BERKOVICH for Rosh ha-Shana	NIS	20,000
"	Pnina and Yossi KLEIN in memory of their beloved daughter RONIT	"	1,000
"	Renata SHANY in memory of Miriam HALPERN for the IYS Activity Fund	"	360
"	Arie RAAM for the IYS current activities	"	180
"	Hannah and Sam MULLER in memory of Segeen Saul MULLER	"	2,000
"	Judith and Israel SANDEL for the IYS Activity Fund	"	300
"	Alon VICHANSKY for the IYS Activity Fund	"	500

CHINA

From	The EMBASSY of the PEOPLE'S REPUBLIC of CHINA in ISRAEL for the Igud Yotzei Sin Activity Fund	US\$	10,000
------	---	------	--------

To all the dear friends of Igud Yotzei Sin
from Overseas and Israel, your donations
are greatly appreciated and assists us in
our various activities and in caring for
those in need. We look forward to your
continued support and wish you all a

Happy Rosh Hashanah in good health and
blessings over the Fast.

A Century of Jewish Life in Shanghai

Edited by Steve Hochstadt

The next best thing to attending a conference on a fascinating topic lies in reading the papers presented there. **A Century of Jewish Life in Shanghai** is a compilation of such conference papers presented over three days in Shanghai in June 2015. The work in its entirety offers not only historical content, but intellectually stimulating hypotheses and conclusions. It is a valuable contribution both for scholars and anyone interested in Jewish history in China.

Manli Ho, daughter of Dr. Feng Shan Ho - who saved many Jews from the Shoah while he was Chinese Consul General in Vienna 1938-40 - was the featured speaker. She was joined by distinguished scholars, which included Dan Ben-Canaan, Jonathan Goldstein, Xu Xin, and Steve Hochstadt – editor of this volume. In addition, former refugees and others who had lived in Shanghai before World War II spoke.

Following Hochstadt's introduction discussing the historical number of Jews residing in Shanghai at any given time, a comparison with other cities, and their importance, the volume is divided into three sections: **Shanghai before the War**, **Shanghai and the Holocaust**, and **Looking back on Shanghai**.

SHANGHAI BEFORE THE WAR

In the first section, Maisie Meyer

examines the recollections of Baghdadi Jews while Anne Atkinson and Liliane Willens focus on Russian migrations. Looking at the history of the first Jews to live in Shanghai, in *Shanghai Remembered: Recollections of Shanghai's Baghdadi Jews*, Meyer begins by defining the Baghdadi as Arab-speaking Jews from Baghdad, Basra, and other places in the Ottoman Empire, Cairo, and Egypt, and non-Arabic speaking Jews from Persia and Afghanistan. Then, she follows their economic successes, keen sense of community, socioeconomic differences, affinity to the British, and relationship to the Chinese – often lacing and enhancing the history with anecdotal material. In a similar vein, Atkinson's contribution springs from her own personal history, relating the story of the Burak Family: *The Migration of a Russian Jewish Family through the First Half of the Twentieth Century*. She details the family's initial subjugation and limitations as to economic activities, commercial occupations, and the constant fear of pogroms, travelling through many hardships until reaching Shanghai in 1920. Even after reaching there, the story continues to be an absorbing one of meeting and conquering adversity.

Willen's essay goes into greater detail in Russian Jews in

Shanghai 1920-1950; New Life as Shanghailanders, setting her family's story in the midst of political and social upheavals in a time that she describes as a "very chaotic era in China, a country beset by civil wars and a brutal enemy occupation."

SHANGHAI DURING THE HOLOCAUST'

While materials about Jewish History in Shanghai during the Holocaust fill bookcases, this section provides both overviews and insights. There is something new to discover in nearly every chapter.

In the opening sentence of *desperate Hopes, Shattered Dreams: The 1937 Manila Voyage of the "Gneisenau" and the Fate of European Jewry*, Jonathan Goldstein sets the tone for what follows: "This chapter is as much about the hopes, expectations, and disappointments of Jews fleeing Hitler as it is about historical events."

Manli Ho's essay logically continues this theme with *Diplomatic Rescue: Shanghai as a Means of Escape and Refuge*. Now, there is a ray of hope in all the darkness as she tells her father's story and quotes his compassionate message: "On seeing the Jews so doomed, it is only natural to feel deep compassion and from a humanitarian standpoint, to be impelled to help them."

The next essay, by Lotte Marcus, has an intriguing title: 305/13 Kungping Road. This was the address of her family's single room in Hongkou where they lived from 1943-1947 in a building with one toilet and bathroom for 10 people. This memoir of their life in Shanghai is filled with the details of daily life and concludes with the family's gratitude to Dr. Feng Shan Ho who issued their visas.

Survival in Shanghai 1939-1947 by Evelyn Pike Rubin is another poignant, detailed story of family life and hardship filled similar memories: no cold running water and no heat, living with three other families in a four-room, one-toilet house. As Pike notes: they were "indeed fortunate to have survived in Shanghai."

There is so much to learn, and Steve Hochstadt has been studying survivors for many years. He explains what I learned from Shanghai Refugees in his essay of that title - gleaning information from personal stories, memoirs, diaries, letters, documents, and conversations. While he cites that his biggest lesson was not to generalize, he reveals his own generalization that it is hard to

become a refugee. His entire essay attests to this!

Up to this point, the volume deals with Western perceptions. Now there is a change of pace as Xu Xin examines Chinese Responses to the Holocaust: Chinese Attitudes toward Jewish refugees in the late 1930's and early 1940's. First, he sets up a historical background where China knew very little of the Jews (and this included knowing little of the Holocaust). As they became aware, there were both official and unofficial responses – mostly surprising proposals for settlement of the Jews -- which he discusses in great detail.

LOOKING BACK AT SHANGHAI

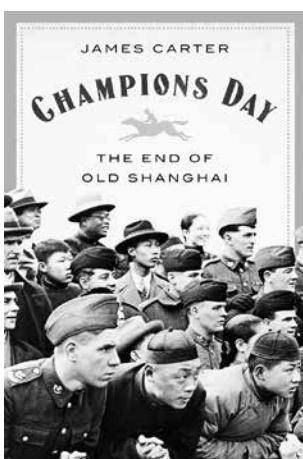
To quote Dan Ben-Canaan in Imagined Geographies, Imagined Identities, Imagined Global Histories, his purpose is to examine "stories of people's movements from one place to another and on to another in an attempt to apply a better understanding to the study of identity and its relation to space and time, especially the ways identity, geography and memory may intersect and change." His research and fascinating

conclusions, drawn from recollections, written memories diaries and publications, center on Harbin as well as Shanghai. The book closes with Ephemeral Memories, Eternal Traumas and Evolving Classifications: Shanghai Jewish Refugees and Debates about Defining a Holocaust Survivor, by Gabrielle Abram. Here, she makes the salient point that "The Shanghai-Jewish Refugees are some of the last Holocaust victims to have their suffering formally acknowledged and their identities declared to be those of Holocaust survivors both by peers and in their own self-reflections. She concludes that "if a Shanghai survivor's classification was established on a national and international level, it could lead to a new kind of Holocaust survivor, survivors without a tattoo, and a new kind of Holocaust education."

While the entire book is worthwhile, I found the last section – on looking back --the most interesting.

It broke new ground, going beyond history to draw some remarkably interesting conclusions.

By courtesy of
Beverly Friend – 04/20

Champions Day - The End of Old Shanghai

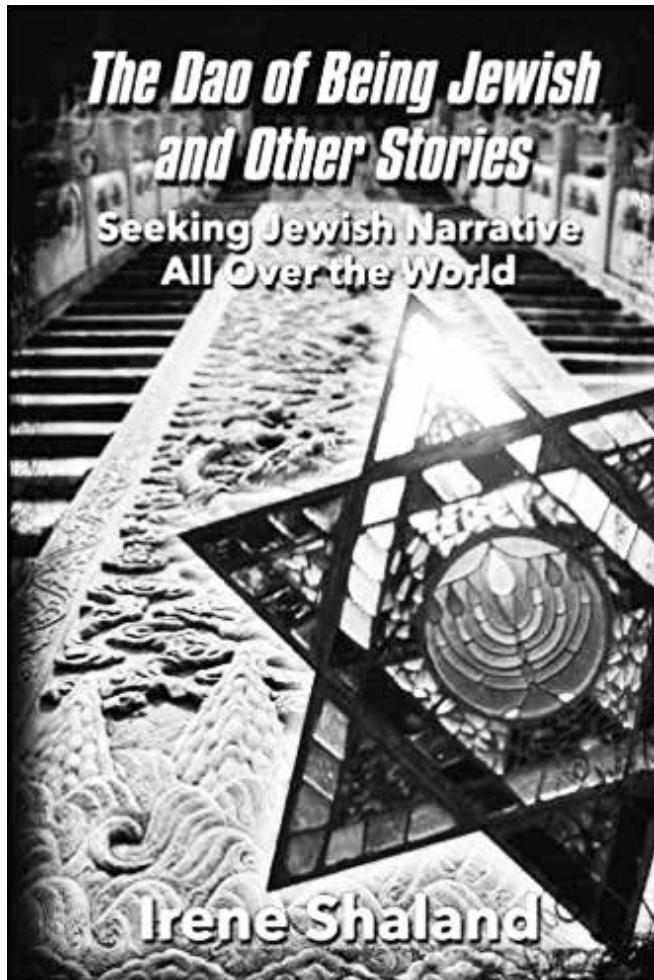
by James Carter

In a sharp and lively snapshot of the day's events, James Carter recaptures the complex history of Old Shanghai. Champions Day is a kaleidoscopic portrait of

city poised for revolution. How a single day revealed the history and foreshadowed the future of Shanghai. It is November 12, 1941, and the world is at war.

BOOK REVIEWS

The Dao of Being Jewish and Other Stories: Tales of Jewish Diaspora, Persecution, the Holocaust and Rebirth in Europe, Africa and Asia

When this book came out, I emailed a brief blurb to the China/Judaic Studies list, noting the cities and countries covered. However, Chapter 4, on Kaifeng, is of special interest. Reading Shaland's words brought back many memories of the time I was there in 1993 leading a group of senior citizens with Professor Xu Xin and meeting the late scholar Wang Yisha, who had written the first important history about these descendants (in Chinese).

I also fondly recalled the tale Rabbi Neil Brief had told of his

even earlier visit when he saw the tour bus driver with tears in his eyes as the Rabbi recited *Kaddish* at a family memorial mound. When the Rabbi had been asked, via an interpreter, why the man was crying, he was told that it was because the Jews, like the Chinese, venerated their ancestors.

I, too, could have wept while reading the writer's words because what she captured was the past – and

now, in the present, we are not even permitted to visit. We can no longer walk in her footsteps. Of course, this is not because of the virulent virus in our midst but of an equally virulent denial of history. This chapter is a fine introduction to what existed. If you have never visited Kaifeng or learned its unique history, here is an introduction. For those who wished to visit in the future, here is sad reminder of what we have lost with the closing of these doors to tourists and scholars.

In words and photographs,

Shaland gives a history of the city, from earliest settlers, information on the famous steles, the importance of the silk road, a visit to a family memorial mound, the granting of names, and the stories of people met and interviewed - all quite interesting.

What I like most about her entire book detailing her travels with her photographer husband Alex, is the variety of each leg of her trip. As she travels through Europe and Asia each story has a different emphasis – it might be history, or architecture, or unique inhabitants - as she visits cities in Austria, the Czech Republic, China, Norway, Sweden, Denmark, Sicily, Africa and the Soviet Union. For example, in the very first chapter, on Austria, I was captured by the extensive, fascinating information on Franz Kafka.

The whole book will be of especial interest to Kulunu members who study Jewish communities around the world.

Irene Shaland holds a BA in Theater Journalism and Art History from St. Petersburg University (Russia), a Master's Degree in English from Case Western Reserve University (Cleveland, Ohio), and a Master's Degree in Information Sciences from Kent State University (Kent, Ohio) and is the author of two books on the history of theater, drama, and intercultural interpretations.

Reviewed by Beverly Friend

51
I
g
u
d
Y
o
t
z
e
i
s
i

HARBOR FROM THE HOLOCAUST

A COMMUNITY SCREENING
& CONVERSATION

wttw

A film depicting the flight of nearly 20,000 Jewish refugees from Nazi-occupied Europe to the Chinese port city of Shanghai during World War II.

Immediately following the screening, Kevin Ostoyich, Assistant Professor, Department of History at Valparaiso University, will moderate a panel discussion featuring Doris Fogel, Holocaust survivor and Shanghailander; Andy Kang, Executive Director of Asian Americans Advancing Justice – Chicago; and Danny Spungen, Trustee, the Florence & Laurence Spungen Family Foundation.

Join WTTW, The Illinois Holocaust Museum & Education Center, and Asian Americans Advancing Justice - Chicago for a screening of Harbor from the Holocaust.

All you need to participate is a computer or iPad with a good internet connection. Before the event, you can click here (<https://ovee.itvs.org/diagnostics>) to run a test to ensure OVEE works properly on your computer.

August 28 – Screening will begin in one month
With courtesy of Beverly Friend

Friendship Event for the Jewish and Chinese residents of Shanghai hosted by the Shanghai Jewish Refugees at the Shanghai Jewish Refugees Museum

Shanghai Jewish Center February 3

Chabad Rabbi distributed masks for the elderly in Shanghai.

After donning his Tefillin (phylacteries for Jewish prayer), on Monday, February 3, Rabbi Shalom Greenberg from Chabad-Lubavitch of Shanghai donned...his mask and went to give the Shanghai Jewish Refugee Museum 10,000 masks to distribute amongst the elderly Chinese population in the historic Hongkou area, known during WWII as the "Jewish Ghetto."

"We are honored to be able to help wonderful people who

helped our...

Last week, the world commemorated 75 years of the liberation of the death camps. At that time, tens of thousands of Jewish people found refuge in Shanghai, particularly in this exact area!

This is a small expression of gratitude to the Chinese people for their friendship and support." Rabbi Greenberg calls out to the international community to join the effort and help the elderly and infirm have easy access to the supplies they need during this time.

"The masks are crucial to allow the elderly the mobility to

organize their everyday needs," Greenberg says.

With the large population taking great care and precaution, supplies are low. These masks came from an overseas sponsor at Chabad-Lubavitch.

The staff of the museum and additional volunteers pledged to go door to door to distribute the masks, so that the elderly and infirm need not put themselves at further risk by queuing up in the cold weather, and at a time when gatherings can be potentially unsafe during an epidemic of this proportion.

**Shanghai Jewish Center
June 2020**

In Memoriam

Eli Kama [Kopilovitch], 77

My brother, Eli Kama (Kopilovitch) was born in 1942 in Shanghai and died after a severe illness in October 2019 at the age of 77. Now, almost a year since he left us, the pain of the family has only increased and deepened.

Our mother Ida Kopelman, arrived in China from Siberia in 1927 as a young girl of 14, and lived with her parents in Tianjin (Tientsin) for four years until the family moved to Shanghai. Our father, Alexander Kopilovitch, arrived in Shanghai at the age of 35 and it was there that they met and married. Father had a steamship company in the port of Shanghai. They had three children. My sister, Helen, was born in 1940 and died in 1978. Eli was born in 1942, and I, Rivka, was born in 1946.

In 1949, after the rise of the Mao Tze Tung regime, we emigrated with the Shanghai Jewish Community to Israel. There were 400 refugees on the boat, and after three months we arrived in this country. We lived for two years in Akko (Acre). My father had a small fishing company which he established together

with his friends who had come with him from China. Amongst them was the father of the late Ronny Veinerman. Two years later we moved to Kibbutz Sdot Yam and lived there for five years until we moved to the city of Haifa.

Eli was a curious-minded and talented child who immediately found friends in the kibbutz and was loved by everyone. After we left the kibbutz, he was accepted at the age of 14 into the school for naval officers in Akko where he graduated with honors in 1960. In the IDF he volunteered for a captain's course and at the end he was appointed as an engineering officer. Among his other regular and mandatory duties he served as a commander in a course for captains, and in 1966, during his service, he completed his studies at the Technion in motor engineering.

When the Six Day War broke out, he arrived with a naval force at Sharm El-Sheikh, the first of the IDF forces to reach that place. In December 1969, after the 'embargo' on arms that France imposed on Israel, Eli arrived with a naval team at the port of Cherbourg and took part in the rescue operation to release the missile boats from the French. The whole world held its breath after the rescue operation which entailed great dangers. When they returned to Israel from the operation known as the "Cherbourg Boats Rescue Operation" we waited for him

with great excitement.

In 1974 he was appointed as commander of a school for engineering in a training base. Until his discharge, he served as a commander of an experimental unit in Haifa.

After his discharge from the IDF, Eli was appointed as the CEO in the Osem factory in Yokneam, and after moving to Tel Aviv, he became the CEO of the "Gal Marine" Company in Ashdod, a subsidiary company of Zim, which was engaged in the construction and repair of tankers.

Eli had three children, Nahshon, Itai and Yair. My grandson, Guy Stern, Eli's grand-nephew, will soon enlist in the IDF and will close the circle through his recruitment into the navy.

When Eli retired, he engaged in things that he loved, devoting most of his time to Igud Yotzei Sin and became closely interested in the heritage of our parents. In 2011 Eli, I and my husband Oded set out on a root-searching tour to Shanghai and to Ulan-Ude, the birthplace of our mother. When we arrived in Shanghai at Avenue Petain, a street in the French Concession where we grew up, we were lucky to find that it had been preserved and not destroyed. Eli identified the place where our house once stood, but it no longer existed because a well-built apartment house was constructed over it in which diplomats resided. We also visited the school where Eli had studied

until the age of seven, when we left for Israel. It was very exciting for us to see the places that our parents had told us about.

We continued our root-searching journey in the Trans-Mongolian train to Ulan-Ude, the capital of Buryatia in Siberia where we discovered the history of my mother's family in the archives of the museum and gallery, since her family had been wealthy and owned a sawmill and a flour mill, and contributed much to the prosperity of the city. During the Russo-Japanese War, our mother's father, Nahum Kopelman, saved the residents of Ulan-Ude from starvation. In 2017 we were invited to visit the city for its festivals and participated in the ceremonies in which

the honorable position of the Kopelman family was mentioned in the history of Ulan-Ude.

Among his public activities, Eli was one of the activists in the NGO for the commemoration of navy men who fell in wars of Israel, a board member of Igud Yotzei Sin, and initiated the distribution of the Jewish calendar to Jewish families in the Diaspora in order to strengthen their ties with Israel. Jointly with Beit Hatfutot (Diaspora Museum) he participated in the program for "multi-generation contact" in cooperation with the pupils of a school in Ramat Aviv, where he told the story of the Jewish communities in China, and the story of our family. A concluding ceremony was held at Beit

Hatfutot in Ramat Aviv where all the material collected and written by the pupils can be found. The photography exhibition, which I held in the Farag Photo Gallery in Tel Aviv about two months after his death, was devoted to Eli's memory.

Eli Kama was an honest and modest man, a faithful friend who regularly attended "parliaments" with members of the navy, and in Igud Yotzei Sin. He was a quiet person who preferred doing throughout his life.

He leaves behind his widow Noa, three children, and three grandchildren.

May his memory be blessed.

Rika (Rivka) Hon Kopiiovitz

Memorial for Dr. Sam Sakker, MB, BS, FRACS, FRCS, FRCS Ed., Surgeon Lieutenant Commander RAN ret

By his youngest son, Sam Sakker, Jr

It is with a very heavy heart that over a year ago now, we laid to rest my dear, dear Dad, Dr. Samuel Sakker MBE, who passed away early morning on Sunday, June 30th after a swift, dignified battle with Motor Neurone Disease.

He was our father, grandfather, husband, brother, friend, polyglot, immigrant, doctor, surgeon, hero, sailor, surgeon lieutenant, sculptor, music lover, ballet and opera lover, historian, philanthropist, philosopher, poet, joker, rugby player, runner, sports

lover, scrabble and cards winner, collector/hoarder, bargain hunter, connoisseur, chocoholic, wine lover, agitator, peacemaker, confidant, sage, lad, gentleman.

He gave me many gifts that serve me every day and I can never repay the love and support he has given me throughout my life. He's set a great example for how to live with an open heart and with open hands. I'll think of him every day with deep love and respect.

Vale Dad

IN MEMORIAM

Balfoura Friend Levine 95

Balfoura "Bo" Friend Levine left this world on April 5, 2020, to begin her next great adventure. Bo was born on July 12, 1925, in Shanghai, China to Russian refugees, Jacob Lion Friend and Frieda Kovarsky Friend. Although she was well taken care of, Bo grew up very poor and it profoundly affected her throughout her life.

Bo was a very good student and graduated from the Shanghai Public School for Girls in 1943. She completed her first year of college at St. Johns University in Shanghai while working as a finance clerk for the 14th Airborne, the "Flying Tigers." Then, a miracle occurred; her aunt and uncle, Dubby and Louis Friend of Eastman, Georgia became her sponsors to come to America.

Bo felt joy and anticipation as the General Gordon crossed under the Golden Gate Bridge on May 16, 1947, and docked into the port of San Francisco. Her love affair with the University of Georgia and Athens began in September 1947. Most active on campus, Bo was on the Executive Council of Hillel, wrote for The Red & Black, was the organizer for many charitable and social events, and was tapped for Mortar Board her junior year. She received her ABJ from the Henry Grady College of Journalism in 1950, and ironically, her first job was writing obituaries for the Atlanta Journal and Constitution. Bo was a single lady for many years until she met the dashing shoe salesman, Hans

Mayer of Savannah, Georgia. They married in 1953 and settled in Hawkinsville, Georgia where they built a family, opened Bohans shoe store, and enjoyed small town life until Hans' untimely death on May 28, 1968.

In August 1968, Bo moved with her three children kicking and screaming to Atlanta from Hawkinsville. The children would never know the real reason for the move until many years later. It is in Atlanta that "Miz Bo" as people were now calling her, began providing for her three children and jumped right into charity work as well. Bo was a member of the Ahavath Achim Synagogue and its Sisterhood, Hadassah, and other Jewish organizations, as well as the Rhododendron Club. In the early 1980's, Bo took it upon herself to be a translator for many Russian families who immigrated to Atlanta, and she was the proud interpreter for the Moldova delegation of the 1996 Summer Paralympics. Bo was so proud to introduce the Moldovians to "Val-Mart" and relished her role for this historic event.

It was in Atlanta that Bo met her next two husbands, Bernie Dudman who she married in 1970, and Nate Levine, who she married after Bernie's death in 1984. After Nate's passing, Bo had various suitors at her beloved home at the Renaissance on Peachtree, where she lived for the past 20 years. Never missing a dance or an activity, she stayed

very busy and outpaced her adult children with her boundless energy. The self-appointed "maven" of the Renaissance on Peachtree, Bo spent her last years there surrounded by many friends and acquaintances.

Bo was a prolific correspondent and people person. She kept up with Israeli relatives, Shanghai friends from elementary school, UGA classmates, Hawkinsville friends and others she met along the way. She instilled in her children the joy of keeping up with old friends and they all carry on this spirit today.

Bo's proudest day was January 7, 1954, when she would become an American citizen. She would never be a refugee again. In later years, when writing columns for the Jewish Georgian, Bo would always sign off with "God Bless America." Her final request was to be wrapped in the American flag at death to honor her beloved country.

Bo is survived by her three children, Sandy Mayer Baumwald (Larry), Ronnie Mayer (Debbie) and Laurie Mayer Coffey; grandchildren, Erica Baumwald (Meaghan), Scott Baumwald, (Sarah Carter), Keith Baumwald (Betty Kaplan), and Tommy Black; and great granddaughter, Holden Baumwald.

May her memory be blessed.

OBITUARIES

We deeply mourn the passing of
a member of the IYS Board of Directors and a good friend

Eli KAMA (Kopilowitz)

Passed away on October 7, 2019 at the age of 77

We extend our sincere condolences to his wife NOA and family,
to his sister RIKA and brother-in-law ODED and their family

The Board of Directors of IGUD YOTZEI SIN

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the death of
our lifelong and devoted friend

Luba TUCK (nee Schifrin)

Passed away on March 25, 2020 in New York, USA, at the age of 95

We extend our deepest sympathy to her family

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of
our lifelong friend, native of Shanghai

Balfoura “ Bo” FRIEND LEVINE

Passed away on April 5, 2020 in USA, at the age of 95

We offer our sincerest condolences to her daughter
Sandy MAYER BAUMWALD, and to her entire family

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of
our lifelong member, pediatrician, professor

Daniel KATZNELSON

1921 – 2020

We offer our sincerest condolences to his wife MICHAL,
and all of his family and friends

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of
our lifelong member and devoted friend

Tamara FAIBUSOVICH

Passed away on July 31, 2020, in Ramat Gan, at the age of 98

We extend our heartfelt condolences to her son GENADY

May she rest in peace

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

Mussia MASLENKOVSKY

a widow of a former IYS staff member Slava Maslenkovsky (dec'd).

Passed away on April 20, 2020, in Kyriat-Ono, Israel,
at the age of 90

We extend our heartfelt sympathy to her daughter RINA, and the entire family

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Dr. Samuel SAKKER

Passed away on June, 30, 2019 in Australia

We offer our sincerest condolences to his aunt FLORA, his cousin REVA,
and to his entire family

We were very sorry to learn of the passing away of

Ronit KLEIN SOPRAVSKI

daughter of Yossi Klein, IYS Chairman

Our heartfelt condolences to YOSSI, and to the entire family

Abraham FRADKIN
Ariel ELDOR

We extend our heartfelt sympathy to YOSSI and PNINA

on the loss of their beloved daughter

RONIT

May her memory will be blessed

Flori COHEN
Inna BAKSHEEV
Cecilia LYUBMAN

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

our countrywoman from Shanghai

Rachel ZATZ

Passed away in Be'er Sheva, Israel

May she rest in peace

Boris MATLIN

Our beloved father and grandfather, native of Harbin,
passed away

September, 1930 – October, 2019

His CHILDREN and GRANDCHILDREN

IGUD YOTZEI SIN

is deeply saddened by the passing of our lifelong member

Boris MATLIN

and extends heartfelt sympathy to his son JACOB (YAKI) and the entire family

61

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of
our lifelong and active members and friends from Shanghai

Meefa and Boris ZILBERG

We extend deepest sympathy to their family

IGUD YOTZEI SIN mourns the passing of

Moshe BAKSHTANOVSKY

4.09.1937 - 31.12.2018

and extends heartfelt sympathy to his daughter TOVA

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

s
i

It is with deep sorrow and sadness IGUD YOTZEI SIN announce
the passing of our lifelong member and dear friend

Alina KRINKEVICH

Passed away on the 3rd of March, 2020 in Tel Aviv, Israel
May her soul rest in peace

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of
IYS member, native of Shanghai

Clara COHEN

23.03.1947 – 3.07.2020

We extend heartfelt sympathy to her children OR, YOAV, AYAL and RONEN

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of
our oldest member, native of Harbin

Yona KLIGMAN

Passed away on February 18, 2019 in Jerusalem, at the age of 104
Our deepest sympathy to his son ABRAHAM, daughter Sima MAOZ and family

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Isabella AYZEN

21.06.1924 – 25.03.2020

Passed away in Ashkelon, Israel
May she rest in peace

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

Eleanor SHLUGER FAINBERG

We extend our heartfelt sympathy to her sister Lillian LANGOTSKY,
and her cousins Ephim SHLUGER and Leona SHLUGER FORMAN

We are deeply saddened by the passing of our
beloved cousin

Luba SCHIFRIN TUCK

Luba was a very special person.
We will miss her and her wonderful sense of humor greatly

Heartfelt condolences to Cindy and Jeff TUCK, Jenna, Chris, Tyler and Brooke HOETZER, Jordan and Jennifer TUCK, Lynn TUCK and Jessica TUCK, Roberta and Jose FRANCO, Paul and Diane MALTZER, and Andrea MALTZER

Lily KLEBANOFF BLAKE and
Nicole and Justin BLAKE

The AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY
is saddened by the passing of our board member

Luba (SCHIFRIN) TUCK

We extend our condolences to her family

64

Eleanor Shluger Fainberg

1923-2020

Eleanor – elegant, cheerful, often very funny, always loving - left us on August 13, just shy of her 97th birthday. Born in Chicago, she came to Tientsin, China to live with her grandparents Sofia and Boris Shluger when she was only seven, travelling by boat accompanied by a friend of her parents Fira and Grisha Shluger on this long voyage to a world so different. It was in Tientsin that she married Sam Fainberg and where their son Ted was born. Eleanor faced every situation life dealt her with courage, perseverance and grace. Her last move was from NYC to Los Angeles where son Ted and his wife Rachel live. There she enjoyed her grandchildren Michelle, Natalie (Rommy) and Lisa (Eric) – and five great grandchildren: Caleb, Benjamin, Ethan, Noa and Eden.

She leaves behind her sister Lillian Langotsky and her cousins Ephim Shluger and Leona Shluger Forman.

I
g
u
d

Y
o
t
z
e

i
s
i
n

VERY SUCCESSFUL 'The Singer of Shanghai'

Not too late if you missed it - Just follow the link:

<https://www.youtube.com/watch?v=ItmM5qqL-hI>

VALPARAISO UNIVERSITY

Historical Theatre, Shanghai Jewish Refugees: The Singer of Shanghai

511 views • Premiered May 12, 2020

19

0

SHARE

SAVE

...

A grid of small portraits of the cast members. Below the grid, the word "Cast" is written in a cursive font. Underneath "Cast", it says "Directed by Dr. Kari-Anne Innes" and "Dr. Kevin Ostoyich". The cast list follows:

Lara/Woman/Inga/Ellen/Mina . . .	Kayla Owens	Magistrate	Eric Kisch
Harry J. Abraham	Dr. Kevin Ostoyich	Travel Agent	Danny Spungen
Rose	Christian Yoder	Berthold Rosenthal	Harry J. Abraham
Ida Rosenthal Abraham/Ivy	Kayli Perrine	American GI Soldier	Bert Reiner
SA Man	Jakob Innes	Tour Guide	Gary Sternberg

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

основана в 1951 году

БЮЛЛЕТЕНЬ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

• Сентябрь 2020 • 67-й год издания • №. 419

С праздником Рам Ха-Шана!

1

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие друзья	3	Миньянь-парк. И.Карни	26
Выживание в Шанхае. Л.Маркус	4	Нора Крук: Поэзия – это счастье	28
Скончался Гельмут Штерн	15	Ушедшие	29
Гельмут Штерн	16	Памяти профессора Даниэля Кацнельсона	30
Скрипач вернулся в Германию после бегства. К. Хью Сиелай.....	17	Эли Кама (Копилович)	31
События в ИИС и ОДИК	18	Памяти посла КНР Ду Вэя	32
Ханукальная встреча земляков 25.12.2019	19	Учительница английского языка. А.Аусвакс.....	33
Благодарственные письма	20	Поиск родственников	39
1950-е -- Невинные годы. М.Лихоманов....	21	Семейные истории студентов	42
Коллекция картин Юлиана Гоберника в России	24	Церемония вручения стипендий.....	46

Старейший в Израиле журнал на русском языке
1-й номер «Бюллетеня ИИС» вышел в свет 6 мая 1954 г.

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ЙОЦЕЙ СИН В ИЗРАИЛЕ

ПОЧЕТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИИС В ДИАСПОРЕ

ИГУД ЙОЦЕЙ СИН

Председатели ИИС

со дня основания:

Лев Пястунович (1951-1952)

Борис Коц (1953-1971)

Тедди Кауфман (1972-2012)

Правление ИИС:

Иоси Клейн - председатель ИИС

Яков Матлин - вице-председатель

Алекс Нахумсон

Ави Подольский

Эран Розен

Юдит Сандел

Общий секретарь:

Инна Бакшеева

Контрольная комиссия:

Моше Лихоманов - председатель

Ариэль Эльдор

Почетный юрисконсульт:

адвокат Дэниел Фридман

Почетные представители ИИС:

Эстер Вандель -

в Хайфе и на севере

Ави Подольский -

в Иерусалиме и на юге

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton

2 Oaks Place

North Bondi 2006, Australia

Tel. 61-2-91302575

The AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President

Rose Britanisky-Peiser – Treasurer

Leona Shluger-Forman – Secretary

Sally Berman

Lilly Langotsky

Odette Rector-Petersen

Address:

The American Far Eastern Society, Inc.

Lilly Langotsky

160 West 66th Str. # 55B

New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser

7400 SW 170, Terrace

Miami, Florida 33157, USA

e-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL

Association of the former residents of China

31 Habarzel Str., Ramat Hahayal

Tel Aviv, 6971045, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 Fax: 972-3-5161631

e-mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

Главный редактор: Иоси Клейн

Редколлегия: Цецилия Любман, Инна Бакшеева

2

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Дорогие друзья!

В разгар пандемии коронавируса нам удалось организовать работу ассоциации и тем самым сохранить традицию выпуска журнала «Бюллетень ИИС» к празднику Рош ха-Шана.

Для людей в Израиле и во всем мире наступил трудный период, который заставил нас изменить наши давние традиции и внести изменения в методы работы: из дома, с Zoom и пр., но к ним нелегко привыкнуть людям моего возраста.

Цели Игуд Иоцей Син, которые определены в уставе ассоциации, по-прежнему дают основание продолжать нашу деятельность и служат знаменем, под которым объединяются выходцы из Китая и их потомки. «И их потомки» – очень важная фраза по отношению к сказанному, и это фундамент, на котором мы строим наше дальнейшее существование.

В нашей стране уже родились внуки и правнуки выходцев из Китая, и для них «рассказы о Китае» это далекая история, не всегда вызывающая интерес. Из личного опыта моей семьи, где есть дети и внуки, я знаю, что они могут интересоваться, задавать вопросы, чтобы больше узнать о прошлом. Не оставляйте их вопросы без ответов и старайтесь увлечь их этой темой.

Наше поколение выходцев из Китая постепенно убывает, и очень важно, чтобы было продолжение в лице более молодых людей, чтобы сохранилась наша история и наследие как часть истории нашего народа. Именно об этом мы в Игуд Иоцей Син думаем и пытаемся внести свой вклад в наше общее дело.

К сожалению, деятельность нашей организации ограничена из-за сокращения финансовых поступлений. Основные жертвователи, такие как Ася Коган и другие, не оставили преемников, и хотя есть несколько жертвователей, которые, к счастью, не забывают Игуд Иоцей Син, их пожертвования не позволяют нам расширить рамки нашей деятельности. Мы продолжаем существовать за счет средств, полученных от продажи наших офисов на улице Грузенберг в Тель-Авиве, а также благодаря немногочисленным волонтерам и неоценимому труду Инны Бакшеевой, общего секретаря ИИС, и Цецилии Любман и Флори Коэн, редакторов «Бюллетеня ИИС».

Поздравляю с праздником Рош ха-Шана всех наших друзей в Израиле и за границей.

Иоси КЛЕЙН,
председатель Игуд Иоцей Син

БЛАГОДАРИМ

всех, кто поддержал нас в самое трудное время и продолжает поддерживать сегодня - наших авторов и жертвователей, наших добрых друзей

ВЫЖИВАНИЕ В ШАНХАЕ

Лотта МАРКУС

Мемуары (с двумя послесловиями)

Часть 1.

Вена, Австрия 1938

Мне было 11 с половиной лет, когда гитлеровские солдаты на танках вошли в Вену. Их встретили так гостеприимно, даже торжественно, будто они были приглашены друзьями-австрийцами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в течение короткого промежутка времени в Австрии был принят целый ряд антисемитских законов, по существу расистских, направленных на то, чтобы очистить страну от евреев. Конечный результат таких действий явился одним из множества шагов, приведших к одной из самых уродливых страниц мировой истории 20-го века.

Моя семья – мать, отец и я – сразу же пострадала. Отца, поскольку он был неарийского происхождения, уволили из банка. У евреев отнимали принадлежащие им частные предприятия и передавали новым владельцам арийского происхождения, а молодых австрийцев – бывших безработных, одетых теперь в немецкую форму – подстрекали к обыску, грабежу и насилию над евреями, чья единственная вина заключалась в том, что они на тот момент оказывались на улице: у них отнимали принадлежащие им вещи и деньги. Ни один еврей не чувствовал себя в безопасности. Защитников не было – только нападавшие. Игра заключалась в устрашении, запугивании, а методами были тюремное за-

ключение и убийство.

Реакция еврейской общины Вены, насчитывающей 187 тысяч евреев, в числе которых были мои родители, шесть их братьев и сестер, последовала быстро, насколько это было возможно. Мой отец, как и многие другие, начал действовать. Он писал письма в США, разыскивал родственников в Палестине, подавал заявки, пытаясь устроиться на работу в каком-нибудь зарубежном банке. Он делал все, что было в его силах, чтобы найти путь к спасению, несмотря на то, что члены моей семьи, как и тысячи других, считали себя уроженцами страны, австрийцами, полноправными членами общества. Во время Первой мировой войны мой отец был лейтенантом австрийской армии, воевал на русском фронте; его отец еще раньше, до него, эмигрировал в Австрию с Востока, из германских Судет. Теперь же мы оказались в положении просителей. Нас исключали из австрийского общества, но при этом мы должны были быть исключены «правильно».

Для того чтобы покинуть страну, необходимо было собрать все наши личные данные, всю информацию. Отцу пришлось ходить из одного учреждения в другое. Прежде всего, надо было получить наши свидетельства о рождении, подтверждение места нашего проживания, подтверждение об уплате нами всех налогов, данные о нас в полиции (или об отсутствии таковых), данные

о контактах с религиозными или политическими организациями, подтверждение наличия денежных кредитов, выплаченных или невыплаченных, подтверждение акта покупки или продажи земли – одним словом, все сделать так, чтобы можно было, наконец, сказать, что по мнению германского правительства, вы покидаете страну на законном основании (не то, чтобы вас принуждают покинуть страну) с паспортом германского Рейха. Закон обязывал, чтобы в документе использовалась формулировка «По приказу...» и стояли печать и подпись того или иного главы офиса, гаулайтера, солдата или вновь назначенного официального лица.

Отец уже знал, какой чиновник может ускорить или, наоборот, замедлить процедуру оформления документов, кто может заставить вас ждать еще дольше или потребовать прийти снова, чтобы представить еще какие-то дополнительные сведения, и все лишь для того, чтобы этот самый чиновник в новой должности, в этом недавно занятом им положении псевдовласти мог тайно наслаждаться зрелищем Длинной Очереди к нему на прием. Отец часто брал меня с собой и проталкивал вперед, между столами и скамьями, чтобы «милая, сладкая девочка» смягчила сердце бюрократа и мы бы смогли добиться от него результата быстрее, чем заявитель, стоявший позади нас, но не имевший при себе ничего, чтобы

«подсластить» свое заявление. Мы, заявители, были объектом равнодушного милосердия. Нас и людей, сидевших за столами, разделяла глубокая пропасть. Получение паспорта было только началом истории. Более серьезной проблемой был вопрос о том, куда ехать с этим документом, вопрос, который круглосуточно лихорадочно обсуждался в кругу семьи, с друзьями, родственниками, соседями. Он стал более актуальным, когда наш собственный дом был реквизирован молодым блондином, офицером, который записывал каждый предмет, отнятый у нас, и при этом бесконечно извинялся перед нами. В конце концов, он только «следовал приказу». Все иностранные консульства, все посольства в Вене были переполнены – их заполонили податели заявлений. Это были уже не те учреждения, которые прежде помогали отыскающим или бизнесменам отправляться в заграничные поездки. Теперь они являлись источником магической силы, которая обеспечивала въезд не в страну, а в саму жизнь. Длинные Очереди стали еще длиннее и, змеевидно извиваясь, тянулись вдоль кварталов. Некоторые заявители нанимали себе «заместителей», которые вставали вместо них в очередь в одном консульстве, в то время как они сами занимали место в очереди в другом, по мере распространения слухов. Когда английское консульство будет раздавать новые анкеты? Может быть, французское консульство? А как насчет Австралии? Или мы найдем родственника в Швеции, чье имя и адрес узнаем в шведском консульстве? Или обратиться в американское консульство? Как звали поляка, воевавшего с моим отцом в Первую мировую войну и которого он позже встретил в свой

медовый месяц в Италии? Будет ли Международный еврейский конгресс продолжать увеличивать квоты для европейских стран? А как насчет разрешений на работу в Англии, Голландии, Италии – и будут ли они брать детей?

Мой отец, как и все другие заявители, тщательно одевался по такому случаю, как будто это являлось предпосылкой успеха в обретении новой жизни. Светло-зеленый плащ с поднятым воротником, темно-зеленая шляпа-федора, портфель – все было полностью одобрено моей мамой: «Они заставляют тебя выглядеть элегантным». Важно было произвести хорошее впечатление на господина консула в случае, если бы можно было зайти и увидеть его.

И вот однажды совершенно случайно мой отецшел куда-то и увидел другую Длинную Очередь перед еще одним консульством, на Бетховенплац, 3, Бенцирк, возле которого стояли в ожидании по меньшей мере человек сорок. Один из них узнал моего отца и окликнул его: «Идите сюда, вставайте в очередь. Сегодня такой день, они выдают визы в Шанхай. Давайте, вам только поставят штамп в паспорте». Отец просто встал в еще одну Длинную Очередь, которая, к его удивлению, – он повторял нам это снова и снова – на самом деле двигалась, и это, по его словам, действительно заняло не так много времени. Он также был рад, что как раз в тот день при нем были наши германские паспорта: «У меня были все необходимые документы. Я просто отдал их клерку. Клерк исчез, а через некоторое время я услышал свою фамилию. Всё было в порядке: три паспорта, подписанные и заверенные печатью».

«Да, пожалуй, – сказала мама, –

и тебе не нужно было говорить по-китайски?» – «Клерк был немец и говорил по-английски». – «Разговаривал ли ты с консулом? Он говорил по-английски?» – «Я просто переходил от одного чиновника к другому». – «И тебе не понадобилось никому платить?» Мы разглядывали китайские иероглифы, но, конечно, не могли прочитать и ничего не понимали.

Спустя несколько недель после «Хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года, после того как нам доставили похоронный мешок с останками брата моего отца, Альфреда, из Дахау (первый трудовой лагерь, о котором мы услышали), а также после того как мне сказали на моем катке, что я не смогу участвовать в следующем ледовом шоу из-за новых расовых законов, мой отец, как ни удивительно, пошел и купил билеты на пароход «Conte Biancamano», один из роскошных лайнеров итальянской пароходной компании, которую потребовалось шесть недель, чтобы доставить нас в Шанхай.

Я почувствовала огромное облегчение. Мне больше не нужно было ждать, лежа в постели и посматривая в окно, когда же появится тень от фигуры моего отца, возвращающегося домой, или прислушиваться к его шагам, когда он вставляет ключ в замочную скважину, чтобы открыть большую дубовую дверь нашей квартиры на четвертом этаже дома № 20 по улице Шуллерштрассе. Это означало, что он благополучно провел еще один день в Длинной Очереди и избежал очень большого и страшного несчастья.

Часть II.

а) Шанхай, 1939 – 1942

Когда перед нашей узкой мощенной улицей, Авеню дю Руа Альбер, на Французской концессии

в Шанхае остановился крупногабаритный фургон, который доставил наши вещи, отправленные из Вены по железной дороге в Женеву, Италию и на пароходе через Суэцкий канал в Шанхай, мама не могла поверить своим глазам: неужели она сама все это увезла с собой! Отец сразу же заявил, что мы должны избавиться от всего лишнего. Отныне жизнь будет иной, и мы будем жить, освободившись от балласта. Мама подчинилась – его слово было законом. Он стал нашим лидером, нашим Моисеем.

Я представляю себе, как мама распродает китайским торговцам предмет за предметом. Люстра из нашей столовой, под которой она устраивала семейные обеды и ужины, стул из ее кухни, на котором она сидела, усердно выжимая свежий сок из помидоров («Полно витаминов!») и весело болтая со мной, – все это было частичками ее быстро уходившего прошлого, которое она оставляла без единой жалобы, глубоко уходя в себя – так глубоко, что по прошествии многих лет я помню ее, как будто это две мои мамы – как две маски на одном лице: одна из них – юная, смеющаяся (до войны), и другая – неизменно со слезами на глазах, никогда полностью не высыхавшими (со времени прибытия в Шанхай и еще долгое время после войны). Шанхай называли «интернациональным городом». Вы бы назвали город с населением 100 тысяч иностранцев и 4-6 миллионов китайцев «интернациональным»? Я сомневаюсь, что он был таковым с точки зрения местных водовозов, прачек, уличных поваров. Мы попали в город, разделенный на три части: Французская концессия, Международный сеттльмент и Китайский муниципалитет

Большого Шанхая, хотя и японцы с некоторых пор занимали несколько мест в городском совете. Каждый муниципалитет отмечал свои собственные праздники, у каждого были свои школы, свои сборщики налогов, суды, полиция и охранники, находившиеся в ведении шанхайского городского совета. Шанхай неправлялся Китаем. К 1940 году приток евреев стал настолько велик, а в течение полтора лет приехали от 18 до 20 тысяч беженцев, что городской совет согласился с требованием взимать по 200 британских фунтов с каждого прибывшего пассажира в качестве налога на высадку в шанхайском порту. Иными словами, если бы мы приехали на полтора года позже, у нас бы не было возможности сойти на берег – просто не хватило бы денег. Мы хорошо выбрали время!

Шанхай, Открытый Город, быстро закрывался, по мере того как волны беженцев продолжали прибывать. Были опасения, что принятие беженцев увеличит нагрузку на ресурсы города. Наши местные комитеты беженцев не имели никакого влияния, никакого статуса, поэтому мы вновь оказались отверженными! Как и китайская городская беднота, мы, беженцы, не имели политических защитников, даже несмотря на то, что итальянская судоходная компания “Lloyd Triestino” продолжала продавать билеты на пароход (и получать солидную прибыль), чтобы привлечь больше беженцев в Шанхай. Поскольку полномочия муниципалитетов были разделены, никто не отвечал за нас. И коренные китайцы, и мы, незваные гости, не имели голоса. Думаю, мы даже представить себе не могли – и это не обсуждалось – как близки мы были к политической анархии!

Ни о чем подобном не говорилось, когда мы всё реже и реже собирались за нашим обеденным столом. Мой отец и я стали «рабочими лошадками». Он подавал заявления в поисках работы в качестве клерка в иностранных банках, но ему отказывали. Он перестал быть филателистом и занялся торговлей марками – его некогда юношеское увлечение коллекционированием почтовых марок превратилось в род занятий во времена растущей инфляции. Он продавал иностранные марки русским эмигрантам, американским бизнесменам, богатым китайцам. Что касается меня, я в качестве «опытной и старательной секретарши», в возрасте 12-14 лет, сортировала, отмывала и вставляла марки в альбомы, учила английскому китайцев и японцев, играла венские песни и итальянские танго в иностранных барах в составе квартета аккордеонов. Я стала английским секретарем милейшего человека, занимавшегося немецким импортом и экспортом; он не раз спрашивал меня о нашем европейском присутствии в Шанхае. Некоторое время я была единственным «белым» лицом среди многочисленных китайских продавцов в универсальном магазине, в котором для клиентов звучала музыка – китайские песни о любви. Хозяева универмага использовали меня в качестве мостика между ними и остававшимися в Шанхае британскими подданными. Мы были единственными, кто предлагал покупателям довоенное чайное печенье, которое поступало в больших жестяных коробках, а в конце дня я соскабливала кусочки сахара с жестяного дна и, завернув их в бумагу, приносила домой в виде сахарного песка. Мне было радостно видеть, как моя мама улыбается и спрашивает меня: «Так что ты

принесла домой сегодня?»

Я преуспевала. В то время как в мире взрослых был утрачен набор традиционных исторических и культурных нравоучений, я усвоила, что на разделенных территориях Шанхая нет никаких правил, и, следовательно, каждый человек (или ребенок) должен медленно продвигаться вперед! Я с увлечением стала постигать навыки выживания. Я стала заключать «сделки». Если полицейский остановил меня, это не означало, что таков закон, – это был предлог, чтобы попросить «взятку». Или когда я продала европейскую резьбу по дереву за наличные, мои родители улыбнулись и не стали задавать никаких вопросов. Или позже, когда в нашей больнице “Ward Road Hospital” не хватало лекарств, я без колебаний поехала на велосипеде из одной частной аптеки в другую и раздобыла все, в чем мы нуждались.

Пользуясь китайским пиджин-английским (также называемым китайским прибрежным английским – прим.пер.), я торговалась, заключая «сделки», и ни один торговец, с которым я когда-либо имела дело, не рассматривал как препятствие для этого ни мое «белое» лицо, ни мой женский пол, ни мой юный возраст. Заключение «сделки» оканчивалось, как положено, формальным поклоном, хотя на мне были девичьи гольфы и потертые туфли. Для карманного денег я использовала в качестве капитала свои длинные черные волосы. По мере отрастания волос я продала их два или три раза, до Перл-Харбора. Кажется, китайцы делали сетки для волос не из ниток, а из человеческих волос. В то время как я показывала парикмахеру, насколько коротко следует отрезать мои волосы – по цене,

которая зависела от веса моих лишних волос – один ученик подстригал и подстригал, в то время как другой быстро подметал, собирая мои волосы, так что я никогда не была уверена, был ли вес абсолютно точным. Я занималась контрабандой, пробираясь в японскую часть города под колючей проволокой в местах, где не было охранников, чтобы скупить импортный японский тунец, который потом продавала в еврейские продуктовые магазины в нашей части города.

Отсутствие гигиены и уличные драмы были кошмаром для моей мамы. Я проходила мимо них, мимо хрупких сампанов – лодочных домов, прямо напротив небоскреба на западном берегу реки Хуанпу, только полквартала в сторону, – населенных семьями, где стирка, фекалии и кухонные плиты в жаркие дни распространяли зловоние от масла, угля и смога. Я проходила мимо китайцев-перевозчиков воды, кирпича, дерева, чернорабочих, невольников, которые, балансируя, несли сломенные корзины на бамбуковых шестах через плечо. Они двигались пританцовывая со своим грузом в неограниченно быстром ритме, и их дыхание в такт монотонному пению никогда не было прерывистым. Я никогда прежде не видела, чтобы истощенные матери кормили своих младенцев на улице; или как водоносы, балансируя, носили на плече в деревянных ведрах горячую воду для продажи, которая расплескивалась, обжигая босоногих детей; или циркового артиста, который научил змею подниматься и подниматься под аккомпанемент своего тонкого, высокого голоса, напевающего атональную мелодию. Когда же змея поднялась, его взгляд был прикован к змее, он не обращал

внимание на медные монеты, которые кидали прохожие в его оловянную чашку, но при этом монотонное пение никогда не прекращалось.

В то время как мои родители были шокированы, я принимала все ситуации как данность и никогда не спрашивала, как такое социальное положение могло возникнуть и как его можно улучшить.

Однажды я заблудилась, пытаясь найти дорогу от места, где мы жили, к магазину, где я работала, и индийский сикх-полицейский – в белом тюрбане, с усами, в зеленой форме с кожаным поясом для пистолета – учтиво помог мне на своем родном индийском английском, хотя мы с ним были с разных планет в культурном и этническом отношении.

Тогда я не знала, что японцы снова двинулись вперед, хотя совсем недавно, двумя годами ранее, в 1937 году, бомбили Шанхай во время войны, которую они проиграли. Эта драма, а также то разгорающаяся, то затухающая гражданская война между полевыми командирами, которые занимали большую территорию Китая, – все это не доходило до моего сознания.

А теперь перенесемся на годы вперед. В 2004 году мой доктор Дайт Чен, китаец американского происхождения, рассказал мне, что его родители находились в Шанхае в то самое время, когда там жили и мы. Они были беженцами из Нанкина, а у нас, беженцев из Европы, тогда были шоры на глазах, и только теперь, когда доктор рассказал мне об этом, шестьдесят лет спустя, я провела параллель между историей спасения его родителей от жестокой расправы и нашего бегства в Шанхай. Мы в нашем положении были настолько заняты вопросом вы-

живания, что не замечали политического и экономического угнетения, которому подвергались тысячи китайцев, устремившихся тогда в город. Почти так же, как сделали мы. Где они? Как они выжили?

«Белые» люди становились «интернационалистами» только когда они находились рядом друг с другом, и так было с преподавательским составом Шанхайской еврейской школы, где я училась в течение двух с половиной лет. Школа, основанная британскими ашкеназскими и сефардскими (британскими подданными) евреями, действительно была «интернациональной». Все были из разных мест: учительница из Ирландии мисс О'Дуайер преподавала нам Великую хартию вольностей; с русским эмигрантом г-ном Кахане мы изучали Россию; г-жа Хеккинг, жена голландского бизнесмена, преподавала орографию и грамматику. Через шесть месяцев я уже говорила по-английски. Я жадно читала на английском языке романы — «Унесенные ветром», приключения — «Скарлетт Пимпернел» и «Три мушкетера». Мне хотелось забыть немецкий.

Прямо на территории школы была синагога, но я ходила туда только потому, что была влюблена в Томми, взъерошенного, поэтично выглядевшего мальчика из хора, сына русских эмигрантов. Он подмигивал мне в классе! А я хотела встретиться с ним взглядом, когда он пел в хоре. Ради него я могла бы стать верующей, но он исчез. Позвонить кому-нибудь по телефону и спросить, что случилось, было бы неловко, развязно, бес tactно. Девочка из семьи европейских беженцев звонит по телефону мальчику из России? Неслыханно!

Стимул Шанхайской еврейской

школы заключался в том, чтобы заставлять еврейских детей на Дальнем Востоке ориентироваться на будущую родину и тем самым положить конец диаспоре, которая в нашем случае только началась! Директором школы был Мендель Браун, бывший британский подданный, который впоследствии умер в японском лагере для интернированных. Он преподавал иудаизм точно так же, как в Вене, использовал те же священные тексты, только теперь его учениками были ребята более старшего возраста. Предания, будь то победа Маккавеев или Исход, стали предметом истории, а не религии, историческими фактами. Никто не связывал наш собственный исход в Шанхай с историей исхода из Египта. Никто не объяснял нам, почему на кухне работали только китайцы и почему в нашем классе не было ни одного китайского ученика. И еще, почему вторым языком, который мы изучали, был французский, а не китайский!

У Шанхайской еврейской школы были свои знаменитые благотворители — семьи Сассун, Абрахам, Кадури, которые щедро жертвовали на детские лагеря, школы и вакансии. Благодаря их благотворительной деятельности мы, дети-беженцы, никогда не доставляли школе никаких неприятностей. Мы научились быть благодарными и добрыми.

Время от времени, очень редко, мы ставили под сомнение «то, как идут дела», но не имели ни малейшего представления о том, есть ли кто-нибудь (не учреждение или организация), кто мог бы или должен был что-то сделать. Однажды я заметила, что рикша кули, пытаясь отвлечь наше внимание от других, указал на свои крепкие икры, как

торговец лошадьми, который может похвастаться мускулами ног своей лошади. «Хоп-хоп, — сказал он, — быстро-быстро», рекламируя свои навыки бега. Когда мой школьный приятель сказал, что эта практика должна быть запрещена, что это социальная проблема и надо, чтобы люди просто отказались ездить на рикшах, я ответила, что это не решит проблему, поскольку человек должен был кормить своих детей, и если бы люди перестали ездить, он бы голодал, и тогда это была бы личная проблема. Но дальше таких обсуждений дело не шло.

Тем временем, ностальгия и трудолюбие объединились и сделали так, что в Шанхае выросли «маленькая Вена» и «маленький Берлин» — пища хорошо нивелирует культуры! В “Barcelona”, на Французской концессии, подавали Wiener Schnitzel (котлеты из телятины в панировке); в булочной “Frankel's Wiener Konditorei” подавали Kafee mit Schlagobers (кофе со взбитыми сливками); в “Fiaker” маленький оркестр играл венские вальсы, а Розерл Алберс Герстел заставляла тосковавших по дому зрителей плакать, когда она пела на идише “Ja, Ein Yiddishes Maederl...”

Наши мужчины-беженцы наставляли на том, чтобы носить свои жесткие шляпы-хомбург среди множества мягких китайских шелковых шапочек с кисточками. Мой отец в самом деле полагал, что мне следует научиться торговать шляпами, потому что китайцы могут научиться покупать их у нас! Взрослые топтались на месте, пока война не закончилась, чтобы снова заняться своей «реальной жизнью». Мы, дети, не строили планов и росли, несмотря ни на что.

Часть II.

б) Перл-Харбор и после

К началу 1940-х годов из примерно 20 тысяч беженцев около 2 000 человек жили в лагерях Алкок, Уорд, Уэйсайд, Шауфун и Пинлян, в то время как еще 6 300 человек, которые жили за пределами лагерей, ежедневно получали бесплатное питание. Расходы покрывал Американский еврейский объединенный распределительный комитет. В отличие от этих людей, наша маленькая семья из-за нехватки денег удовлетворяла только свои насущные потребности – мы могли кормиться, хотя кое-как сводили концы с концами. Такое положение закончилось в день нападения на Перл-Харбор, 8 декабря 1941 года, и начала войны на Тихом океане, когда японцы на небольшой канонерской лодке поднялись вверх по реке Янцзы и быстро двинулись на британский военный корабль HMS Petrel и американский речной корабль USS Wake. Оба судна находились в Шанхайской гавани и были взяты японцами без боя, как и сам город Шанхай. За несколько часов японцы взяли под охрану все иностранные посольства и приказали иностранным гражданам носить нарукавные повязки, чтобы идентифицировать себя. Японцы стремились ввести в городе военное правление. Они заменили индийских сикхов-полицейских в тюрбаханах – те просто исчезли с улиц. Под надзором армии и флота они установили контроль над банками, выставив перед входом караулы из подростков, 19-летних солдат. Императорская японская армия оккупировала город с гражданским населением – Шанхай пыпал как в огне!

Теперь мы снова оказались во власти военной культуры, теперь уже японской. Из огня да в

попытка? Вскоре самые последние новоприбывшие угнетатели показали свою силу: в феврале 1943 года отношение к нам внезапно изменилось. В отличие от англичан, которые стали «гражданами вражеского государства», с ноября 1942 года мы были объявлены «лицами без гражданства», то есть никто не был юридически ответственен за нас. Наши германские паспорта еще раз оказались бесполезными, хотя один из родителей моих друзей по прибытии в Шанхай представил их тогда в консульство Германии «на всякий случай, если у них сменится режим!»

Итак, в феврале 1943 года было сделано еще одно новое японское официальное объявление: «по военным причинам» японцы приказали нам отправиться в специально отведенную для этого зону в шесть миль – гетто Хонкью. Отныне мы не могли выйти из гетто без разрешения человека, который, согласно назначению, должен был управлять нами. До сих пор я не могу понять, что получила от этого переворота Императорская японская армия, кроме проявления деспотизма власти ради собственного интереса.

Вот два кратких эпизода из того времени.

Моего друга зовут Герберт. Ему 18, а мне 14. У него бумажный бизнес: он мой поставщик комиксов – книжечек в мягких обложках, чтобы делать из них туалетную бумагу для нашего населения беженцев. Я рассчитываю на его деловую смекалку. Мы обсуждаем размеры бумаги, вес бумаги, плотность. Он стоит ночью под окном нашей квартиры, насиживая шесть тактов из 9-й симфонии Шуберта, а затем мы с ним гуляем по Гетто, проходя пять миль. Существует комендантский час. Однажды

тихой лунной ночью на одной из пустых улиц мы сидели свесив ноги на пустом военном грузовике вдали от дороги. Герберт долго и нудно говорит о нашем будущем, когда война закончится, и тут мы услышали шум. Японский солдат со штыком в руке прыгает на грузовик со стороны улицы. Мы оказываемся спиной к нему, а перед нами второй солдат, водитель, запускает двигатель. Первый солдат кричит, хватает свой штык; второй останавливает запуск. Теперь оба стоят напротив нас. Я мгновенно соображаю: мы не беженцы, мы не евреи, мы граждане неприятельского государства. Герберт говорит мне: «Прыгай и беги». Я так и делаю – прыгаю и бегу в одну сторону, а Герберт бежит в другую. Мы оба благополучно вернулись домой, но, поскольку у нас не было никаких телефонов, мы не знали до следующего дня, что случилось друг с другом. По сей день я не знаю, почему мы не были убиты, искалечены или ранены. Иногда во сне я все еще бегу.

Официальным главой гетто был Кано Гойя, штатский служащий. Он любил западную культуру и считался добрым человеком, пока его не назначили управляющим гетто Хонкью с правом выдачи пропусков, по которым мы, евреи, могли входить и выходить за пределы нашего Ограниченнего района (для лиц без гражданства) только с целью работы по найму.

И вот я подаю заявление, чтобы получить разрешение на выход из Ограниченнего района на преподавательскую работу за пределами гетто, разрешение, которое по воле его офиса может быть продлено на четыре недели, шесть недель и три месяца.

Длинная Очередь стоит в гетто.

Люди ждут с раннего утра. Жарко. Очередь движется медленно. Я уже знаю от людей впереди меня, что господин Гойя сегодня в плохом настроении. Я боюсь, потому что мой пропуск немножко надорван. Очередь ведет меня к большой двери офиса. Офис Гойя находится на втором этаже, и люди в очереди все время поднимаются. Иногда тишину нарушает чей-нибудь голос – несколько слов, и снова тишина. Наконец я в офисе. Гойя, худощавый мужчина, сидит на врачающемуся стуле, курит сигару, ноги на столе. Он пьет воду, показывая мне жестом, чтобы я приблизилась. Я не приветствую его. Я передаю ему свой пропуск. Внезапно он вскакивает со стула, как будто его ужалила оса. Я не могу пошевельнуться.

Он брюзгливо говорит по-английски:

– Ты хочешь пойти в британский сеттльмент? Нет больше британского сеттльмента... Теперь все японское!

Он смотрит на меня сверху вниз, как будто принимает трудное решение. Заикаясь, я говорю ему:

– Сэр, я обучаю китайских детей ... английскому...

– Ты? Ты лжешь. Ты ... Я вижу... ты идешь спать с иностранцами ... Этот пропуск – ложь, – говорит он, хлопнув рукой по столу.

– Нет, сэр.

– Этот пропуск, который ты приносишь мне ... этот угол, здесь, надорван... ты приносишь мне назад надорванный пропуск...

Наступает пауза. Он подходит ко мне с маленькой баночкой клея:

– Сейчас же исправь повреждение!

Сунув палец в белый клей, я под его наблюдением склеиваю два крошечных кусочка картона.

Кажется, он устал от собственного выступления и делает последнее предупреждение:

– Ты не позаботилась о своем пропуске? В следующий раз я проучу тебя! — и затем изменившись тоном: – Дальше. Пожалуйста. Следующий.

В субботу вечером, когда играл еврейский оркестр, появился другой Гойя. В черном костюме с галстуком, он пришел в театр с охраной из нескольких солдат. Следовало бы пойти в оркестровую яму и попросить прервать представление. Оркестр попросили встать. Гойя появился, как будто он был императором. Все встали. Когда он занял свое место, всем разрешили сесть: выступление продолжалось. Он называл себя «королем евреев». В 1944-ом и 1945-ом дела шли все хуже и хуже, но я искала выход. С тем же моим другом я провозила контрабандные товары в гетто и из него. Мы клади банки тунца и японских джемов в карманы наших курток или укладывали их завернутыми в багажниках наших велосипедов, как если бы они были книгами. Когда в гетто появился охранник Пао Цзя, который должен был сторожить беженцев, мы с другом ходили вдоль по гетто, чтобы найти место, где бы можно было выйти в случае, если наши пропуска окажутся недействительными.

Выживание оправдывает средства. Наши нарушения были незначительными. Я положила меньше бумаги, чем сказала, в пачку туалетной бумаги, которую продала. Я украла сахар из Шанхайского универсального магазина, в котором работала, потому что у нас его не было. Однажды мы с подругами разрезали пополам припрятанную кем-то большую венгерскую плитку шоколада и с жадностью проглотили всю саму. Мне ни-

когда не приходило в голову, что в этом есть что-то дурное. Это было похоже на свободу, когда на самом деле мы были запуганы. У нас не было никаких прав, поэтому мы использовали все, что могли. Этот «практикум» по выживанию все еще со мной. Недавно меня осенила мысль в связи с ситуацией, которая когда-то чуть было не закрыла мне дорогу в Соединенные Штаты. К 1944/45 году я заболела амебной дизентерией, вследствие которой в человеческом кале появляются личинки. В моем случае, будучи обнаружеными, они сделали бы невозможным для меня приехать в Соединенные Штаты: въезд был запрещен. К счастью, все обошлось: личинки не проявили себя. Пятьдесят лет спустя, обедая где-то вне дома, я рассказывала эту историю, и тут вдруг меня осенило, что я могла бы тогда подставить кал моей мамы вместо своего. Кто бы узнал о подмене? Только теперь, через столько лет, при пересказывании старого эпизода мой механизм выживания нашел решение!

В декабре 1944 года у моего 47-летнего отца случилось первое мочевое кровотечение, пока он ждал, как и я, в новой Длинной Очереди пропуск на выход из гетто. Ему поставили диагноз – рак почки, и один из врачей-беженцев оперировал его в нашей еврейской больнице “Ward Road Hospital”. Мама узнала, что его организм уже поражен метастазами. В течение трех месяцев, которые ему оставалось жить, он никогда не показывал мне своих переживаний по поводу судьбы его сестры и ее мужа, бежавших в Венгрию, или о судьбе семьи его брата в Чехословакии, а также его отца и дяди, которые остались в Вене под присмотром их прислуги.

Это было с моей семьей. Мама так хорошо и с такой преданностью и энергией заботилась о каждой его физической и эмоциональной потребности, что я и сейчас слышу низкий голос отца, когда он шепчет мне: «Твоя мама ангел».

Я приносила ему карты Европы, и мы с ним раскладывали их на койке. Отец, бывший солдат Первой мировой войны, любил боевую стратегию. Фактически, именно его боевые ранения и награды заставили его усомниться в том, что нацисты внезапно изменят отношение к таким же ветеранам войны, как и он. Но теперь, с помощью коротковолнового радиоприемника, мы с ним отмечали красными флагами города, которые оказывались в руках союзников. В марте 1945 года мы узнали, что Париж был освобожден в августе 1944-го и что американцы бомбят немецкие города. Капитуляция была вопросом времени. Но понимание моим отцом того, что война будет выиграна, шло вразрез с нашим пониманием того, что борьба за его жизнь будет проиграна. Таким образом, мы втроем жили в противоречивом состоянии горячей надежды и глубокой, мучительной скорби. Мы похоронили моего отца на участке за пределами Шанхая, который был куплен еврейской общиной – 300 могил, которых в итоге оказалось 1200. Участок находился между двумя китайскими рисовыми полями – неухоженный, с небольшим указателем. Мы опустили гроб в чужую землю. Я чувствовала – отца в том гробу нет.

Весной 1945 года Тихоокеанский театр военных действий активизировался и даже достиг Хонкью, район нашего гетто. Американские бомбардировщики совершали разведывательные полеты над японскими террито-

риями в Тихом океане. Мы давно подозревали, что японцы выбрали для гетто район Хонкью потому, что в окрестностях находились их военные объекты. Неужели они использовали нас как прикрытие против американцев? Знали ли американцы о нашем существовании? Фактически, из-за этого созвездия мы знали, что нас вполне могут бомбить либо японские зенитные установки, либо американские бомбардировщики. Я на собственном опыте узнала, что военные будни полны непреднамеренных ошибок и, гипотетически, нас могут убить наши собственные американские освободители!

Ночью нам пришлось ждать, чтобы увидеть, будет ли еще один рейд. Сначала раздался пронзительный вой сирены. Это немедленно вызвало выброс адреналина по всему телу, кишечные спазмы и тошноту, рывок в туалет, один на семь жильцов нашего дома на Канпин Роуд № 355. После сирены наступило ожидание первого гудящего «самолета» над головой. Для моего кишечника не имело значения, были ли они американцами или японцами. И не будет иметь никакого значения для мертвых, бомбардировщики какой национальности убили их. Минутная тишина казалась вечностью, а затем раздался резкий свист – полет длинной летящей дуги – и страшный грохот взрыва и задрожавших окон. Большую часть времени стреляли японские зенитные орудия – их снаряды, дым и осколки летели через наше гетто под открытым небом. Насколько мне известно, ни один американский самолет не был сбит. Если не в туалете, то я пряталась под столами. Иногда желудку приходилось часами успокаиваться. Я стала волонтером в еврейской

больнице “Ward Road Hospital”, где работала секретарем и где несколько месяцев назад умер мой отец. Там я увидела первое в моей жизни голое, обожженное, мертвое тело китайца на оставленных носилках. Все, что я могла сделать, это найти белую простыню, чтобы накрыть его.

6 августа 1945 года – мне уже 18 лет – мы узнали, что бомба нового типа разрушила Хиросиму и Нагасаки. «Что за облако, похожее на гриб?» – спрашивали мы самих себя. Император Хирохито сдался. Могучая американская армия победила. Мы танцевали на улицах. Мы не знали, что решение сбросить бомбу открыло ящик Пандоры в виде атомной эры с ее вариантами мучительного выбора: великая Западная нация, «цивилизованная» армия, вызвала наибольшее число жертв, нанесенных какой-либо армией в любой войне против ГРАЖДАНСКОГО населения, чтобы больше не приносить в жертву еще большего количества американских солдат в случае продолжения войны. Чтобы покончить с диктатурой Германии, чтобы остановить Холокост, мы, защитники добра, выступающие против зла, изменили лицо войны, во-первых, с помощью бомбы и, во-вторых, с помощью бомбардировки гражданских населенных пунктов. Воздушные удары по Лондону, Берлину, Дрездену и Гамбургу сделали гражданское население – женщин, детей и старииков – жертвами военных действий, как пишет Курт Воннегут в книге «Бойня № 5».

В конце этой ужасной войны в течение нескольких дней группа молодых евреев, в том числе и мой друг, разыскивала и нашла Кано Гойю. «Мы избрали его хорошо, – сказали они, – и отпустили». Добрый Ветхий Завет,

запрет «око за око, зуб за зуб» – освобождение от глубокого страха – преобладал. Жертвам не потребовалось много времени, чтобы стать палачами. Прощение? Забудьте об этом!

И вот однажды прибыл Летучий Мессия в виде майора Файна, высокого, красивого, в военной форме. Находясь в Пекине, он слышал о бедственном положении «бесчисленных беженцев в Шанхае». Он реквизировал самолет, вылетел в Шанхай, реквизировал джип и поехал в больницу "Ward Road Hospital" с коробками и ящиками с антибиотиками (в то время это было новинкой), таблетками и инъекционными препаратами. Наши врачи, прошедшие европейскую подготовку, изучали новые лекарства, как будто читали по Брайлю.

Еще через несколько недель летчики и военнослужащие американских военно-воздушных сил стали использовать Шанхай в качестве промежуточной станции для отправки солдат домой в Соединенные Штаты. Насторожение было праздничное. Армия открыла 29 почтовых бирж, или фактически американских продуктовых магазинов по всему городу - на складах, в офисах и клубах. Они привезли «Вундерхорн» с припасами: мясные консервы "Spam" в банках, коробки шоколадных конфет "Hershey Kisses", жевательную резинку "Wrigley", пиво в банках, напитки, сигареты. Мы, вытаращив глаза от изумления, смотрели на небрежно представленные крупную технику и мелкое оборудование: самолеты, джипы, автомобили, запчасти, спальные мешки, канистры с водой, бумажные салфетки «Клинекс». Кто-нибудь когда-нибудь видел салфетки из папиросной бумаги, сложенные одна в другую? Или жевательную резинку, за-

вернутую дважды - сначала в алюминий, а потом в разноцветную с рисунками бумагу! Это огромное «золотое дно» оборудования обеспечила работой многих беженцев, в том числе и меня. Мой начальник из больницы просто сделал меня своим секретарем, когда он стал гражданским надзорателем почтовых бирж. Молодые солдаты хотели узнать от нас, где находятся китайские девушки. Мы не могли сказать им, но проводили вечера с ними, пили, пели, сплетничали, разговаривали. Они показывали нам армейские фильмы. Мы приходили на балы, которые устраивались под музыку, звучавшую с экрана, и получали удовольствие от каждой новой случайной роскоши. Кто сказал, что улицы в Америке не вымощены золотом?

Часть III.

Послесловие I.

Кармел, Калифорния, 1987.

Прошли годы. Теперь я – американская гражданка, мой муж – американец, бывший солдат Второй мировой войны, еврей. У нас трое благополучных детей в возрасте 32, 29 и 26 лет. Три года назад скончалась моя мама в возрасте 83 лет. И вот только теперь, через 49 лет после вторжения Гитлера в Австрию и через 40 лет после окончания войны, я решилась поставить своих взрослых детей перед фактом и говорить с ними не только о том, как я выживала, но и о моем срыве – о моей борьбе с посттравматическим стрессом. Это случилось в мирное время, в 1952 году, вскоре после нашего с мужем вступления в брак. Сначала меня беспокоили блики яркого света на улице, затем я уже не могла переносить солнечный свет, людскую толпу и суматоху. В кинотеатре я по-

чувствовала клаустрофобию. Я не могла стоять в ожидании ни в одной очереди – ни в банке, ни на рынке, ни в магазине. Когда я слышала гортанный звук разговорного немецкого языка, меня тошило. Мы были на ужине у близкого друга, и вдруг меня впервые охватил панический ужас. За первым приступом паники последовали недели и месяцы, в течение которых меня периодически мучилиочные кошмары: то сцены из прошлых лет настойчиво возвращаются, как барабанная дробь; то мама в постели со странными джентльменами, а отец ищет ее. В ушах звук телефонного звонка и сирены при воздушном налете не прекращается даже после пробуждения. Письма с пометкой «Конфиденциально» приносит мне Аксель Вернер, сын консьержа в Вене, который явился к нам в дом в «Хрустальную ночь». Он держит в руке пистолет или стоит на танке, иногда он похож на Гойю, «короля всех евреев», из гетто. Я нашиваю свастики на нарукавные повязки на швейной машине, которая строчит медленно, я не успеваю, и груда повязок возле меня постоянно растет. Я все время стучала зубами и дрожала всем телом.

Так продолжалось в течение двух с половиной лет. Днем я работала, а ночь превращалась в другой мир, в котором для меня был мой муж. Он не терял голову из-за моего панического страха. Ночью я видела, как он возится с нашим радиоприемником около кровати и ищет музыку, чтобы отвлечь меня ... Страхи прекратились, когда в 1955 году родилась моя старшая дочь, а далее мне становилось лучше с рождением каждого последующего ребенка ...

Мне также хотелось, чтобы мои взрослые дети представляли

себе общее число потерь, вызванных Холокостом только в одной венской семье.

Из 42 взрослых и детей только 27 смогли спастись, около 15 погибли в лагерях или были расстрелены при отчаянных попытках к бегству по незнакомым дорогам или у вражеских границ в бесполезном последнем броске к свободе. Берта П., умственно отсталая, исчезла вместе с Мари, горничной моего деда. Дед Люстиг погиб в Терезиенштадте, как и брат моего отца Ричард, его жена Лилли и моя кузина Марианна. В Дахau убили дядю Альфреда. Двоюродные братья моего отца, Пики, были застрелены на границе, когда они пытались бежать в Израиль через Югославию. Лучшие друзья моих родителей - Гроннеры, известные в Вене – были убиты; двоюродная сестра Клара покончила с собой, ее сестра, выжившая, спаслась в Лондоне. В настоящее время пожилой, бездетный двоюродный брат в Вене и я - единственные выжившие в семье моего отца. Но семья моей мамы стала частью диаспоры 20-го века - мы переселились в США, во Францию, в Канаду, в Израиль. Мы – семья, поддерживаем связь через поздравительные открытки, по почте. Периодически, с большими перерывами, мы навещаем друг друга. Мы потеряли Страну и разместились по-другому, как могли.

Моим взрослым детям я показываю письма, фотографии, документы. Мы отслеживаем поездки на картах. Дети реагируют великолепно, вежливо, но они не могут сожалеть о том, чего никогда не имели. Я для них уже история. Я научилась жить с оставшимся во мне чувством потери дома. Он был разрушен.

Послесловие II. Кармел, Калифорния, 2008

К этому времени Шанхай стал для меня глубоко укоренившимся воспоминанием о моей юности, о моем прошлом. Как лицензированный психолог, который все еще работает, я теперь нахожусь в положении принимающего: ко мне обращаются люди с их воспоминаниями, травмами. Я лечила вьетнамских беженцев, сальвадорских иммигрантов, российских политических беженцев, мексиканских сельскохозяйственных рабочих, а в последнее время травмированных солдат, воевавших в Ираке. Я не новичок в продолжающихся потоках вынужденной миграции людей, евреев и неевреев, стремящихся достичь какой-то заманчивой, идеализированной политической и экономической мечты о «свободе». И я знаю, что каждый беженец, экономический или политический, легальный или нелегальный, очень сильно зависит от повстречавшегося на его пути человека или организации, ибо каждый человек или организация может приложить усилие, чтобы вселить надежду и тем самым уменьшить серьезные последствия того, что пережил беженец в прошлом. Вот почему то, что произошло несколько лет назад, могло стать прекрасным завершением этих мемуаров.

В 2003 году мне в Кармел неожиданно позвонила незнакомая женщина по имени Манли Хо. Кажется, один общий знакомый сказал ей, что я, возможно, и есть тот человек, у которого все еще сохранились германские паспорта всей семьи – те самые паспорта, которые заставили нас уехать из Вены в Шанхай.

– Видите ли, – сказала она, – я думаю, что это был мой отец, который выдал вам вашу визу...

– Ваш отец? – сказала я в замешательстве, и пригласила ее приехать в Кармел и посмотреть наши бумаги.

Манли Хо, американка китайского происхождения, приехала на нашу встречу из Сан-Франциско и привезла с собой легкое китайское лимонное печенье. Я подала чай, и мы – наша гостья, мой муж и я – склонились над 65-летними германскими паспортами, которые я достала из старого дорожного сундука.

– Смотрите, – взволнованно говорила она, – вот подпись моего отца на визе № 1681, выданная Маргарет, вашей матери (с вашим именем в паспорте), и виза № 1787, выданная вашему отцу 18 октября 1939 года. Иными словами, похоже, что мой отец только за один день выдал 106 виз.

– Ваш отец? В китайском посольстве?

– Мой отец, доктор Фэн Шань Хо.

– Простите, не могла ли я знать это имя? – спросила я.

– Нет, не могли, и очень немногие знали. Он был генеральным консулом в китайском посольстве в Вене с 1938 по 1940 год. Тогда меня еще не было на свете. Только спустя год после кончины моего отца в 1997 году я написала некролог, где упомянула о том, что он «помогал евреям в 1939 году». И тут я обнаружила, что почти не знаю подробностей этой работы, за исключением того, что он подвергся наказанию и понижению в должности со стороны своего начальства за выдачу стольких виз эмигрирующим евреям. На самом деле, когда он умер, Пекин прислал венок, но не Тайвань.

– Я понятия не имела. Мы думали, что визы были только одной законной лазейкой, которую еще никто не обнаружил...

– Нет. Мой отец был в Вене все-

го лишь несколько месяцев. Поскольку он говорил по-немецки, у него были друзья евреи. Он знал, что они боятся попасть в гестапо, и, пытаясь успокоить своих друзей, он сказал: «Просто говорите им, что вы едете в Шанхай, а я дам вам визы». Когда из-за своих друзей он столкнулся с гестапо, тем пришлось отступить. Поэтому то, что началось с утешения его друзей, стало для него обычным делом. Я была ошеломлена: когда она говорила, передо мной возник образ моего отца, тогда еще молодого – ему был 41 год, выглядевшего так элегантно в своем светло-зеленом плаще и темно-зеленой шляпе-федора. Вот он держит в руке портфель со всеми нашими документами в целости и сохранности, продвигаясь вперед в Длинной Очереди в очередном посольстве после долгого, обескураживающего дня, часами совершают безуспешные обходы других посольств. Случайно проходя мимо китайского посольства на Бетховен-Платц, он слышит, как его окликает кто-то из знакомых. Он становится в очередь и двигается вперед, пока не проходит в дверь. Вот, спустя некоторое время, он появляется сно-

ва, на сей раз идет бодрым шагом, и драгоценные выигранные визы в Шанхай проставлены штампом в наших паспортах! Внезапно я вижу себя девочкой, взволнованной и радующейся тому, что мы выиграли визы по лотерейным билетам, но теперь девочка соседствует с пожилой женщиной, в которую я превратилась и которая вдруг поняла, что не было никаких лотерейных билетов и выигранных виз. Наши визы были, по сути, результатом обдуманного шага, совершенного одним человеком, благодаря его совести и мужеству, человеком, которого мы никогда не видели и до сих пор даже имени не знали.

– Вы думаете, что ваш отец не точно следовал обычным консульским законам или протоколам? Мы знали, конечно, что Шанхай, как интернациональный город, не требует въездных виз. Но все же мы должны были предъявить что-то, чтобы нацисты позволили нам покинуть город...

– Мой отец не думал, что делает что-то исключительное, – сказала Манли. – Он считал, что может это сделать ... По его мнению, это был единственный путь, который, мог привести к

изменению ситуации.

В течение 65 лет мы – и мой отец, и я, и другие люди, которые покинули Вену – даже не подозревали, что доктор Фэн Шань Хо знал о нашем существовании, видел нас по другую сторону своего посольского стола. Всего лишь одним росчерком пера в тот день он спас нас – и многих других – от участия быть отдаными на милость нацистов, от их «милосердия», возродив тем самым наше доселе безнадежное, но теперь внезапно спасенное и, что еще более чудесно, пригодное для жизни (аллилуйя) будущее...

Так давайте склоним головы в честь доктора Хэ Фэншаня (Фэн Шань Хо – англ.) и других, подобных ему (хотя, увы, этого недостаточно), кто рисковал, делая шаг вперед, когда мало кто бросал – или мог бросить – вызов нацистам с помощью одиночных актов человеческого сочувствия и солидарности, напоминая нам такими смелыми поступками о всеобщем человеческом братстве.

Конец

Пер.с англ. Ц.Любман
Points East, 2009

Лекция профессора из Китая

23 декабря 2019 г. в Китайском культурном центре в Тель-Авиве профессор из Китая Ли Шусяо читал лекцию о жизни евреев Харбина, сопровождая свое выступление демонстрацией фотографий. Профессор Ли Шусяо хорошо известен широкой публике как специалист по изучению харбинского еврейства. Спустя несколько месяцев, в разгар пандемии коронавируса COVID-19, председатель ИИС Иоси Клейн послал слова поддержки китайскому профессору Ли Шусяо и в ответ получил дружеское письмо:

Дорогой Йосси Клейн!

Как я был рад и тронут, когда получил Ваше письмо. Я чувствую Ваше содействие, тепло и дружбу. Сейчас мы уже прошли такие трудные времена. Спасибо за заботу.

Хорошо, что в конце прошлого года мы встречались в Тель-Авиве. Жалко, что время было слишком короткое. Надеюсь, увидимся еще.

Передайте мой привет всем друзьям, Харбинцам!

Всего хорошего!

ГРИША (Ли Шусяо)

Скончался Гельмут ШТЕРН

Берлинский филармонический оркестр скорбит о смерти своего бывшего концертмейстера Гельмута Штерна, который скончался 21 марта 2020 года в возрасте 91 года.

Гельмут Штерн родился в Берлине в еврейской семье, которая бежала в Китай, в город Харбин после ноябрьских погромов 1938 года. В 1949 году семье удалось уехать в Израиль. После первых шагов в новой стране Штерн был принят в Израильский филармонический оркестр, потом играл в оркестрах в США, вплоть до своего возвращения в Берлин в 1961 году, где его приняли в Берлинский филармонический оркестр. Гельмут Штерн был членом правления оркестра с 1969 по 1972 год и с 1990 по 1992 год, а в Совете пятёрки с 1984 по 1987 год. Он вышел в отставку в 1994 году.

Александр Бадер, кларнетист и председатель правления Берлинского филармонического оркестра:
- Гельмут Штерн был выдающимся музыкантом эпохи Кааяна и личностью, во всех отношениях производившей глубокое впечатление. Вернувшись в Германию после преследований евреев в период Холокоста и войдя в состав нашего оркестра, он показал уникальный пример примирения и прощения. В связи с этим он также выступил инициатором первого турне Берлинского филармонического оркестра по Израилю в 1990 году, взяв на себя роль руководителя. Помимо концертной деятельности, в течение многих лет Гельмут Штерн был безгранично предан оркестру, особенно ценил его демократическое самоопределение. После ухода в отставку он продолжал быть рядом с нами.

Мы оплакиваем кончину друга, замечательного коллеги и важного свидетеля своего времени.

**Берлинский филармонический оркестр,
22 марта 2020 г.**

Музыкальная коллекция Беллы Тараховской из Харбина

Уважаемые члены ассоциации!
Я пишу вам, потому что наша библиотека недавно приобрела два тома в переплете – переплетенные альбомы печатных и рукописных нот музыкальных произведений, которые были собраны молодой русской еврейкой Беллой Тараховской, проживавшей в Китае, в Харбине. Они содержат ноты, которые она покупала с 1914 по 1921 год в музыкальном магазине Льва Скорохода «Лира» на Китайской улице.

Из справочника города Харбина мы знаем, что Белла Тараховская жила на Конной улице,

10, в 1919 году, но мы не можем найти другие записи в других справочниках Харбина или в иммиграционных документах. Мы предполагаем, что она, возможно, вышла замуж и сменила фамилию до приезда в США. Ее музыкальная коллекция представляет редкие сохранившиеся свидетельства о музыкальной жизни Харбина в первые десятилетия 20-го века. Мы очень хотели бы узнать более подробную информацию о ее происхождении и истории жизни. Мы слышали, что Игуд Иоцей Син может располагать данными о регистрации браков в Хар-

бине. Если у вас есть какие-либо предложения относительно того, как мы можем проследить жизненный путь Тараховской или вам известны архивные источники, к которым мы могли бы обратиться, мы будем очень благодарны за ваш совет.

Всего наилучшего,
Патриция ПАКЕТТ САССЕР,

Директор музыкальной
библиотеки Максвелла,
patricia.sasser@furman.edu
Tel: 1-864-294-2192

Фурманский университет
Гринвилл, Южная Каролина,
США

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Гельмут ШТЕРН

1928 - 2020

Гельмут Штерн – немецкий классический скрипач, был концертмейстером Берлинского филармонического оркестра. В 1990 году он опубликовал автобиографию – повествование о своей жизни в изгнании в Китае с 1938 года, в Израиле с 1949 года и в США с 1956 года, а также о своем возвращении в Берлин в 1961 году, где благодаря членству в совете Берлинского филармонического оркестра стал инициатором первого тура оркестра в Израиль. Он был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия».

Жизнь и карьера

16

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Гельмут Штерн родился 21 мая 1928 года в Берлине в еврейской семье. Его отец, Дитмар Штерн, был учителем вокала, а мать, Ильзе Роуз Штерн, была пианисткой. Мать учила его играть на фортепиано с пяти лет. Гельмут посещал еврейскую школу в Вильмерсдорфе. В девять лет он получил от покровителя школы скрипку, которую ему вручили как самому одаренному ученику. Семья пыталась эмигрировать из Германии с 1933 года. После ноябрьского погрома в 1938 году они бежали из Берлина в Китай, в Харбин, где его мать получила фиктивный контракт в качестве пианистки. В изгнании Штерн помогал семье материально как пианист и скрипач, играя в барах,очных клубах и отелях. В 1948 году семье разрешили поселиться в Израиле. Работая пианистом в отеле «Кинг Дэвид» в Иерусалиме в 1951 году, он познакомился с Исааком Стерном, который дал ему возможность выступить с

Израильским филармоническим оркестром в Тель-Авиве в качестве второго скрипача. В 1956 году родители Штерна переехали в США, потому что они не могли зарабатывать на жизнь в Израиле. Штерн собирался остаться, но когда его отец тяжело заболел, он уехал к родителям. Не имея разрешения на работу, он вынужден был устраиваться на случайные работы. В 1958 году Штерн был принят в Симфонический оркестр Сент-Луиса, потом он играл в Рочестерском симфоническом оркестре.

Штерн вернулся в Берлин (в то время Западный) в 1961 году и в течение 34 лет играл в Берлинском филармоническом оркестре, был первым скрипачом, а с 1986 года – концертмейстером оркестра. Он был членом правления оркестра с 1969 года, играл с многими ведущими дирижерами того времени, особенно с Гербертом фон Карайном. Он участвовал во многих записях, сделанных оркестром, и был солистом в нескольких концертах, таких как Юмористический фестиваль-концерт, в праздновании 100-летия оркестра в 1982 году под управлением Викко фон Бюлова (Лорио). Штерн принимал участие в организации турне оркестра в Израиль, подготовка которого началась в 1967 году. Однако в то время в Израиле желанным гостем считался сам оркестр, но не его дирижер Карайн. Мечта Штерна осуществилась в 1990 году с оркестром под управлением Даниэля Баренбойма. Оркестр дал несколько концертов, особенно совместный концерт с Израильским филармониче-

ским оркестром под управлением Зубина Меты. В 1993 году оркестр Берлинской филармонии вновь выступил в Израиле, по случаю 50-летия восстания в Варшавском гетто, со своим тогдашним главным дирижером Клаудио Аббадо. Таким образом, Берлинский филармонический оркестр дважды выступал в Израиле, в 1990 и 1993 годах. Обе поездки имели не только музыкальное, но и политическое значение и были отмечены растущим примирением между двумя государствами.

В 1993 году Штерн был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» президентом Германии Ричардом фон Вайцзеккером. Он ушел в отставку в 1994 году.

Будучи пенсионером, Штерн работал в школах, выступал перед учащимися как живой свидетель зарождения нацизма в стране, его роста и последствий, о чем он написал в своей автобиографической книге “Saitensprünge”, которая вышла в свет в 1990 году.

Гельмут Штерн умер в Берлине 21 марта 2020 года в возрасте 91 года.

Из интернета. Пер.с англ.

От редакции: во время турне оркестра и после выхода в отставку Гельмут Штерн навещал родственников и друзей в Израиле, встречался с Тедди Каuffmanом, поддерживал связь с Давидом (Додей) Гутманом. В один из визитов он подарил нашей ассоциации Игуд Иоцей Син свою книгу воспоминаний “Saitensprünge” на немецком языке.

Скрипач вернулся в Германию после бегства

Кэтрин Хью Сиелай

Не только история жизни Гельмута Штерна вызывала восхищение, но и его музыкальность. Более трех десятилетий он был членом одного из самых знаменитых оркестров мира, который многие годы возглавлял волевой дирижер Герберт фон Карайан, один из выдающихся маэстро 20-го века. Несколько лет Штерн был членом руководящего комитета оркестра. Он также отслужил несколько сроков в качестве члена руководящего комитета оркестра. По существу, он был глубоко вовлечен в политику и менеджмент оркестра. Это часто приводило его к конфликту с маэстро Карайаном, у которого и без того были бурные отношения с оркестром. Для Штерна, который был евреем, отношения были особенно чреваты неприятностями, потому что Карайан был прежде членом нацистской партии.

Штерн пользовался любовью музыкантов оркестра и определенным моральным авторитетом, главным образом за то, что он поселился в городе, из которого бежал во время Холокоста. Во времена нацизма Берлинский филармонический был очищен от исполнителей евреев, еврейским меценатам было запрещено посещать концерты, а произведения композиторов евреев, таких как Мендельсон и Малер, были удалены из репертуара. Оркестр исполнял 9-ю симфонию Бетховена для

Гитлера в день его рождения и устраивал концерт каждый раз, когда нацистские войска вторгались в другую страну.

В апреле 1990 года оркестр под управлением Даниэля Баренбойма дал семь концертов в разных городах Израиля. Кульминацией явился концерт в Тель-Авиве, когда Берлинский оркестр объединился с Израильским филармоническим и под управлением Зубина Меты состоялось совместное исполнение произведений Сен-Санса, Вебера, Равеля и Бетховена. Ханох Рон, музыкальный критик газеты «Едиот Ахронот», написал тогда, что он и другие израильтяне были тронуты до слез, когда 120 берлинских музыкантов встали и исполнили государственный гимн Израиля. Тот момент, писал он, символизировал, что еврейский дух выжил, в то время как Третий Рейх рухнул. Миша Астер, автор книги «Оркестр Рейха: Берлинский филармонический оркестр, 1933-45» (2012), пишет, что концерты стали триумфом оркестра, отношений между Германией и

Израилем и лично Гельмуту Штерну. По его словам, Штерн воплощал жизненный опыт в единство, объединяя эти миры, немецкий и еврейский. Он связывал эти этапы своей жизни, которые казались такими разными, но в данном случае стали очень важной частью его биографии.

«Гельмут Штерн был уникальной музыкальной фигурой в Германии, - сказал о нем скрипач Дэниел Хоуп. - Он видел своими глазами зло, совершенное нацизмом, и поддерживал диалог памяти и исцеления в немецкой культуре и обществе, как последний из могикан». «Мы действительно были немцами, - сказал он однажды. - Даже когда я был в изгнании, когда я вырос, я все еще чувствовал себя немцем».

Штерн женился на Гизеле Гереке в 1962 году. Позже они развелись. У него осталась вторая жена Татьяна Штерн, дочь Адина Штерн, сын Мануэль и две внучки.

Название автобиографии «Saitenspringe» (1990) было переведено как «Прыжки по струнам» – игра слов, означающая перемещение смычка по струнам и в более широком смысле – прыжок веры, который Гельмут Штерн должен был совершить, будучи человеком в изгнании.

По материалам
The New York Times, 31.03.2020

События в ИИС и ОДИК

18

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

13 сентября 2019 г. в офисе ИИС состоялась очередная ежемесячная встреча членов нашей ассоциации, на которой Эли Альгор (Гроховский) поделился с участниками встречи своими впечатлениями от поездки в Сибирь по местам, связанным с прошлым его семьи. Как известно, в прошлом году такие встречи под названием «Парламент» проводились регулярно каждый месяц и продолжались в нынешнем 2020 году до начала пандемии COVID-19.

26 сентября 2019 г. представители Игуд Иоцей Син и Общества дружбы Израиль-Китай были приглашены в резиденцию посла КНР в Израиле на обед по случаю китайского Праздника середины осени. Посол Чжань Юнсинь и председатель ИИС Иоси Клейн выступили с приветственным словом перед собравшимися. Иоси Клейн вручил послу подарок от имени ИИС и ОДИК. Хозяева угостили гостей традиционными лунными пряниками «юэбин», символизирующими Праздник середины осени. Вечер прошел в приятной и непринужденной дружеской обстановке.

21 ноября 2019 г. на очередной встрече «Парламент» выступил с лекцией адвокат Галь Форер, заместитель председателя Общества дружбы Израиль-Китай. Лекция была посвящена вопросу «Китайско-американская торговая война или холодная война?». Лектор отметил глобальные последствия торговой войны в различных секторах и определенных географических областях. Адвокат Галь Форер много лет жил и работал в Китае, с 1998 по 2012 год, в настоящее вре-

мя проживает в Израиле, является управляющим партнером бизнес-консалтинговой фирмы “Asia-Viz”, специализируется на китайском рынке и читает лекции по юриспруденции, экономике и бизнесу в Китае в академических и государственных учреждениях.

4 декабря 2019 г. в Тель-Авиве, в китайском ресторане состоялся обед в честь посла КНР в Израиле Чжань Юнсина в связи с его предстоящим отъездом на родину после пятилетнего пребывания в Израиле. За эти годы посол Чжань Юнсинь и члены китайского посольства успешно поддерживали и укрепляли тесные дружеские связи с Ассоциацией выходцев из Китая в Израиле и Обществом дружбы Израиль-Китай. Собравшиеся тепло приветствовали посла. На прощание председатель ИИС Иоси Клейн пожелал г-ну Чжань Юнсиню благополучного возвращения на родину и вручил памятный подарок. На обеде

присутствовали представители посольства и члены правления ИИС и ОДИК.

19 февраля 2020 г. в Тель-Авиве, в Китайском культурном центре состоялась встреча, организованная ОДИК, на которой выступил почетный профессор Техниона Даниэль Вайс с лекцией на тему: «Семейные прогулки» - через Вену, Шанхай, Гуйлинь, Куньмин, Чунцин и до Хадеры». По ходу лекции были представлены уникальные документы, связанные с жизнью в Китае во время Второй мировой войны. Профессор Вайс родился в Гуйлине в 1942 году. Он рассказал историю своей семьи, бежавшей из Вены в Китай, и поделился воспоминаниями о своем детстве, а также об иммиграции семьи в Израиль в 1949 году: о 53-дневном круизе по морю и о жизни в транзитном лагере Агробанка в Хадере, в котором они оказались по приезде в страну. Лекция вызвала большой интерес у аудитории.

Посол Чжань Юнсинь в своей резиденции

ХАНУКАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА ЗЕМЛЯКОВ

В Игуд Иоцей Син попрежнему сохраняется многолетняя традиция встречи земляков в дни праздника Ханука. Вот и прошлой зимой вечер зажигания ханукальной свечи не был исключением. В последние годы такие встречи, на которых вручаются стипендии студентам – внукам и правнукам выходцев из Китая, проходят в аудитории «Бней Цион» Музея диаспоры «Бейт ха-Тфуцот» (кампус Тель-Авивского университета).

25 декабря 2019 года состоялась очередная Ханукальная встреча. Среди приглашенных были студенты-стипендиаты – внуки и правнуки наших земляков, члены их семей, почетные гости и студенты из Китая, обучающиеся в израильских университетах. Как всегда на таких встречах, участников и гостей ожидало легкое угощение. Публика постепенно собиралась, и было очень приятно встретиться со старыми знакомыми в непринужденной обстановке, как нельзя лучше располагавшей к общению.

Важным событием для всех стало то, что на встречу в сопровождении членов китайского посольства прибыл посол КНР в Израиле Чжань Юнсинь, прибыл несмотря на занятость в связи с завершением срока его полномочий на этом посту и предстоящим отъездом на родину.

Настал момент, когда все собравшиеся были приглашены в аудиторию. В президиуме заняли места почетные гости – китайский посол Чжань Юнсинь

и представитель Министерства иностранных дел Израиля Нурит Тинари Модаи, председатель ИИС Иоси Клейн, зам. председателя Общества дружбы Израиль-Китай Галь Форер.

Вечер открыл член правления ИИС Алекс Нахумсон. Он приветствовал собравшихся и предоставил слово председателю ИИС Иоси Клейну. Затем к собравшимся с приветственным словом обратился посол КНР Чжань Юнсинь. С краткой речью выступили также Нурит Тинари Модаи и Галь Форер.

В числе гостей был д-р Ариэль Бар, сын покойного Гари Бровинского, в течение многих лет являвшегося членом правления ИИС. Д-р Бар представил свою новую книгу «Лодки Дракона» («Сирот ха-Дракон»), которая к тому моменту уже вышла в свет. В небольшой музыкальной части

вечера принимала участие певица Вардина Коэн.

Далее состоялось зажигание четвертой ханукальной свечи, после чего началась церемония вручения стипендий. Первыми к столу президиума были приглашены, обучающиеся в Израиле китайские студенты, а затем на сцену стали выходить по очереди израильские студенты университетов и колледжей.

Всего было выдано 72 стипендии, из которых 59 получили израильские и 12 – китайские студенты. Из Фонда Этель Данн стипендии получили 40 студентов; из Фонда ИИС: памяти Тедди Кауфмана – 5, памяти Рана (Ронни) Вейнермана – 4, памяти Тедди Пястуновича – 4, памяти Эли Кама – 4. Две стипендии пожертвовали Иланна и Гиора Леск – памяти Эллы и Шломо Леск и памяти Муси и Дани Беркович.

Стипендии из Фонда Общества дружбы Израиль-Китай получили 12 студентов из Китая, которые учатся в ведущих университетах Израиля: в Бар-Иланском, Хайфском и в Еврейском университете в Иерусалиме.

Согласно традиции, по окончании церемонии студенты-стипендиаты снова поднялись из зала на сцену и, присоединившись к президиуму, сфотографировались на память о состоявшейся встрече. В заключение ведущий Алекс Нахумсон от имени правления ИИС и ОДИК пожелал студентам здоровья и успехов.

До следующей встречи!

Благодарственные письма

Уважаемые члены Ассоциации выходцев из Китая!

Благодарю вас за подарки в честь Дня независимости и к празднику Рош ха-Шана, которые я получил как солдат Армии Обороны Израиля. Я служу в артиллерийской части, учусь на офицерских курсах. Поздравляю вас с наступающим праздником Рош ха-Шана. Желаю здоровья, мира и процветания вам и всему народу Израиля. С уважением,

**Илья ПОХОДЯЕВ
правнук Якова Ярхо, внук Фирмы Ярхо**

Благодарю вас за подарок по случаю Дня независимости, который я получил как военнослужащий. Это изумительно. Спасибо.

Матания КАЛЬФУС

Спасибо за праздничный подарок, который вы отправили нашим солдатам - внукам Омри и Гаю Тауб. Это очень красиво с вашей стороны.

Малка ЛАОР

Я хотела бы поблагодарить руководство Ассоциации выходцев из Китая и всех тех, кто выполняет эту работу, за подарок солдату в честь Дня независимости, который получили двое моих внуков. Старший, Ницан, офицер военно-морского флота, и второй, Алон, служит в военно-воздушных силах, - они оба очень благодарны. Желаю всем вам здоровья и успешного продолжения вашей благородной деятельности.

Захава МИЛЛЕР

Благодарю вас от имени Линой Гершон и от себя лично за подарок по случаю нашего призыва в Армию Обороны Израиля. Желаю вам здоровья и всего наилучшего.

Мати ГЕРШОН

Хочу поблагодарить вас за поддержку, которую вы оказываете нам, студентам, вручая стипендии в рамках деятельности вашей организации.

Алон МИЗРАХИ

Уважаемые друзья члены ассоциации IGUD YOZEI SIN с вашими семьями!

Примите мои поздравления с праздником Головы Года, Рош ха Шана.

Хаг Самеах, Шана Това.

Пусть новый год будет сладким для всех вас, и вы были бы в голове жизни.

Пусть печать жизни дарует Вам крепкое здоровье, а для старшего поколения даст не только стабильное, но и улучшенное здоровье.

Желаю, чтобы на вашей земле был мир, а небо над вами не предвещало угроз.

Всем Вам Нахес / Нахот.

С уважением,

**Леонид ВАТКОВСКИЙ
г. Зиген, Германия**

20

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

1950-е – НЕВИННЫЕ ГОДА

Моше ЛИХОМАНОВ

С мучительной тоской я вспоминаю первые годы жизни только что созданного государства – годы простодушия и доверчивости, готовности терпеть трудности и страстного желания построить новую родину на Земле Израиля.

Куда все это ушло? Остались лишь воспоминания о тех временах, когда большинство людей были более или менее равны экономически и социально. Не было деления на бедных и богатых, потому что ни у кого не было денег. Еды хватало на всех, голодных не было. Оставалось много времени для общественных и культурных мероприятий. Правда, вы не могли пойти в магазин и купить шоколадные конфеты или одежду на ваш вкус. Были купоны на каждый продукт, на каждое изделие, и вы могли купить то, что вам полагалось, согласно купону. Это был «период жесткой экономии», который длился до 1955 года.

Например, было запрещено свободно продавать или покупать яйца на рынке. Вся продукция, созданная фермерами, должна была быть отправлена в сельскохозяйственный кооператив «Тнува». У нас в мошаве, в курятнике были куры-несушки, но если бы мы захотели продать яйца кому-то частным образом, нас могли оштрафовать или даже посадить в тюрьму.

Но не беспокойтесь! Еврейский народ всегда умел выживать в трудные времена. Вот и на этот раз выход был найден – «черный рынок». Можно было пойти в продуктовый магазин или магазин одежды и попросить продав-

ца продать вам товар без купонов. Сначала продавец должен был удостовериться в том, что поблизости нет полицейских, а затем доставал из укрытия то, что вы просили, и отдавал вам за двойную цену.

Преступности в стране не было. Такие дети, как я, могли путешествовать автостопом, не боясь, что с ними что-то случится. Люди могли выходить из дома, оставляя дверь незапертой. Не было такой напряженности в сфере безопасности, как сегодня. Время от времени армия совершила ответные действия через границу, но это нельзя сравнивать с тем, что происходит у нас в стране сегодня.

Поселение Нагария в 1950-е годы

Нагария в 1950 году была поселением, в котором проживало около 5 000 человек. В основном, это были евреи из Германии, эмигрировавшие в Палестину в 1934-1935 годах после прихода к власти нацистов. Большинство составляли довольно состоятельные люди, в том числе семья Штраус и Зогловек, которые, имея средства, обладали также необходимыми знаниями, чтобы открыть фабрики в своей колонии. Семья Зогловек сделала даже больше – привезла с собой целый дом из Германии. Дом был деревянный, в готическом стиле, его собрали и поставили в начале бульвара ха-Гаатон, при въезде в колонию.

Жители зарабатывали на жизнь, в основном, туризмом, предлагая отдыхающим небольшие пансионаты с европейским об-

служиванием. Многие из них работали по найму на фабриках в том же районе. Остальная часть населения также была занята, занимаясь сельским хозяйством и предоставлением коммунальных услуг.

Два строения, которые стали символом поселения и существуют по сей день – это недавно отремонтированная водонапорная башня, ставшая городским центром культуры и искусства, и кафе «Пингвин» на главной улице, которое когда-то было основным местом встреч жителей, гостей, а также офицеров и солдат британской армии еще до создания государства.

Старожилы рассказывают, что в дни нелегальной иммиграции берег моря у Нагарии служил причалом для судов, на борту которых находились нелегальные иммигранты, прибывавшие в Палестину глубокой ночью. Британские солдаты старались препятствовать высадке нелегальных иммигрантов. Днем и ночью они патрулировали территорию и вели наблюдение вдоль побережья. 31 декабря 1947 года, желая удалить британских солдат подальше от берега моря и весело провести вечер, в кафе «Пингвин» устроили празднование наступления нового года, на который были приглашены британские офицеры и солдаты. За это время прибыло несколько судов с нелегальными иммигрантами, которые быстро высадились на берег и немедленно рассеялись по окрестным населенным пунктам с помощью членов организации «Хагана».

В летний туристический сезон

кафе «Пингвин» открывало свой сад с танцевальной площадкой, оркестром и выступлениями различных артистов. Отдыхающие в Нагарии могли провести время в саду, побывать на выступлении какого-нибудь известного артиста и потанцевать под звуки оркестра. В то время это было обычным развлечением. Конечно, нам приходилось покупать билеты на представление, а у нас, ребят, не было на это денег. Но желание увидеть и услышать известного артиста породило находчивость, и любой из тех, кто не мог позволить себе купить входной билет, смотрел выступление сквозь многочисленные щели в заборе. Тогда почему-то такое поведение не считалось невоспитанностью, и я имел возможность видеть известных артистов того времени, таких, как Яффа Яркони, Шошана Дамари, Цадок Савир, Исаэль Ицхаки, Арик Лави и других ...

Еще одним местом развлечения был кинотеатр, единственный на все поселение. Кинотеатр размещался в длинном узком здании, которое в прежние времена служило конюшней. Стулья в помещении для зрителей были сделаны из дерева, так что во время сеанса, помимо звукового сопровождения фильма, можно было услышать еще и скрип стульев, если кто-то из зрителей вдруг случайно пошел впереди. Люди не жаловались и шли толпами смотреть кино и дневники новостей, которые всегда демонстрировались перед началом любого фильма.

Вспомните, ведь телевидения тогда еще не было, и люди довольствовались тем, что есть. Летом фильмы демонстрировались в большом саду за зданием кинотеатра, где было гораздо больше сидячих мест для зрителей. Однако даже там наход-

чивые ребятишки проделывали брешь в заборе и, как только начинался сеанс, пробирались в сад, не заплатив за билет. Таким образом, билетерам трудно было их заметить, и все были довольны фильмом, некоторые за плату, а некоторые благодаря находчивости... Да, были времена в Нагарии!!!

В начале 1950-х годов Нагария приняла много иммигрантов, в основном из Восточной Европы. Мы, десять «китайских» семей, поселились в мошаве Цахал (в наст.вр. Лиман), примерно в семи километрах к северу от Нагарии, но такие общественные места, как школа, магазины, кинотеатр, находились на территории поселения. «Нашествие» иммигрантов нарушило демографический баланс в колонии выходцев из Германии, жители которой составляли достаточно замкнутое сообщество. В домах и на улицах преобладал немецкий язык. Так, естественным путем в поселении образовались две социальные группы: одна из них – это относительно состоятельные члены колонии выходцев из Германии с их укладом жизни, а другая – это мы, новые иммигранты, только что приехавшие, ничего не имевшие, поселившиеся в палатах и маленьких бараках на окраине поселка.

Нельзя сказать, что старожилы ненавидели нас, новоиспеченных граждан, но со стороны можно было заметить, что они испытывают неудобства от изменений, которые произошли в их давно сложившемся замкнутом образе жизни.

Я, мальчик из семьи иммигрантов, более остро ощущал различие между обеими группами, потому что был единственным иммигрантом в классе среди детей, местных уроженцев, которые неохотно помогали мне осваи-

ваться в новой среде и, конечно, не принимали меня в свою компанию. Помню случай в третьем классе, когда я только начинал учиться в израильской школе и еще не знал иврит на достаточном уровне. Учительница на уроке разбирала все виды источников воды: дожди, ручьи, озера и т. д. После объяснения материала она написала на доске вопрос: «Как образуется...», а дальше шло слово, которое я прочитал как «яйцо». Почему-то ни один ученик не поднял руку, чтобы ответить. Я подумал: «Почему они не знают, как ответить на такой простой вопрос? Ведь курица несет яйцо!» и, подняв руку, сказал: «Курица кладет яйца». Весь класс рассмеялся, включая учительницу. Я чувствовал себя ужасно. К счастью, в этот момент прозвенел звонок, и все дети, радостно смеясь, бросились бежать на перемену. Я остался в классе и продолжал плакать. Мне было стыдно, и никто не нашел нужным объяснить мне, почему мой ответ был неправильный.^[1]

У меня не было друзей, с которыми я мог бы играть и одновременно учить язык, и тогда я нашел особый способ пополнить свой словарный запас на иврите. Например, на перемене я ударил или толкнул кого-то из мальчиков, а затем спросил его: «Что я с тобой сделал?» Мальчик кричал: «Ты меня ударил!» или «Ты

^[1] В иврите слова состоят только из согласных. В отсутствие гласных, которые заменяют специальные значки – огласовки, кстати, не всегда указанные, трудно без достаточного знания языка понять значение того или иного слова. В данном случае, «бейца» - яйцо или «бица» - болото, оба слова состоят из одних и тех же согласных и пишутся одинаково. Разница лишь в огласовках и, соответственно, в произношении, что не всегда можно сразу услышать и понять тому, кто изучает язык. (Прим.пер.).

меня толкнул»! Так я выучил два новых глагола на иврите. В другой раз я дернул мальчика за волосы. Мальчик крикнул: «Что ты меня за волосы дергаешь?» Так я выучил еще один глагол.

Вскоре дети пожаловались директору, и он вызвал меня к себе в кабинет. Я объяснил ему, почему я так делаю. Директор похвалил меня за находчивость, но при этом предупредил, чтобы я прекратил «изучать» иврит таким образом. Он вернулся со мной в класс и объяснил всем детям, что мне необходимо помочь войти в школьную среду и выучить язык, а также принимать меня в свои игры и относиться ко мне дружелюбно.

Мое положение в классе значительно улучшилось, когда было решено, что в праздник Пурим весь класс нарядится в китайские одежды. Поскольку я был единственным «китайцем», все спрашивали меня, как и что надеть, как себя вести и знаю ли я китайские песни. Я почувствовал, что теперь у меня появился шанс вырасти в глазах всего класса. Я сказал учителю, что знаю красивую китайскую пес-

Нагария.1972 г.

ню. Действительно, я хорошо помнил гимн Коммунистической партии Китая... и научил весь класс петь гимн. Меня спросили, что означают слова песни. Я им ответил, что это песня о дружбе между детьми ха-ха-ха! Итак, в еврейский праздник Пурим мы всем классом нарядились в халаты китайского покроя, надели китайские шапочки с длинными косами и с воодушевлением спели гимн Коммунистической партии Китая ... помилуйте нас! Я подумал про себя: если бы Мао Цзедун услышал, как мы поем его гимн, он, вероятно, уволил бы меня с должности почетного консула в

Корабль нелегальных иммигрантов у побережья Нагарии, 1948 г.

Нагарии ...

В любом месте есть что-то такое, что отличает его от других мест на земле. В Нагарии именно пляж и небольшие пансионаты и дома отдыха привлекали отдыхающих проводить там свой отпуск. Таким образом, в летние месяцы поселение наводняли неугомонные отдыхающие со всех концов страны, которые превращали его в шумное место. Кафе были открыты до глубокой ночи. Главная улица была полна экипажей, запряженных лошадьми, в которых романтические пары разъезжали по поселению. Машины гудели из-за пробок, которые иногда возникали на главной улице. Словом, на протяжении всего лета жизнь в поселении была ключом.

Вся суета длилась около четырех месяцев в году. В конце лета, после каникул, отдыхающие разъезжались, и жизнь становилась спокойной, постепенно возвращаясь в нормальное русло. Все собирались отдохнуть и набраться сил к началу следующего туристического сезона.

Вот и я, будучи ребенком, а затем и подростком, который вырос в этом поселении, ставшем к тому времени городом, до конца своей жизни буду помнить все, что пережил в поселении Нагария.

Пер.с иврита Ц.Любман

КОЛЛЕКЦИЯ КАРТИН ЮЛИАНА ГОБЕРНИКА В РОССИИ

250 работ художника передал в фонд Костромского художественного музея-заповедника его отец Григорий Гоберник

Ретроспективная выставка художника Юлиана Гоберника «Концепты и цитаты», которая охватывала последние 30 лет жизни и творчества автора, открылась 23 января 2019 года в Новосибирском государственном краеведческом музее. На выставке было представлено более 40 работ – от графики до станковой живописи. Экспозиция объединяла несколько серий: «Город», «Композиции», «Интерьер», «Концепты и цитаты», «По прочтении», «Посвящения родителям», «Исход», «Ранние опыты».

Юлиан Гоберник (1972 – 2017) родился в Новосибирске. В 15 лет он переехал с родителями в Москву, где брал уроки у художников Дмитрия Лиона, Эдуарда и Евгения Гороховских, которых всегда считал своими главными учителями. В 19 лет он переехал в Сиэтл (США), учился в колледже дизайна и искусств (Northwest College of Art and Design) на факультете визуальных коммуникаций. Работы Юлиана Гоберника неоднократно экспонировались в галереях Сиэтла, приобретались частными коллекционерами.

Находясь под влиянием творчества Николая Грицюка и Фрэнсиса Бэкона, Юлиан Гоберник пришел к своему концептуальному видению и методу. Соединение в графике текстовых и предметных начал раскрывает объем, полифонию и глубину художественного замысла. Автор выработал свой стиль – выделяющий-

ся и запоминающийся с первого взгляда, стиль, который никого не оставляет равнодушным.

После смерти художника в 2017 году его отец Григорий Гоберник, известный композитор и театральный деятель, вывез картины сына в Россию. Он сделал все возможное, чтобы произведения его талантливого сына пополнили фонд современного российского искусства.

Творчество художника мало известно в России. Тем более ценно, что в Москве, в Центральном Доме художника с 6 по 9 декабря 2018 года впервые прошла ретроспективная выставка работ Юлиана Гоберника (1972 – 2017, ССР – США) за последние 30 лет жизни и творчества автора, на которой демонстрировались 106 произведений. Диапазон работ, представленных вниманию посетителей, был достаточно широк – от графики до станковой живописи.

Затем работы Юлиана Гоберника отправились из Москвы на родину художника, в Новосибирск, в Государственный краеведческий музей, где экспонировались в течение месяца.

В рамках выставки живописи и графики Юлиана Гоберника «Концепты и цитаты» в Новосибирском государственном краеведческом музее состоялась встреча с отцом художника Григорием Гоберником, который преподнес музею подарочное издание каталога «Юлиан Гоберник. Живопись. Графика».

Далее предстояло найти карти-

нам постоянное место хранения. Летом 2019 года всю коллекцию, 250 работ своего сына, Григорий Гоберник передал в фонд Костромского музея-заповедника, который принял на постоянное хранение основную часть собрания. Небольшая часть работ художника осталась в частных коллекциях за рубежом.

Для музея, получившего в дар такую авторскую коллекцию работ современного художника, это очень ценное приобретение. Художник работал в различных направлениях, отдавая предпочтение цветной графике в последние годы жизни. Его творчество – важная часть русского авангарда, хотя состоялся Гоберник как художник в другой стране, за тысячи километров от России.

Приемка коллекции произведений Юлиана Гоберника заняла не один день. Хранители музейных фондов бережно разбирали слои упаковки и идентифицировали каждую работу. Автографы есть не на каждой, но в единственном, недавно изданном каталоге опубликованы почти все из 250 известных картин Юлиана Гоберника. На первом этапе сверяли названия и даты, затем последовала топографическая опись. 230 авторских работ оказались полностью оформлены, так как были доставлены с предыдущих выставок. Таким образом, до поступления в Костромской музей, кроме московской, ретроспективная экспозиция картин Юлиана Гоберника прошла в его род-

ном городе Новосибирске, о чем говорилось выше.

Полжизни художник прожил в США, но академическое образование получил в России, и даже его «зрелая» концептуальная графика – русская по духу. Когда отец художника привез картины и рисунки на родину, отдельными работами тогда интересовались многие художественные музеи. Но для наследников было принципиально сохранить всю авторскую коллекцию неделимой.

Композитор Григорий Гоберник, отец художника, объяснил свое решение так:

– Почему я не хотел дробности

коллекции? Видна эволюция художника буквально с детских лет, с ранних опытов. Мне это хорошо понятно как музыканту – в разные времена у меня были совершенно разные кумиры. Без их влияния не растет ни один творческий человек. Поэтому то, что коллекция остается в одном месте – это главное, и, мне кажется, это хорошо понимают и сотрудники и руководители этой галереи.

– Эти работы, – сказал Илья Наградов, заместитель генерального директора по научной работе Костромского музея-заповедника, – во многом относятся к неакадемическому авангардному ис-

кусству и дополняют те коллекции, которые у нас уже есть. В собрании нашего музея есть русский авангард начала XX века, советские нонконформисты и «шестидесятники». Теперь у нас есть представители современных течений последних десятилетий и начала XXI века – получается целая линия этапов русского авангарда.

Хранители музейного фонда не раз задумывались о том, чтобы сделать выставку советских и постсоветских художественных произведений, и вот событие состоялось. Работы Юлиана Гоберника в составе тематической экспозиции костромичи смогли увидеть зимой 2020 года на открывшейся 15 января выставке в старинном здании Романовского музея. С представленными работами Юлиана Гоберника можно было знакомиться в течение месяца, до 13 февраля 2020 года. Одиссия произведений художника Юлиана Гоберника окончилась, и картины обрели дом в Костроме – старинном русском городе на Волге, входящем в «Золотое кольцо России». Теперь вся коллекция, принятая на хранение, находится в хороших руках – в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

От редакции: Юлиан Гоберник – из известной в Харбине семьи Гоберник. Он внук Якова Григорьевича и Раисы Абрамовны (ур. Ярхо), племянник Эсфири (Фирьи) Яковлевны Гоберник. Его отец Григорий Яковлевич Гоберник – композитор, заслуженный деятель искусств России, народный артист России. Он написал музыку более чем к 500 спектаклям и кинофильмам, сотрудничал с театрами стран Балтии, Польши, Германии, Израиля, Южной Кореи, Японии, Испании, США. Живет и работает в Москве.

МИНЬЯНЬ-ПАРК

Исраэль КАРНИ

Мы вернулись в Тяньцзинь в 1944 году. Когда я говорю «мы», я имею в виду моего отца, мать и меня. Мне тогда было шесть лет. Предыдущие пять лет мы жили в Шанхае. В условиях японской оккупации жизнь в Шанхае становилась чрезвычайно трудной. Город был крупнейшим портом японских войск в Китае и находился под очень строгим контролем. Небольшому европейскому сообществу в городе пришлось преодолевать трудности, возложенные правительством и связанные с недостатком запасов продовольствия.

Родители моего отца жили в Тяньцзине – довольно большом городе с населением в несколько миллионов человек. Он находился в нескольких часах езды от Пекина и не считался важной стратегической целью японцев. Сочетание отсутствия значимости Тяньцзиня в китайской социально-политической схеме и расположения на большом расстоянии от Шанхая сделало жизнь европейцев, проживавших в городе, сносной.

Японский гарнизон в Тяньцзине был намного меньше, чем в Шанхае. Это была военная сила, не задействованная в военной машине, но сила, поддерживающая закон и порядок в городе. Это не означало, что они были менее жестокими и требовательными к китайскому населению. Это означало, что еды стало больше, а жизнь протекала более рутинно и упорядоченно.

Некоторое время бабушка и дедушка писали письма моему отцу, пытаясь убедить его переехать в Тяньцзинь, где было лучше с продовольствием и уровнем

личной безопасности был намного выше. Они подчеркивали, что это очень важно для моей безопасности и здоровья.

И вот, в 1944 году мы с родителями переехали в Тяньцзинь. Родители собрали все самое необходимое, и мы отправились поездом из Шанхая, чтобы объединиться с моими бабушкой и дедушкой по отцовской линии. После трехдневной поездки на поезде мы прибыли в Тяньцзинь. Нам очень повезло найти рикшу для перевозки нашего скучного багажа, так как для рикши был установлен ночной комендантский час. Мы добрались до дома бабушки и дедушки ранним утром, и я никогда не забуду особый запах свежего хлеба, который пекли на кухне в честь нашего приезда.

Я чувствовал, что передо мной открылся новый мир. Я познакомился с бабушкой и дедушкой. Меня зачислили в Тяньцзинскую еврейскую школу, где я встретил новых друзей. Мы жили в доме на Английской концессии, а не в квартире на Французской. «Английский казался мне намного приятнее». Все крупные города Китая были разделены на концессии, что явилось результатом вторжения европейских стран в Китай во время исторического боксерского восстания. Приезжие иностранцы селились на концессиях своих стран. Во время японской оккупации Китая японцы завладели всеми концессиями и лишили свободы всех иностранцев, граждан неприятельских стран.

Постепенно я начал расширять географический радиус своих приключений из дома:

Еврейская школа, кинотеатр «Империя», кафе «Виктория», клуб «Кунст» и Миньян-Парк (Minyan Grounds). Территория под таким названием находилась примерно в десяти минутах ходьбы от моего дома. Это был огромный участок земли, больше, чем несколько футбольных полей, застрявший в центре городского района. Я ездил туда, чтобы кататься на велосипеде, играть, запускать воздушного змея, когда был ветер, а иногда просто хорошо проводить время с некоторыми из моих друзей. Бывая в Парке, я видел, как японские солдаты тренируются на этом огромном поле. Солдаты из расквартированного поблизости гарнизона занимались физической подготовкой. Когда они проводили забеги или занятия гимнастикой, я с интересом наблюдал за происходящим.

Во время одной из таких прогулок в Парк я почувствовал что-то недоброд, зловещее, увидев гарнизон в полном боевом снаряжении – они маршировали в строю, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками и саблями. После непрерывной маршировки они разделились на более мелкие группы и стали выполнять штыковые атаки, а также занялись боевой подготовкой личного состава. Все это сопровождалось громкими криками и звучанием сигнальных труб.

Шли последние годы Второй мировой войны, и атмосфера вокруг была напряженная, но я мало что понимал. Продовольствия становилось все меньше, японцы нервничали, а китайцы становились смелее. Японские

высокопоставленные офицеры и гражданские чиновники начали искать способы, как переправить в Японию награбленные в Китае богатства.

Прошел год. В школе меня перевели в следующий класс. Это означало, что в дополнение к обычным предметам я должен был выучить несколько языков в рамках учебной программы: английский, русский, иврит, китайский и японский. Я изучал английский, потому что это был язык европейцев, живущих в Китае; русский, потому что мои родители и большая часть еврейской общины были выходцами из России; иврит из-за нашего еврейского происхождения; китайский, потому что мы жили в Китае и должны были знать язык страны, и японский, потому что нам приказали это сделать японские войска. Эта ситуация не улучшила мои лингвистические способности, и иногда я задумываюсь, что, возможно, я плохо выучил какой-либо язык из-за попыток выучить слишком много.

В свободное от повседневных дел время я все еще любил ходить в Миньянь-Парк. Как-то раз днем я решил прогуляться и направился в сторону Парка. Проходя по знакомым улицам, я увидел множество китайцев, бежавших в том же направлении. Сначала я подумал, что на территории проходит какой-то аттракцион или, может быть, парад. Подойдя ближе к территории, я услышал крики, вопли и выстрелы, и понял, что происходит нечто экстраординарное.

Сгорая от любопытства, я двигался вместе с толпой, но старался держаться поближе к заборам и стенам домов. Приблизившись к лагерю японского гарнизона, я был потрясен открывшимся передо мной зрелищем. Сотни китайцев атаковали лагерь голыми

руками и изо всех сил избивали до полусмерти японских солдат, волоча тела по улицам. На мгновение я замер и вдруг осознал, что являюсь свидетелем ужасающего зрелища – я увидел ужасное изображение человечества в состоянии войны, лицо войны. Ненависть, недоверие и месть правили бал. Я понял, что мне грозит смертельная опасность. И только после того, как я в страхе бежал прочь от Парка и наконец добрался до дома, мне сказали, что война окончена и японцы капитулировали. Две атомные бомбы были сброшены на Японию, заставив ее понять, что продолжение войны бесполезно. Японцы потеряли контроль над Китаем, и японский гарнизон был брошен на произвол судьбы.

После того ужасного случая, когда я стал свидетелем мести китайского народа его японским угнетателям, я перестал ходить в Миньянь-Парк.

Китай переживал период потрясений, беспорядков и нестабильности. Японцы ушли. Вступили американские войска. Коммунисты начали свой марш из Северного Китая. Чан Кайши пытался укрепить свою власть в Новом Китае. Вторая мировая война закончилась, но к всеобщему разочарованию, Китай погрузился в пучину гражданской войны. Чан Кайши, поддерживаемый американцами, борлся против коммунистических сил Мао Цзедуна, поддерживаемых Россией. Народ Китая, не получив передышки в период от одной Великой войны до другой, продолжал страдать от внутреннего раздора.

Я продолжил учебу и улучшил свои знания китайского и иврита. Коммунисты вытесняли силы Чан Кайши с севера Китая. Этот непрекращающийся натиск достиг Тяньцзиня, кульминацией которого стало окружение города силами 8-ой армии Мао

Цзедуна. Гоминьдановские силы Чан Кайши попали в окружение и оказались в ловушке в городе. Это был период, когда я неустанно наблюдал, как большой самолет, используя парашюты, сбрасывает оружие и боеприпасы на территорию Миньянь-Парка. Однажды я рискнул выйти и попытался добраться до Парка, но прежде чем меня остановили военные, я увидел, как большое количество военной техники с маркировкой США вывозится с территории на грузовиках. Менее чем через месяц город оказался в руках 8-ой армии коммунистов.

Прошел год, и мы уехали в Израиль. Пятьдесят лет спустя, через несколько лет после того, как Китайская Народная Республика признала Государство Израиль, мы с женой поехали в Китай и посетили Тяньцзинь. Путешествуя вместе с небольшой группой близких друзей, которые хотели увидеть Китай, мне было приятно, что они согласились пойти мне навстречу и изменили маршрут, чтобы я мог увидеть место, где прошли несколько лет моего детства.

Это туристическое путешествие в последний раз привело меня в Миньянь-Парк. На огромной территории построен ультрасовременный, красивый спортивный стадион. Участок земли вокруг стадиона осовременили, и от этого создается ощущение постоянства, как будто так было всегда. К моему удивлению, мы нашли небольшой кусок участка, окружавшего Парк, где когда-то стоял дом, в котором я жил, и этот участок сохранился в прежнем виде.

Мы шли по узкой улочке в сторону знакомого места, и только мне слышались голоса прошлого, унесенные ветром с Миньянь-Парка.

Пер.с англ. Ц.Л.

Нора Крук: Поззия - это счастье

17 апреля исполнилось 100 лет со дня рождения поэтессы Норы Крук. Она живет в Сиднее более 40 лет. Несколько лет назад в ее уютном доме в восточной части города собирались теплые литературные встречи, молодые писатели получали духовную и профессиональную поддержку, а также удивительную возможность прикоснуться к огромному историческому пласту русской поэзии восточной ветви Русского Зарубежья. Творческая жизнь поэта началась в Китае – в Харбине и Шанхае, затем были почти двадцать лет жизни в Гонконге. С разрешения поэтессы и создателя литературного портала «Единство» Наташи Крофтс сегодня мы публикуем отрывки из ее статей и интервью с Норой Крук.

В Сиднее живёт удивительный человек. Её знают от Москвы до Нью-Йорка, толстые русские журналы печатают её стихи и воспоминания, англоязычные издательства выпустили уже три сборника её стихов, а если вам посчастливится полистать её семейный альбом, то там вы увидите фотографии Александра Вергинского, Лариссы Андерсон, Валерия Перелешина... Нора Крук (Элеонора Марияновна Крук, урождённая Кулеш) родилась 17 апреля 1920 г. в Харбине. По-русски стала писать стихи с семи лет. В 1933 г. Нора переехала в Мукден, а позже – в Шанхай, где работала журналисткой, дружила с ведущими поэтами восточной эмиграции – В. Перелешином и

Л. Андерсен, была знакома с А. Вергинским. С 1957 до 1975 г. жила в Гонконге. Там Нора начала писать по-английски и выпустила свой первый сборник стихов «Хотя...» (*Even Though*, 1975). Переехав в Австралию, Нора серьёзно заявила о себе как об англоязычном поэте: в 1993 г. она выигрывает австралийскую литературную премию Джин Стоун (*Jean Stone Award*), в 2000 г. – Премию Женского союза писателей. В 2004 г. вышел второй сборник английских стихов Норы Крук, «Кожа для уюта» (*Skin for comfort*). В 2011 вышел третий сборник англоязычной поэзии «Отогревая суть» (*Warming the core of things*).

Эти три книги Норы Крук – наша история, рассказанная по-английски. И это чудесно, потому что австралийский читатель сможет из первых рук узнати и о России, и об эмиграции, и о прошлом своих новых земляков, говорящих с легкоузнаваемым славянским акцентом. При всех её успехах на поприще англоязычной литературы, Нора – русский писатель. «Да, – сказала она, – английских стихов у меня больше. Но я была под большим влиянием Блока, очень люблю поэзию Инны Лиснянской, люблю Ахматову. И есть моменты, когда просто хочется сказать что-то по-русски. Хочется!». Её стихи на родном языке вошли в широко известный сборник «Русская поэзия Китая» (Москва, 2001), публиковались в периодических изданиях России, Америки, Китая,

Израиля и Австралии. В 2008 г. Нора Крук стала гран-лауреатом литературного фестиваля «Антиподы: русская литература в Австралии».

И, наконец, творческая биография Норы была бы неполной без разговора о переводческой деятельности: из-под её пера вышли переводы на английский М. Волошина, Б. Окуджавы, М. Алигер и др. Более того, многие стихотворения Норы, благодаря двуязычию автора, обрели братьев-близнецов на втором языке.

Что же привлекает к стихам Норы Крук? Наверное, объяснение этому нашёл австралийский поэт Брук Эмери (*Brook Emetry*), представляя читателям один из поэтических сборников Норы: «Эта книга делится с читателями целой жизнью... Главное чувство в ней – тепло. И это вдвойне привлекательно в наше время, когда поэзия часто умна, иронична, отстранена – и, кажется, уже совсем забыла о главном своём призвании: докричаться до нас, взять за живое и заставить думать о том, что же, всё-таки, это значит – быть человеком».

И, действительно, Нора признаётся в своих строчках:

*В моих стихах
весь смысл, как на ладони,
Хотя ладонь моя
полна секретов.*

*Все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.*

Стихи Норы наполнены болью, историей, любовью – и здесь уже не до «красивых умностей».

Человеку, прошедшему через многие события сурогого двадцатого столетия, есть, что поведать, и есть, чем поделиться.

Нора прошла через несколько стран и эпох, но вот что восхитительно: она впитала всё самое лучшее, при этом не «застряла» ни в одной из них. Никогда от неё не услышишь сетований о том, что «где-то, когда-то» всё было лучше, а сейчас... Нора постоянно движется дальше и смотрит вперёд, а если и обращает взгляд в прошлое, то чтобы проанализировать события, предстающие в новом свете после долгих лет — и чтобы поделиться с нами воспоминаниями об интересных людях, с которы-

ми ей довелось общаться.

— Нора, вы пишете стихи с детства. Что для вас поэзия? Зачем она вам?

— Поэзия — это счастье. Даже когда пишутся стихи более или менее обычные. Но вот вы сидите, например, в очереди к доктору. И вдруг: «Где карандаш?»

— Знакомо? Вообще, для меня счастье — это увлечение, одержимость. Например, когда я занималась икебаной, я ведь над ней тоже очень много работала. Я вам не рассказывала, что для своих композиций я даже воровала ветки?

Она опять весело смеётся. Смеяться над собой — редкий дар, черта мудрого человека. А я

смотрю на эту прекрасную женщину, которая много лет ходила где-то рядом со смертью, видела столько всего страшного и прекрасного — и, тем не менее, осталась весёлой и озорной девочкой. Русский листик, выросший на харбинской земле и кружащийся по миру под пронзительно-искренний пульс стихов.

По материалам статей Наташи Крофтс

Газета «Единение» (2011 и 2012 год) и Новый Журнал, номер 268, 2012 и Слово (Word), номер 73, 2012

«Единение», Австралия

УШЕДШИЕ

Тамара ФАЙБУСОВИЧ

Тамара Файбусович (ур. Шапиро, р.1922) приехала в Израиль из Красноярска в 1991 году и с первых дней стала принимать активное участие в работе Игуд Иоцей Син. В течение многих лет она была членом Дамского комитета и постоянно бывала на воскресных встречах в «Бейт Понве». Тамара на добровольных началах очень много делала для сохранения нашего прошлого в Харбине, занималась архивом, собирала и систематизировала фотографии. Особо следует отметить, что Тамара, по профессии инженер, чертила план еврейского кладбища в Харбине, которое, как известно, было перенесено за город во второй половине 1950-х годов.

Тедди Кауфман очень ценил в ней качества хорошего общественного работника. После нее остался сын Геннадий и孙女ка с семьей. Светлая ей память!

Муся МАСЛЕНКОВСКАЯ

Мария (Муся) Масленковская родилась в 1929 году в Москве. В 1947 году, окончив школу, она поехала учиться в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) и встретила своего будущего мужа Исраэля (Славу) Масленковского, участника Великой Отечественной войны. Они поженились, и у них родилась дочь. В 1973 году семья переехала в Израиль и поселилась в Кирьят-Оно. В течение многих лет, до выхода на пенсию, Слава работал бухгалтером в канцелярии ИИС. Они с Мусей были

красивой парой, имели друзей и принимали участие в жизни ИИС. Муся пережила мужа на 11 лет. После нее осталась дочь Рина Сапир и две внучки. Да будет светла их память!

Мифа и Борис ЗИЛЬБЕРГ

Мифа (р.1932) и Борис (1928) Зильберг приехали в Израиль из Шанхая. Все годы они были постоянными членами Игуд Иоцей Син. Мифа на протяжении многих лет была активным членом Дамского комитета ИИС и постоянно участвовала в воскресных встречах в «Бейт Понве». Прожив вместе долгие годы, Борис и Мифа ушли из жизни один за другим в течение месяца. После них осталась дочь Иланы с семьей. Светлая им память!

Памяти профессора Даниэля Кацнельсона

1921 – 2020

Ушел из жизни доктор, профессор Даниэль Кацнельсон. Медицинский центр «Шиба», руководители, врачи и сотрудники провожали в последний путь основателя первого в их больнице Педиатрического отделения и Центра по лечению больных муковисцидозом (CF), а также, как отмечалось в некрологе, наставника нескольких поколений педиатров.

Даниэль родился в 1921 году в России, в сибирском городе Томске, в семье Михаила и Ревекки Кацнельсон. Он был на два года младше своего старшего брата Александра. В 1924 году семья уехала из России в Китай и поселилась в Шанхае. Отец Даниэля был зубным техником, мать получила образование в гимназии, знала языки. Даниэль, как и его брат, окончил английскую школу и поступил в шанхайский Университет Св. Иоанна (St. John's University). По окончании медицинского факультета в 1946 году он стал работать врачом в миссионерском госпитале. В 1949 году молодые врачи братья Кацнельсон – Алекс и Даниэль с женами, а также их родители уехали из Шанхая в Израиль.

Здесь следует сказать несколько слов об университете, в котором братья получили образование. Это был один из старейших и самых престижных университетов в Китае, который часто называют китайским Гарвардом.

Университет был основан как Колледж Св. Иоанна в 1879 году американскими миссионерами

Уильямом Джонсом Боуном и епископом Шанхайским Джозефом Шерешевским на базе двух имевшихся в Шанхае англиканских колледжей. Вначале в колледже было 39 студентов. Преподавание велось в основном на китайском языке. В 1891 году перешли к преподаванию с принятием английского языка в качестве основного языка. Курсы стали ориентироваться на науку и естественную философию.

В 1905 году Колледж Св. Иоанна стал Университетом Св. Иоанна и был зарегистрирован в Вашингтоне, округ Колумбия, в Соединенных Штатах. Таким образом, он имел статус отечественного университета, и его американские выпускники могли перейти непосредственно в аспирантуру в Соединенных Штатах. В результате университет привлек самых ярких и состоятельных студентов в Шанхае того времени. Это было первое учреждение в Китае, присваивавшее степень бакалавра начиная с 1907 года.

По приезде в Израиль Даниэль, получивший прекрасное медицинское образование в Шанхае, стал работать врачом в батальоне «Гивати». Вскоре его перевели в Военный госпиталь № 5, который был открыт в 1948 году по распоряжению военного врача доктора Хaima Шиба в помещении бывшего госпиталя сначала американской, а затем британской армии. Требовалось срочно начинать борьбу с инфекционными заболеваниями среди множества репатриантов, особенно среди детей. По насто-

янию доктора Шиба при госпитале было открыто детское отделение, куда и получил назначение Даниэль Кацнельсон, которому еще в Китае пришлось иметь дело с такими инфекционными болезнями, как тиф, дифтерит, туберкулез, корь, дизентерия. Молодой врач приступил к работе, а спустя год он уже был начальником детского отделения госпиталя.

1 июня 1953 года военный госпиталь был преобразован в гражданскую больницу под названием «Больница Тель-ха-Шомер». После смерти д-ра Хaima Шиба в 1971 году больница была переименована в его честь. Сегодня Медицинский центр «Шиба» – крупнейший в Израиле, известный в мире.

Почти сорок лет доктор Даниэль Кацнельсон возглавлял созданное под его руководством детское отделение больницы «Шиба» («Тель ха-Шомер»). Когда больница стала базой медицинского факультета Тель-Авивского университета, он занимался подготовкой врачей-педиатров. Он также считался одним из ведущих специалистов в области туберкулеза и легочных болезней, изучал кистозный фиброз легких (CF), или муковисцидоз, и основал центр лечения больных с таким диагнозом. После выхода в отставку доктор Даниэль Кацнельсон не порывал связи со своим отделением. Даниэль Кацнельсон посвятил свою жизнь медицине, лечил больных и обучал молодых врачей-педиатров. Он оставил по себе добрую память.

Эли КАМА (КОПИЛОВИЧ)

Мой брат Эли Кама (Копилович), родом из Шанхая, скончался в октябре 2019 года после тяжелой болезни в возрасте 77 лет. Сегодня, спустя почти год после его кончины, семья еще сильнее переживает боль утраты.

Наша мама Ида Копельман приехала в Китай из Сибири в 1927 году, когда ей было 14 лет. Она прожила с родителями четыре года в Тяньцзине, а затем семья переехала в Шанхай. Наш отец Александр Копилович приехал в Шанхай в возрасте 35 лет. В этом городе они с мамой встретились и поженились. У них родились трое детей: моя сестра Элен – в 1940 году (скончалась в 1978 г.), брат Эли – в 1942 году и в 1946 году родилась я, Ривка. В 1949 году, с приходом к власти Мао Цзедуна мы вместе с другими членами шанхайской еврейской общины уехали в Израиль. Пароход, на борту которого находились 400 евреев-иммигрантов, через три месяца пришвартовался в израильском порту.

Два года мы жили в Акко. У

отца была небольшая рыболовная компания, которую он основал вместе со своими друзьями, эмигрировавшими с нами из Китая, среди них был отец Рана (Ронни) Вейнермана. Через два года мы переехали в кибуц Сдот-Ям, где прожили пять лет, а оттуда переселились в Хайфу. Эли был любопытным и талантливым мальчиком. У него сразу появились друзья в кибуце, и все его любили. Именно в Сдот-Яме родилась его любовь к морю. После того как мы уехали из кибуца в город, 14-летний Эли поступил в Военно-морское училище предварительной подготовки в Акко, которое окончил с отличием в 1960 году. Во время службы в Армии Обороны Израиля Эли вызывался пройти курс обучения морскому делу в Школе офицеров военно-морского флота. По окончании курса он был назначен на должность офицера-механика, специалиста по ходовой части, ответственного за машины на корабле. Кроме других его постоянных обязанностей, он был начальником в Школе офицеров военно-морского флота, а в 1966 году, продолжая военную службу, окончил Технион в Хайфе, получив специальность инженера-механика.

В начале Шестидневной войны Эли был в составе части ВМФ, которая первой из частей израильской армии прибыла в Шарм-эш-Шейх. В декабре 1969 года после введенного Францией эмбарго на продажу оружия Израилю Эли прибыл в составе экипажа флота во французский порт Шербург и участвовал в операции по высвобождению ракетных катеров. Весь мир за-

тайв дыхание наблюдал за спасательной операцией, таившей в себе множество опасностей и получившей название «Шербургские корабли». Мы в Хайфе с большим волнением ожидали его возвращения.

В 1974 году Эли принял назначение на должность начальника Инженерной школы на учебной базе. До выхода в отставку он служил в должности начальника экспериментального блока в Хайфе.

Выйдя в отставку, Эли занял пост генерального директора фабрики «Осем» в Йокнеам, а после переезда в Тель-Авив стал генеральным директором «Гальмарин» в Ашдоде, дочерней компании ZIM, которая занимается производством и ремонтом контейнеров.

У Эли родились и выросли трое детей: Нахшон, Итай и Яир. Мой внук Гай Штерн, племянник Эли, в скором времени будет призван на службу в армию, и тогда, если он будет зачислен в военно-морской флот, круг замкнется.

Когда Эли вышел на пенсию, у него появилось свободное время, чтобы заняться любимым делом. Большую часть своего времени он посвятил Ассоциации выходцев из Китая в Израиле Игуд Иоцей Син и вплотную подошел к тому, чтобы заняться наследием, оставленным нам во владение его родителями.

В 2011 году Эли, я и мой муж Одед отправились в путешествие по местам проживания наших предков, в Шанхай и Улан-Удэ, на родину нашей мамы. По приезде в Шанхай мы пошли в тот район города, где мы выросли и который, к счастью, сохранился

до наших дней – авеню Паттен на Французской концессии.

Эли узнал место, где прежде находился наш дом, которого уже нет, а на его месте выстроен красивый жилой дом, в котором живут дипломаты. Мы также посетили школу, где Эли учился до семи лет, пока мы не уехали в Израиль. Посещение мест, о которых нам когда-то рассказывали наши родители, очень взволновало всех нас.

Далее мы продолжили путешествие по местам, связанным с жизнью наших предков в России, на трансмонгольском поезде в Сибирь, в город Улан-Удэ, столицу Бурятии. Там мы нашли историю семьи нашей мамы в архивах, музеях и галереях, поскольку ее богатая семья, владевшая лесопилкой и мельницей, внесла большой вклад в процветание города. Во время Русско-японской войны отец нашей мамы, Наум Ко-

пельман, спас жителей Улан-Удэ от голода.

В 2017 году нас пригласили приехать в город на городские торжества и принять участие в церемониях, посвященных почетному месту семьи Копельман в истории Улан-Удэ.

Эли занимался также общественной деятельностью. Он был активистом Ассоциации памяти военнослужащих, погибших во флоте во время израильских войн, членом совета Ассоциации выходцев из Китая Игуд Иоцей Син и инициатором рассылки еврейского календаря еврейским семьям в диаспоре для укрепления связей с Израилем. Он участвовал в проекте Музея диаспоры «Бейт ха-Тфуцот» с участием школьников из Рамат-Авида под названием «Ха-Кешер ха-Рав Дори» («Связь поколений»), где он рассказывал учащимся историю еврейской общины в

Китае и историю нашей семьи. Церемония завершения проекта состоялась в «Бейт ха-Тфуцот», где сейчас находится весь материал, собранный и написанный учащимися. Фотовыставку, которую я провела в фотогалерее «Farage» в Тель-Авиве через два месяца после его кончины, я посвятила памяти Эли.

Эли Кама был честным, скромным человеком, верным другом. Он регулярно встречался с друзьями из ВМФ и приходил в офис ИИС на встречи «Парламент», которые были организованы по его инициативе. Эли был спокойным человеком, который в течение всей своей жизни предпочитал заниматься делом.

После него остались вдова Ноа, трое детей и три孙女 (внука).

Да будет светла его память!

**Рика (Ривка) ГОН
КОПИЛОВИЧ**

Памяти посла КНР в Израиле Ду Вэя

10 марта 2020 года новый посол Китайской Народной Республики в Израиле Ду Вэй нанес визит нашей Ассоциации. До сво-

его назначения в Израиль посол четыре года представлял свою страну в Украине. По прибытии в Израиль в феврале текущего года китайский посол был вынужден провести две недели в изоляции в своей резиденции из-за пандемии COVID-19. По окончании периода изоляции посол Ду Вэй и сопровождавшие его лица посетили офис ИИС и ОДИК, и мы с радостью принимали гостей у себя в Тель-Авиве.

17 мая с глубочайшим сожалением мы узнали, что утром того же дня 58-летний посол Ду Вэй был найден мертвым в постели

в своей резиденции в Герцлии. Он был в начале своей дипломатической карьеры, его ожидало многообещающее будущее, но сердце остановилось. Известие о кончине застало его жену и сына дома, в Китае, когда они собирались выехать к нему в Израиль.

ИИС и ОДИК выразили искренние соболезнования исполняющему обязанности посла КНР в Израиле Дай Юймину в связи с безвременной кончиной посла Ду Вэя, каденция которого так внезапно трагически оборвалась. Светлая ему память!

УЧИТЕЛЬНИЦА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алекс АУСВАКС

Самой важной отличительной чертой любого жителя Тяньцзиня было умение говорить по-английски, и притом хорошо говорить.

Тяньцзинь был разделен на иностранные концессии, каждая из которых управлялась в соответствии с законами и обычаями страны, получившей её в пользование. Всем, кроме французов, хотелось жить на территории Британской концессии. Хотя улицы там были немного извилистыми, как в большинстве английских городов, но они всегда были чистыми. Правда, дети не могли играть на газонах, но с другой стороны, вы не могли бы подкупить мирового судью. Владельцам кафе запрещалось загромождать прилегающие тротуары столиками и стульями даже в самую теплую погоду, но в то же время старший унтер-офицер и два морских пехотинца в ловко сидевшей на них форме патрулировали улицы, чтобы никто не посрамил честь мундира Его Величества вблизи фонарного столба. Ах, какие это были времена!

Наша семья не была достаточно состоятельной, чтобы поселиться и жить на территории Британской концессии, однако каждым воскресным утром мы с отцом доставляли себе особое удовольствие: шли пешком через Французскую концессию на Британскую, чтобы увидеть шотландских волынщиков в килтах, трубивших сигнал британскому полку отправляться в церковь. С некоторого рас-

стояния я наблюдал, как эти мужчины огромного роста исчезают в очень маленьком, как мне издали казалось, дверном проеме. Каждое воскресенье, когда бас-барабанщик в великолепной леопардовой шкурке исчезал в крошечных дверях, я ничуть не сомневался, что английский язык обладает магической силой, благодаря которой огромные британцы могут становиться маленькими и исчезать, а затем вновь появляться в том же дверном проеме и, проходя мимо меня, превращаться в очень больших. Это, должно быть, из-за их языка! Неудивительно, что все, кого я знал, хотели выучить английский язык, чтобы овладеть его волшебной силой.

Когда я перешел из детского сада в школу, часть учителей уже уехала, а те, кто остались, были интернированы. Тем не менее, обучение на английском языке продолжалось. Ни один из моих школьных учителей английского языка фактически не был англичанином. Миссис Селия Бафф приехала из России, мистер Спицер был беженцем из Австрии, недавно приехавшим в город. Месье де Лабербис, французский военнопленный, оказавшись в России, остался во Владивостоке, чтобы получить документ, дававший ему право преподавать в школе, и оттуда приехал в Тяньцзинь. Никто из них никогда не был в Англии. Возможно, именно поэтому они не смогли передать нам магию языка.

Однажды в школе появилась новая учительница английского. Ее звали миссис Юрьефф – именно так она заставила нас обращаться к ней, а не по имени и отчеству, как принято в русском языке. Обращение русских детей к своим учителям по имени и отчеству звучит уважительно и в то же время не-принужденно, но в английском языке такая форма отсутствует.

– Недостаточно просто изучать язык, – говорила миссис Юрьефф. – Вы должны научиться пользоваться им так, как это делают носители языка. Англичане не обращаются друг к другу по имени и отчеству, поэтому вы тоже не должны так говорить, когда мы с вами разговариваем по-английски.

Миссис Юрьефф была среднегого роста, слегка сгорбленная, с волосами, заплетенными в косу

и уложенными короной вокруг головы.

Одевалась она старомодно,

носила одежду темных

тонов и ботинки со шнурками,

при этом я помню её розовощекое лицо и глаза, искрившиеся,

как черный виноград на солнце.

Она всегда улыбалась.

Теперь обладательницей заветной магии языка была миссис Юрьефф.

Ведь она на самом деле жила в Англии!

Она учила нас говорить “Hi!” (Привет!) и “So long!” (Пока!), раскатисто произносить “How do you do” (Как поживаете?), чтобы прозвучало как “Howjadoo”. Мы ее обожали. Она рассказывала нам о Кембридже и о том, насколько он

33
И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

лучше Оксфорда. Этого было достаточно, чтобы вызвать у моей мамы чувство обиды, поскольку мама давно уже решила, что я по окончании школы непременно пойду учиться в Оксфорд. Об этом мне постоянно напоминал отец.

Миссис Юрьефф много рассказывала нам о парламенте и о том, насколько британская система правления лучше, чем любая другая система в мире. Оглядываясь назад, в прошлое, я не думаю, что на ее уроках уделялось очень много внимания английскому языку – негласно эта роль отводилась мистеру Спицеру и месье де Лабербису. В Тяньцзине каждый считал себя крупным специалистом по Британской империи, и вопрос о том, сохранился ли она как империя, был предметом постоянных разговоров в кафе Кислинга и в кафе «Виктория». Однако именно миссис Юрьефф заставила нас почувствовать, что такая Англия.

Что касается ее личной жизни, у нее был муж, но она никогда никого не приглашала к себе, а если ее приглашали на чай, никогда не приходила с ним. Ее прошлое было покрыто тайной, и только о своем пребывании в Кембридже в студенческие годы она нередко говорила. Со временем миссис Юрьефф все же подружилась с моей мамой и мало-помалу в знак особого доверия под строжайшим секретом стала рассказывать маме подробности своего прошлого. Отец миссис Юрьефф в дореволюционной России был состоятельный человеком, купцом. Она поступила в Петербургский университет на отделение английского языка и литературы и влюбилась в блестящего студента юридического факультета, который оказался большим поклонником английского пра-

ва и британской политической системы. Теперь, спустя годы, я понимаю, что многое из того, что она рассказывала нам об Англии, вероятно, исходило от него, а не из ее непосредственных наблюдений. По окончании университета он начал карьеру как либеральный адвокат, защищающий политзаключенных.

Я помню, как миссис Юрьефф говорила моей маме:

– Можете себе представить, какой эффект это произвело на моих родителей. Мало того, что их дочь живет с мужчиной, так он еще находится под наблюдением тайной полиции.

Мой отец нашел единственный способ разлучить меня с моим любовником. У него были деловые связи с Англией. Не соглашусь ли я сопровождать его в короткой поездке в Англию в качестве переводчика? В Лондоне у отца оказалось больше свободного времени, чем он предполагал, и потому он предложил мне провести день в Кембридже. Я влюбилась в этот город.

– Почему бы тебе не остаться здесь? – предложил отец. – Я состоятельный человек, ты моя единственная дочь, и твоё счастье – это все, что мне надо.

– В молодости, – продолжала она, – разлука с любимым человеком может причинить душевную боль, а может быть воспринята как мелочь, пустяк. Не успела я приехать в Англию, как началась Первая мировая война, и я осталась в Кембридже. Как корреспондент, мой любовник вызывал у меня разочарование. Я объясняла это тем, что он очень занят, и тем не менее продолжала писать ему даже тогда, когда письма от него вообще перестали приходить. Это все, что мне оставалось делать. Новости из России становились все более мрачными. Какими мелкими, должно быть, казались мои

дела и заботы, о которых я писала в письмах: «Кембридж – это рай. Здесь такая культура!» Голос ее прерывался, словно она сожалела о каком-то моменте в прошлом, который и вспоминать тяжело, и вычеркнуть из памяти невозможно. Иной раз следует забыть не только плохое, что бывало в жизни.

– В конце Великой войны, – продолжала свой рассказ миссис Юрьефф, – мама написала мне, что отец чувствует себя неважно. Отец был из тех людей, которые всем занимаются сами. У мамы никогда не было никаких обязанностей. Теперь она спрашивала, нет ли у меня возможности приехать домой, чтобы ей помочь.

Мне очень не хотелось покидать Кембридж. Поездка оказалась кошмарной. Никогда прежде мне не приходилось переживать ничего подобного тому, каким было мое путешествие во время войны. Все русские, с которыми я встречалась в пути, говорили о революции, и тут мне в голову пришла мысль о том, что устремления моего возлюбленного близки к осуществлению. По мере приближения к городу, который к тому времени уже был переименован в Петроград, чтобы название звучало больше по-русски, нежели по-немецки, я вдруг почувствовала духовный подъем. Как это эгоистично с моей стороны беспокоиться о своем стесненном положении, когда Юрьев нуждается во мне, в том, чтобы я была рядом. Глупая девчонка, я представляла себя сидящей на галерее в Думе, а он поднимается с места, чтобы начать выступление...».

Тут следует вспомнить о том, что когда я, будучи мальчишкой, подслушивал, как миссис Юрьефф рассказывала моей маме эту историю, повторяясь снова и снова, меня удивляло,

почему она испытывает необходимость говорить об этом так часто. Теперь я понимаю: она никогда прежде никому об этом не рассказывала, держала в себе, и вот, наконец, накопившееся потребовало выхода.

— Знаете, — продолжала миссис Юрьефф, медленно переводя дыхание, как будто приходя в себя после тяжкого переживания, — я была поражена внезапной догадкой, что в такой момент обязана быть именно рядом с любимым человеком. Я чувствовала, что должна ехать прямо к нему. К счастью, в доме у мамы было полно прислуги. Оставив свои вещи на вокзале и не найдя такси, я отправилась пешком. В разгар хаоса я побежала к Ташке, которая была горничной мамы еще с той поры, когда обе они были девочками. Увидев меня, Ташка залилась слезами.

— Ваша мама отправила всех нас по домам, — сказала она.

— Почему, ради всего святого?

— Ваша мама всегда говорила, что если ваш отец, царство ему небесное, уйдет первым, она ни с чем не справится. О, Зиночка, вы не в траурном платье!

Я пошла домой. Бедная моя, дорогая мама! Она не заставила отца долго ждать ее. Мама ходила и едва разговаривала, но уже давно ушла в себя. На вопрос она обычно отвечала: «Да, да, так было, когда умер мой муж». В тот момент я уже знала, что она имеет в виду своего первого мужа, но, с другой стороны, она уже не сознавала, слышу и понимаю ли я ее. Мы похоронили маму рядом с отцом, и теперь они были вместе. Что касается меня, то моего возлюбленного нигде не было. Всех моих сокурсников разогнали. Я взялась разбирать бумаги моего отца, которые к тому времени пришли в ужасное состояние.

Революция и гражданская война сделали их неактуальными.

Я просматривала газеты в надежде в любой день встретить имя Юрьева. Где-то же он должен был вести дела — ведь он всю жизнь ждал этого момента. Однако всякий раз, когда я встречала кого-нибудь из знакомых, они хмурили брови и говорили: «Да, странно, что могло случиться с Юрьевым? Такой прекрасный адвокат!».

Однажды, просматривая бумаги, я вдруг подумала, что Юрьев, возможно, делает то же самое с документами своего отца. Вот и все! Он вместе со своей семьей. С его отцом тоже что-то случилось, и семье потребовалось его присутствие. Я понятия не имела, где его семья. Он никогда не говорил об этом, избегая любого упоминания о ней. Это было неудивительно, поскольку никто из студентов нашего поколения не уделял достаточно времени своим родителям. Но где были его родители? Фактически мне надлежало сесть и попытаться вспомнить все наши разговоры до мельчайших подробностей. Больше нечего было думать о его высоких идеалах, его блестящих высказываниях по поводу соблюдения законов нашего общества. Может быть, теперь он обнаружит себя в какой-нибудь тривиальной мелкой детали, и тогда я смогу узнать, где он находится. Я дошла до такого отчаяния, что закрыла все двери и окна, задернула шторы и села в надежде услышать его голос. И это случилось!

Как известно, в русском языке в каждом слове окончание меняется в зависимости от принадлежности к мужскому, женскому или среднему роду. Даже слова, обозначающие действие, например, глаголы, имеют разные окончания. Если речь идет о названиях предметов, то какой

иностранный не проклинает бесчисленное множество окончаний означающих их слов! Итак, Юрьев никогда не знал, как правильно использовать окончания. Когда мы с ним стали жить вместе, он совершенно верно употреблял их только при составлении краткого письменного изложения дела, но в устных выступлениях постоянно допускал ошибки. Я сидела в суде, делала заметки и втолковывала ему потом, как надо правильно говорить. В то время он объяснял свои ошибки тем, что не был достаточно образован. «Тебе повезло, твой отец отправил тебя в хорошую школу», — повторял он время от времени. К тому же, его произношение несколько отличалось от моего. Собственно, благодаря этому обстоятельству мы и встретились. Он услышал, как я говорила, когда была у кого-то в гостях, и с восхищением отозвался о моей дикции, а потом шутливо попросил меня помочь ему исправить свою, потому что хорошая дикция очень важна для адвоката. Он объяснял свой акцент недостатком образования. Но он был прекрасно образован! Я стала вспоминать некоторые детали, которые слышала на лекциях. Вероятно, мне следовало вновь обратиться к первоисточнику! Я помчалась в университет. На факультете славянского языкознания все были в унынии и депрессии. Кому в то время хотелось заниматься этимологией? Дело было уже не в том, откуда слово пришло, а в том, куда оно заставило идти. Преподаватели радовались любому, кто еще нуждался в их помощи. Я попробовала напомнить одному из преподавателей, как Юрьев выступал. Один или два намека — и крошечная эспаньолка старого профессора задрожала от восторга.

«Вне всякого сомнения, Юго-Западная Сибирь. Позвольте мне объяснить вам, барышня, – говорил профессор с козлиной бородкой. – Жители столичных городов, как правило, считают свою манеру говорить самой правильной. В действительности, как учил нас великий Ломоносов, у каждого должно быть право говорить на своем родном наречии, и это касается не только произношения, но и грамматики. Поскольку вы уже знаете грамматику, неважно, что вы усвоили грамматические правила, отличные от тех, что приняты в другой части России. Ничего страшного с падежными окончаниями у вашего... гм... друга не происходило. Они просто были не такими, как у нас с вами».

Я хотела уйти, прежде чем он начнет читать мне лекцию, разочарованный отсутствием других студентов, но тут он ошеломил меня вопросом, как я считаю, язык создал человека или, наоборот, человек создал язык. Тогда я между прочим спросила его:

– Как по-вашему, из какого он района Западной Сибири?
– Думаю, из любого района вдоль Транссибирской магистрали, – произнес он небрежно. «Из любого района вдоль Транссибирской магистрали» означало, что искать можно хоть где. Я не нашла его. Зато он нашел меня. Вы же бывали на вокзале и знаете, что как только поезд подходит к станции, раздаются крики: «Кипяток! Кипяток!». Пассажиры могут купить горячую воду, чтобы заварить чай. Иностранные пассажиры часто шутили, что каждая станция вдоль Транссибирской железной дороги называется «Кипяток». Мой возлюбленный продавал горячую воду.
Все, что я помню о той минуте,

когда впервые увидела его после разлуки, это дикое выражение глаз.

Ситуация у него в доме была ужасной. Мать его принадлежала к какой-то иностранной секте, которая еще задолго до революции продвигалась вперед вдоль Транссибирской магистрали. У членов секты были эксцентричные убеждения и идеи и не менее странные обычай. От нее я узнала, что в Петербурге мой возлюбленный лежал с высокой температурой, и она, узнав об этом, забрала его домой. Обо мне она все знала и ненавидела меня. Она отрицала, что мой возлюбленный получал мои письма, обвиняла меня в том, что я сначала соблазнила его, затем пренебрегла им и, живя за границей, хорошо проводила время. Должно быть, она читала каждое письмо, которое я писала ему.

Мой бедный возлюбленный находился в состоянии душевной апатии. День и ночь по железной дороге в обе стороны шли поезда, и он должен был продаивать горячую воду, чтобы они с матерью могли выжить. К тому времени отца уже не было в живых и они потеряли все. Беда в том, что его мать нуждалась во мне. У меня было немного денег, но дело не в этом. Не знаю, правда это или нет, но мне рассказывали, будто на памятнике Гоголю на его могиле написано: «Это было бы смешно, если бы не было так грустно». Так было между ней и мною. У нее сохранились все брошюры, за многие годы собранные ее сектой, но она не могла их читать, потому что они были на английском языке. Только я могла это делать. Мне разрешили остаться. В отдельной комнате, конечно. Раз в день, в зависимости от расписания движения поездов, я должна была читать и перево-

дить эти ужасные брошюры. До сих пор содрогаюсь при одной только мысли об этом. Какой суеверный вздор! Тот, кто писал их, должно быть, ненавидел любое достижение человечества в науке, медицине или философии. Юрьев сидел тут же, с диким напряженным выражением глаз, и по мере того как я читала и переводила, им постепенно овладевало какое-то спокойствие, а его мать записывала то, что я читала вслух. Иногда он даже дремал, а затем уходил, чтобы успеть на поезд. Это было единственное время, когда мы могли быть вместе, но почти не имели возможности поговорить друг с другом. Покупая кружку кипятка, люди даже торговались. Мы были так несчастны!

Положение становилось все хуже и хуже. Мать Юрьева принадлежала к ненавистному среднему классу – буржуазии. Сам Юрьев был либерально настроенным юристом. Я жила некоторое время за границей. Кроме того, до революции свободная любовь допускалась в Москве и Петербурге, но в маленьком провинциальном городе это было неприемлемо. Никто не знал, что мать Юрьева запирает меня на ночь в моей комнате, не давая мне даже свечи.

Была одна важная деталь, связанная с сектой: на всех листовках, брошюрах и трактатах указывался их адрес. Один пассажир, иностранец, направлявшийся в Лондон, отправил им письмо от моего имени, и они ответили. К тому времени члены секты уже добрались до другого конца Сибири и некоторые из миссионеров пересекли границу с Китаем. В то же время, другие представители их штаб-квартиры попали в Китай через Суэцкий канал и действовали под защитой иностранных держав. Секта велела нам от-

правляться на восток. Благодаря им мы оказались в Китае и остановились в Харбине.

Мать Юрьева не хотела, чтобы в секте узнали, что мы с ее сыном не обвенчаны. Мне разрешили жить с ними. Мать моего возлюбленного принимала участие в кампании, проводимой sectой среди белых русских, которые бежали от революции.

Харбин был маленькой Россией. Там всегда жили русские – служащие железной дороги, торговцы, а теперь их число возросло за счет таких же, как и мы, иммигрантов. Местные русские не давали Юрьеву никакой работы, поэтому он оставался дома и проводил встречи в пользу секты. Он стал фанатиком. Я пошла работать. К счастью, был, правда, небольшой, но все-таки спрос на английский язык. Занимаясь преподаванием английского языка, я снова мысленно вернулась в Англию и поняла, до чего люблю все английское. Я поняла, какой цивилизованной страной была Англия во всех отношениях, в том числе в сфере культуры и воспитания. Мать Юрьева скончалась, и мы обвенчались, скорее для того, чтобы узаконить наше положение, в котором находились. Юрьев очень боялся, что скажет секта по этому поводу. А затем я стала узнавать насчет Тяньцзиня. В отличие от Харбина, это был открытый порт, и в нем проживали люди со всех концов света. Я слышала, что раньше в Тяньцзине жили англичане и до сих пор там есть люди, уважающие английский образ жизни...». Слова миссис Юрьефф повисли в воздухе, как будто она говорила «и вот я здесь».

Я не видел маминого лица, но мог себе представить, как она ворчит про себя. В выстроенной ею иерархии воспитания и культуры после всего фран-

цузского вдруг появились Англия и английский язык. Чай со сливками и сэндвичи с огурцами вписались в уклад жизни нашего дома. Смирившись с тем, что я никогда не справлюсь с французским, она заставляла меня слушать радиопередачи БиБи-Си и подражать их акценту, к великому раздражению моего отца, который предпочитал американское произношение.

Миссис Юрьефф была права. Тяньцзинь – это не Харбин, он был более интернациональным. В нем проживало больше национальностей, было больше миссионеров и намного более интенсивно развивались торговля и коммерция. Юрьев действительно устроился на какую-то работу и еще проводил молитвенные собрания у себя дома, так что миссис Юрьефф почувствовала себя более свободной. Она больше не должна была присутствовать на этих собраниях, однако ей нередко приходилось спешить приготовить и подать чай после молитвы.

Между тем, ее популярность в школе росла. Окончилась Вторая мировая война, и у нас появилась возможность готовиться к зарубежному Кембриджскому экзамену. Когда мы получали хорошие проходные баллы, это неизменно ставилось ей в заслугу. Она знала неисчерпаемое количество историй об Англии и английском языке. Экзаменаторы в далекой Англии были уверены, что наши очерки более других отвечают их требованиям. Неудивительно, что многие проходили экзамены с такими хорошими баллами. Бедный господин Спицер со своим непрятным австрийским произношением, который трудился до изнеможения, чтобы обучить нас английской грамматике, никогда не имел ни малейшего шанса на благодарность и признание с

нашей стороны.

С приходом к власти коммунистов наш земной рай подошел к концу. Незадолго до того как Тяньцзинь был сдан, вся секта в полном составе, включая Юрьевых, покинула город. У них не было паспортов, но секта как-то сумела устроить для них все, что нужно.

Нашей семье тоже пришлось уехать из Тяньцзиня в другую страну. Когда же мы, наконец, обосновались заграницей, оказалось, что мы живем в нескольких кварталах от Юрьевых. Моя мама буквально наткнулась на миссис Юрьефф в местном супермаркете.

Миссис Юрьефф не работала. Выяснилось, что она на самом деле никогда ничего не оканчивала и не имела никакого признанного преподавательского диплома. Руководители нескольких школ, поглядев на ее длинное темное платье и зашнурованные ботинки и услышав странный сленг времен эпохи одного из английских королей Эдуардов, покачали головами.

Секта, однако, нашла работу Юрьеву. Юрьев пошел работать на кухню в шикарную школу для девочек, где для работников были установлены минимальная зарплата, максимальное количество рабочих часов и оплата сверхурочных. Он был добросовестным работником. Я работал кондуктором трамвая и видел его каждое утро. Он выглядел так, словно чья-то сильная грубая рука прошлась по его одежде. Галстук был повязан неправильно, пиджак плохо сидел на нем, шнурки завязаны неровно, волосы плохо рачесаны.

Ему разрешали приносить домой еду из кухни: миссис Юрьефф ненавидела готовить. Теперь они могли питаться и у них появился хороший аппетит. Его зарплата позволила им

увеличить размер займа. Члены секты тоже помогли: один дал рекомендации, другой нашел легальную работу. Наша семья все еще платила непомерную сумму за аренду квартиры, а они уже въехали в собственный дом, который стал центром секты. Вокруг было полно беженцев. Миссис Юрьефф, конечно, навещала нас, но мы к ней не ходили. Она уже не была розовощекой. Ее лицо выражало меланхолию, свойственную славянам, и такое меланхоличное выражение пропступало все более четко. Мама советовала ей показаться врачам, но она смотрела на маму, как будто та была не в своем уме.

Теперь миссис Юрьефф жила, радуясь успехам своих бывших учеников. Она всегда гордилась тем, что придерживалась современных взглядов, была космополиткой, свободной от узких национальных и религиозных рамок. Теперь она превратилась в жалкую пародию на еврейскую маму: каждое поступление в университет ее ученика приравнивалось к присуждению ему Нобелевской премии.

Однажды рано утром, до того как мы все ушли на работу, позвонил ее муж. На линии были помехи, и мама не сразу поняла, о чем речь. Она положила трубку, слегка сгорбилась и опустила голову, а затем очень медленно произнесла традиционную фразу: «Зинаида Михайловна приказала долго жить».

Теперь, когда Зинаиды Михайловны не стало, она больше не была «миссис Юрьефф»,

представительницей Англии в Тяньцзине, женщиной, которая подарила нам лордов и палату общин, Кембридж и пабы... Она была одной из нас, и она умерла в изгнании.

Затем мама начала звонить всем по телефону.

Согласно завещанию, Зинаида Михайловна оставила все своему мужу. Это был символический жест: у нее ничего не было. Она просила, чтобы тело ее было кремировано. В крематории была лишь видимость присутствия членов секты. Зато Тяньцзинь был хорошо представлен, поскольку к тому времени многие из нас, тяньцзинцев, уже оказались за границей. Юрьев выглядел так, каким я видел его каждое утро из окна трамвая: тот же костюм, небрежно повязанный галстук, неровно завязанные шнурки на ботинках, седые, едва расчесанные волосы, слегка безумные глаза. Представитель секты произнес несколько стандартных фраз. Дора Лорцева, из Тяньцзиня, одна из бывших учениц покойной, плакала неудержимо. Сквозь рыдания слышались слова: «Убийцы! Убийцы!» Юрьев повернулся к ней и покачал головой. Муж Доры отвел ее в сторону и прошептал: «Думай, что говоришь!» Затем они что-то горячо обсуждали, но что именно, услышать было невозможно. Видимо, они спорили, но слов нельзя было разобрать, в то время как уже звучала музыка и гроб величественно входил в пламя.

– Я должна посмотреть, все ли

в порядке с Дорой, – сказала мама. Все остальные тоже хотели узнать, в каком она состоянии.

Дора сидела в машине рядом с мужем и рыдала. Большие светло-голубые глаза её были полны слёз. Муж попытался обнять ее и усадить поудобнее, но она оттолкнула его руку. Это был важный для нее день.

– Говорю тебе, он убил ее! – повторяла она, смахивая слезы, катившиеся по щекам из-под очков в толстой оправе. – У неё был сердечный приступ. Он пришел домой и увидел, что она лежит на полу.

– Все кончено, Дорочка! Успокойся! Не расстраивай себя так.

– Она учила меня английскому языку, – плача, повторяла Дора.

– Здесь есть полиция, настоящая полиция. Я расскажу им всё на том языке, которому меня учила Зинаида Михайловна.

– Дорочка, что ты такое говоришь!

– Он должен был вызвать амбуланс! – повторяла она. – Он должен был вызывать врача!

– Он ее муж. Он сделал все возможное.

– Он ничего не сделал! – дрожащим голосом произнесла Дора.

– Это всё его глупая секта! Они не верят в медицину, они не верят докторам. Поэтому он не позвал на помощь. Он сделал все возможное – сидел возле неё, держал её за руку и молился, пока она не умерла.

Конец

(Пер. с англ. Ц.Любман)

Уважаемые господа!

Поздравляем вас с праздником Рош ха-Шана и желаем вам и всему еврейскому народу благополучия, счастья, крепкого здоровья, долгих лет жизни, успехов во всем. Благодарим вас за поддержку и внимание.

Борис и Раиса ГРУСМАН
Матан, Израиль

ПОИСК РОДСТВЕНИКОВ

Я пытаюсь найти сведения о семье моего отца. Отец родился в Циндао 27 марта 1935 года, но когда и как его семья оказались в Циндао, я не знаю. Мой дед Исаак Майер был раввином в еврейской общине Циндао, его женой была Мириам Майер. В 1948 году семья переехала в Шанхай и оттуда эмигрировала в Израиль. Это все, что мне известно, и нет никого из родственников, чтобы спросить. Буду благодарна за любую информацию.

Период пребывания в Китае: в Циндао до 1948 года, в Шанхае до января 1949 г.

Сарит МАЙЕР

saritmayer@gmail.com

Сестры моего прадеда - Анна (Хана) Брудная (р.1890), Евгения (Зельда) Кеймах (р.1893) и ее муж Йозеф Кеймах (р.1887) получили израильскую визу для переезда из Шанхая приблизительно в 1955 году. Буду рада получить любую информацию об их судьбе.

Екатерина БРУДНАЯ

e.brudnaya@mail.ru

Я разыскиваю своего двоюродного дядю, доктора Рудольфа Спевковски, который бежал из Берлина в Шанхай в 1939 году. В Шанхае он занимался медициной, публиковал статьи по медицинским вопросам и явно вел активную деятельность, но мне необходимо узнать, куда он уехал из Шанхая после 1947 года – в то время ему было уже за пятьдесят. Меня интересует его дальнейшая судьба. Период пребывания в Китае: 1939-1948 гг.

Синди УИЛКИНСОН

cwilkinson46@gmail.com

Я интересуюсь семьей Анцелевич в Харбине с 1905 по 1936 год. Иммигранты польского происхождения, они держали магазин французской парфюмерии и новинок на Китайской улице в Харбине. Дочь родилась в Харбине, училась в Музыкальной школе им. Глазунова, по классу фортепиано в Шанхайской консерватории. Переехала в Кобе, Япония. Период пребывания в Китае: 1920-1939 гг.

Лия Соломоновна СТОЛОВАЯ

farida.pomerantz@gmail.com

Ищу информацию о семье отца: его прабабушка и прадедушка – Самуил и Надежда Гуревич, их дети – Абрам (дедушка), Давид, Яша, Гриша, Миша, Соня, Циля, Вера. Мой отец Дэниел (Гудридж) родился в Харбине в 1926 году. Семья жила в Харбине, а затем в Тяньцзине, где у них был нефтяной завод. Любая информация о любом из этих родственников была бы очень интересной. Спасибо.

Период пребывания в Китае: с 1900-х по 1950-е годы.

Джеки ГУДРИДЖ

jacki@robridge.com.au

Мы проводим генеалогическое исследование члена нашей семьи, Хайма Ицхака Персица, который бежал от русской революции в феврале 1917 года в Китай, возможно, в Харбин. Согласно имеющейся у нас информации, он должен был жениться в Китае и иметь там детей. Он был евреем и, следовательно, весьма вероятно, был членом какой-то еврейской общины во время своего более чем 10-летнего пребывания в Китае. Затем его следы вновь появляются в Париже в 1929 году. По нашим сведениям, он уехал в Париж один. Возможно, в Китае у него остались жена и дети. Нас интересуют любые архивные данные об этом человеке, его возможной жене и потомстве, которые он оставил в Китае.

Период пребывания в Китае: с 1917 по 1929 год. Благодарю Вас.

Дэвид ПЕРСИЦ

jpersits@yahoo.com

39
И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Моя двоюродная бабушка Элла Саломон родилась в 1878 году в Вирсиц в Польше. Во время Второй мировой войны она бежала со своими детьми, Розой Райх и Иоахимом Райхом. Роза Райх жила в Шанхае, и мне хотелось бы знать, существуют ли какие-либо другие сведения об этой семье, потому что я не знаю, куда попала сама Элла. Иоахим умер в США. Меня также интересует фамилия Якобус, так как это по отцовской линии моего деда. Период пребывания в Китае: 1938-1949 гг. Благодарю заранее.

Кэт ВЕНЕГАС

kat.venegas@gmail.com

Мы ищем дядю моей бабушки, Феликса Вайкершаймера. Он родился 21 января 1891 года в Германии, был холост, 59 лет, и был продавцом, когда прибыл в Неаполь на транспортном корабле из шанхайского лагеря для переселенцев. Мой дядя Сэм Фрок служил на корабле «USS Saint Croix» ВМС США и пришвартовался в Шанхае во время войны. Он искал дядю Феликса, но не нашел. Мы не знаем, прибыл ли он в Израиль 10 сентября 1950 г. на пароходе «Анна Сален» из Шанхайского лагеря для переселенцев. Старшие члены семьи считали, что Феликс умер на корабле в океане, но у нас нет документа. Спасибо за любую помощь, которую вы можете оказать.

Карен ФРОК

kfrock@verizon.net

Я пытаюсь найти информацию о семье моих родственников по материнской линии.

Моя бабушка - Розалия Фроге родилась в Китае, в Харбине 11 мая 1915 года. Ее отец, кажется, был «учителем-рэбе» в Харбине. Ее мать (я полагаю, вторая жена Иосифа) Агнесса Коток (или Гирш). Возможно, первая жена Иосифа умерла в Харбине, хотя я в этом не уверена.

У Розалии было две сестры (от Иосифа). Евгения (Геня, позднее Дженини) Фроге родилась в Почепе, Россия, в 1898 году. Хиля ФРОГЕ (Рахиль, Рэйчел) родилась в Харбине 24 августа 1906 года. Был также брат Илья, который был убит в России во время войны где-то в 1940-х годах – я думаю, он был младшим братом моей бабушки.

Я полагаю также, что Иосиф поехал в Харбин после бегства из Москвы где-то между 1898 и 1906 годами. Хотя это не подтверждено, однако он был русский, как и моя прабабушка (согласно ее иммиграционным данным). Возможно, Иосиф поехал в Шанхай со своей семьей на свадьбу Хили в 1927 году, хотя не знаю, уехали ли они тогда навсегда из Харбина в это время, поскольку здесь обрывается след Иосифа, но Розалия (и я считаю, что Агнесса и, возможно, Дженини) поехала в Сингапур, где Розалия встретила моего дедушку, а затем иммигрировала в Австралию (с Агнессой) и ее детьми. В какой-то момент Хиля иммигрировала в США. Заранее спасибо

Marita SEEFIELD

Victoria, AUSTRALIA

m.seefeld@bigpond.com

У моего деда по отцовской линии Захара Шилянского был сводный брат Осип Шилянский от первой жены отца, которая умерла в конце 19 века в Одессе. Двоюродные сыновья от первого брака уехали из России, а один определенно поселился в Харбине и открыл книжный магазин. Как патриарх семьи, Герман Шилянский (родом из Литвы, возможно, Шауляй) имел мастерскую по производству декоративных кондитерских коробок в Одессе, а после того, как овдовел, снова женился, на Генриэтте, и имел двух детей: сына Захара (р.1900) и дочь Шарлотту (р.1905).

Я хотела бы знать, сохранились ли какие-либо записи о сводном брате моего деда Осипа, оставил ли он в Харбине какое-то время или нет. Поскольку его отец умер в 1928 году в возрасте 78 лет и политическая ситуация стала опасной для свободной переписки без надзора со стороны НКВД, я считаю, что Осип перестал писать письма на каком-то этапе, но я не знаю наверняка. Вся семейная история, которую я знаю, была получена по устной традиции - никаких писем не осталось, даже если они были. Я думаю, когда Захар и Шарлотта росли, четверо братьев были еще достаточно молоды, чтобы оставаться в живых и позже суметь посетить свой дом на Греческой площади в центре Одессы.

Период пребывания в Китае: 1916-1950 (?). Спасибо за удаленное время.

Марина ШИЛЯНСКАЯ

Marina.Shilianskaya7@tafe.nsw.edu.au

Я ищу любые записи, относящиеся к следующим фамилиям. Состоялось бракосочетание Рахили Трейнен и Якова Эцина, которых познакомил раввин. Возможно, Яков Эцин тоже был раввином. Их сын, Бернард Джейкоб, родился в Кобе, но на какое-то время приезжал к бабушке и дедушке в Харбин. В Харбине был книжный магазин, принадлежавший семье Трейнен, но я не знаю, какой именно. Заранее спасибо!

Период пребывания в Китае: 1920-1930 гг.

Марго ПОЛ

margot_paul@hotmail.com

Говорят, у моего деда, Хаймана Матисова, был брат, который уехал из России в Китай. Мой дед уехал из России в Америку примерно в 1914 году. Я не уверена, кто первым покинул Россию. Период пребывания в Китае: 1910-1920.

Нэнси ШЕРМАН

njs_projects@yahoo.com

Я пытаюсь найти своих бабушку и дедушку, а также прабабушку, которые, как я знаю, жили в Шанхае в то время. Прабабушка по имени Блюма Рива Гольдштейн управляла отелем Army & Naval на набережной Банд, и я думаю, что мои дедушка и бабушка по фамилии Брик присоединились к ней где-то после 1913 года, когда моя мать родилась в Галаце, в Румынии. Она умерла примерно в 1918 году. А бабушка и дедушка исчезли (испанский грипп?) примерно в то же время или раньше, оставив мою мать, Марию Брик Гольдштейн, опекуну, который в конечном итоге привез ее в Новую Зеландию. Мы будем очень признательны за любую информацию об этих людях.

Период пребывания в Китае: 1913-1921 гг. Большое спасибо.

Стивен ФЛЕТЧЕР

s_e_fletcher@hotmail.com

Я провожу небольшое семейное исследование, и мне не хватает одной важной информации (отчество моего деда), что делает невозможным выполнение этой задачи. Мои родители (Бенцион / Борис / Боб Герович и Паула Зейлик) поженились в Новой (ашкеназской) синагоге в Шанхае (также известной как синагога Tenant de la Tour) 21 января 1948 года. Есть ли запись об этом браке в еврейской общине? Может быть, кетуба, которая будет включать имена моих бабушки и дедушки? Я с нетерпением жду ответа от вас с любыми советами о том, как я могу продвинуть это исследование.

Буду очень благодарен за любой совет, который вы можете мне дать.

Сэм ГЕРОВИЧ

sam@redplanetjapan.com

Ищу информацию о семьях Майманн и Клингер, которые жили в Шанхае во время войны. Период пребывания в Китае: 1939-1950 гг.

ДЭВИД

sherby634@gmail.com

Изучаю семью Дмитровских из Каменец-Литовска (сейчас Камянец, Беларусь), который в указанные даты вел бизнес по экспорту меха в США и на Кубу. В 1949 году в Шанхае было зарегистрировано еще две компании, Samuel Dmitrovsky & Dmitrovsky Bros. Их звали Самуил (р. 1890) и Ефрем, он же Фред (р. 1893). Я вижу в ваших «Бюллетенях» за март/апрель 2006 г. (стр. 8) и август 2010 г. и т.д., что существует фонд стипендий в память о Клариссе Дмитровской, которая была женой Самуила. У вас есть какие-либо подробности об этой семье? Я могу прислать вам фотографию, вероятно, 1920-х годов, на корпоративном мероприятии, если хотите, и другие детали.

Период пребывания в Китае: 1922-1936 гг. Спасибо.

Д-р Сидни КАЦЕН

sidney.katzen@gmail.com

41
И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Я ищу информацию о моей биологической бабушке, которая жила в Харбине примерно в указанные даты. Ее зовут Наталья Яковлевна Каренева. Она усыновила троих детей в Харбине, один сын, как мы полагаем, попал в еврейскую семью. Дочь - моя мама Валентина. Мы будем признательны за любую информацию, которую вы можете предоставить, например, имя ее мужа или сына. Мы думаем, что у нашей семьи были какие-то еврейские связи, но не уверены.

Период пребывания в Китае: с 1935 по 1947 год. Спасибо.

Наташа СВОН

swanfamily45@yahoo.com

Я пытаюсь найти информацию об одном из членов семьи, который жил в Харбине в начале 20 века. Его фамилия была Кауфман (мы не знаем его имени), отчество - Лейбович, он был из Украины/Беларуссии. Насколько нам известно, он не был родственником Авраама Иосифовича или его сына Тедди. В семейных историях говорится, что он был схвачен японцами во время русско-японской войны 1904 года и после освобождения остался жить в Харбине. Семья получала от него письма в 1930-х годах. Сообщается, что он оставил большую библиотеку, которую завещал еврейской общине Харбина. Мы будем очень признательны за любую информацию, которая может соответствовать этому описанию.

Период пребывания в Китае: 1904-1939 гг. Спасибо за любые комментарии.

Говард КАУФМАН

howiekaufman@gmail.com

Я ищу иудейские религиозные книги на китайском языке: молитвенники, книги по иудаизму на китайском языке. Пожалуйста, сообщите, если можете мне помочь. Я учитель, преподаю иудаизм, моя жена из Тайваня. Благодарю заранее.

42

Коди БАХИР

codybahir@gmail.com

Возможно, у вас в архиве есть сведения о наших родственниках Зазовских. Известно, что 12-го июня 1921 г. в 7 часов утра на пароходе компании Ллойд Триестино «Ниппон» отправилась в Палестину третья группа эмигрантов из 44 человек, среди них Зазовский Соломон, Зазовская Рейза, Зазовский Абрам. Хотелось бы получить любую информацию о них: годы рождения, имена их родителей, сведения об их дальнейшей судьбе. Вполне вероятно, в Палестину могли приехать и другие члены семьи Зазовских (или Зазовских), но в другие годы.

Если вы не располагаете интересующими нас сведениями, посоветуйте, пожалуйста, куда можно обратиться. Заранее благодарю вас,

Ирина ЗАЗОВСКАЯ

zaz2004@rambler.ru

Россия

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ СТУДЕНТОВ

И
Г
У
Д
Й
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

Вот уже несколько лет, принимая от студентов заявки на получение стипендий на Хануку, мы обращаемся с просьбой к претендентам присыпать нам

небольшие рассказы о своей семье, о старшем поколении, проживавшем в Китае, об их иммиграции в Израиль в 1950-х годах и о том, как они устраива-

ли свою жизнь в новой стране. Мы продолжаем публиковать некоторые из них.

Наша бабушка Лидия Ланэ

Охад и Кешет ЭФРАТ

После революции 1917 года евреи из России целыми семьями отправлялись поездом на восток, в Азию. Родители нашей бабушки Лидии эмигрировали из России в Китай. По их рассказам, они сошли с поезда на «последней станции» и продолжили путь в Харбин, где к тому времени уже проживали евреи, бежавшие от погромов.

Наша бабушка Лидия Ланэ родилась в Харбине. В детстве она подружилась с двумя девочками, и они вместе, три подруги – Лидия, Софа и Сарра, были членами харбинского отделения известной организации «Бейтар» (командир «Эцел» до Бегина был членом «Бейтара» в Китае). Бабушка Лидия приехала из Харбина в Израиль в 1950 году. Здесь она встретила своего будущего мужа, нашего дедушку Моше Фельденкрайз, члена «Эцела», командира национального отряда «Эцела» на австрийском фронте во время Второй мировой войны. Они поженились, и у них родились трое детей. Самая младшая из них – наша мама, Ривка Эфрат, у которой тоже трое детей: старший сын Галь и мы, брат и сестра Охад и Кешет.

После иммиграции в Израиль Лидия поддерживала связь со своими харбинскими друзьями. Старшая дочь Хана вышла замуж за Алекса Литвинова, сына иммигрантов из Китая Бориса и

Софы Литвиновых. Софа, подруга бабушки, привезла с собой не избежавшие влияния китайской кухни русские кулинарные навыки, поскольку Россия – страна происхождения и проживания их родителей до эмиграции в Китай. Приятно вспоминать, как на семейных обедах, когда мы были еще детьми, Софа подавала на стол китайскую еду и русские пельмени, которые любила готовить.

Еще одна подруга Лидии приехала в Израиль в одно время с ними – это Таня Матлина, в замужестве Шлифер. Моя мама всегда вспоминает подруг детства своей мамы Лидии, которые после безвременной смерти Лидии поддерживали их – троих детей, оставшихся без матери, и заботились об осиротевшей семье.

Дружеские отношения сложились между нашей мамой Ривкой Эфрат и дочерьми Тани Шлифер (второе поколение друзей), а также между нами и внуками Тани (третье поколение друзей). К сожалению, нам не довелось знать нашу бабушку Лидию: она умерла до нашего рождения, не дожила до свадьбы наших родителей, так что мы знаем ее только по рассказам нашей мамы и ее сестры, тети Ханы с мужем Алексом, уроженцем Харбина, которых родители привезли в Израиль маленьким ребенком. Нам известно, что мать бабушки

Лидии умерла в Китае, когда Лидия была еще подростком, и ее удочерила мать ее подруги Софы, хотя к тому времени в этой семье уже было двое детей: у Софы была сводная сестра от первого брака ее матери, Сарра. Наша мама всегда помнит о той помощи, которую оказывала ей Сарра, когда родился Охад. Сарра приезжала к нам на автобусе, чтобы побывать с трехлетним Охадом, а мама тем временем отправлялась за мной, чтобы привести домой из детского сада. Чувство дружбы и взаимопомощи прошло через три поколения, и друзья стали близкими людьми, как члены одной семьи. Наша тётя Хана вспоминала, что когда началась большая эмиграция из Китая в Израиль, многие задумывались, стоит ли трогаться с места. Некоторые незамужние женщины опасались, что в Харбине не останется женихов-евреев. Тем не менее большинство приехало согласно сионистским убеждениям, из симпатии и любви к Израилю.

Наши друзья и знакомые нашей мамы Ривки всегда удивляются, когда мы рассказываем им, что наша бабушка родилась в Китае. Родители хотели однажды побывать в Китае и посетить Харбин, но, к сожалению, не смогли этого сделать.

Путь нашей семьи из Китая в Израиль

**Галит БАЛЬМАС и Эльад СЕРЧУК,
двоюродные сестра и брат**

Наша бабушка Раиа Серчук и ее сестра-близнец Соня Шнейдер родились в 1924 году в семье Огнистовых, проживавших в Китае, в городе Харбине.

Сёстры учились в русской школе, затем в русской гимназии, а по окончании учебы работали в конторах. Бабушка очень любила танцы и пользовалась любой возможностью, чтобы танцевать, даже выступала на сцене, участвуя в различных мероприятиях. На одном из таких вечеров она познакомилась с красивым и приятным молодым человеком, но... неевреем. Ее отец, человек очень строгих правил, даже слышать об этом не хотел. Бабушка тайно встречалась с парнем, и он каждый раз провожал ее до угла улицы, где она жила, чтобы ее отец не видел их вместе. Согласно рассказам, молодой человек сделал бабушке предложение, но она с большим сожалением отказалась ему, потому что боялась разгневать своего отца. К тому же, она знала, что семья собирается ехать в Эрец-Исраэль и она никогда больше не увидит его.

Наш прадед Соломон Огнистов родился в России, в Сибири в 1897 году, а прабабушка Лиза – в Белоруссии в 1901 году. Соломон занимался фармацевтическими поставками для стоматологии, поставлял товары из Германии в Россию и Китай, а Лиза вела домашнее хозяйство.

Жизнь в Китае была комфортная, очень хорошая. В течение многих лет, и в годы Холокоста тоже, в Харбине не было открытого антисемитизма: все жили рядом друг с другом – евреи, китайцы, русские и др. В обществе были проявления антисемитизма со стороны русских, но это явление никогда не принимало такого масштаба, как в Европе. В августе 1945 года, когда Красная Армия вошла в Харбин, советские плохо обращались с европейским населением города. Они издевались, проявляли жестокость, грабили. Тогда Соломон принял смелое и далеко идущее решение – эмигрировать в Эрец Исраэль. Семья отправилась в путь сначала поездом в Тяньцзинь, оттуда на пароходе в Гонконг, затем самолетом в Индию и далее, в Эрец Исраэль. Много раз бабушка рассказывала нам историю, которая всякий раз вызывала у нее слезы. Это история о собаке по кличке Тобик, которую она и ее сестра нашли однажды в снежном сугробе в холодную харбинскую зиму, приняли пса в семью и преданно заботились о нем в течение многих лет. Бабушка обычно говорила о нем как о человеке, утверждая, что у Тобика были такие умные глаза, что казалось, пес знает все и понимает человеческий язык.

Так как им не разрешили взять с собой любимого пса Тобика в

долгое путешествие в Израиль, они были вынуждены передать его своим соседям, которые пообещали относиться к нему с преданностью. Было очень больно и тяжело расставаться с ним, оставляя его в Китае. Через некоторое время после приезда в Израиль бабушка получила письмо от соседей, в котором они написали, что Тобик не отходил от дверей их квартиры, отказывался есть и пить, только выл, да так и умер от тоски. Получив печальное известие, вся семья плакала, и с тех пор всегда, когда бабушка рассказывала эту историю, слезы текли по ее щекам.

Когда семья иммигрировала в Израиль в 1950 году, в стране был большой дефицит – период жесткой экономии. Их первой квартирой был барак в лагере для иммигрантов в Атлите.

Родной дядя бабушки, иммигрировавший в Израиль несколькими годами ранее, привел бабушку и ее сестру к себе домой, в Хайфу, и велел им работать. Наша бабушка работала в кухне «Апоалим» для рабочих, куда приходили поесть все новые иммигранты, у которых не было семьи, а ее сестра Соня работала в «Шекем».

В начале своей работы официанткой наша бабушка не знала ни слова на иврите, и ей помогали другие работники, переводя для нее на русский язык на-

звания заказываемых блюд из меню. В один прекрасный день кто-то из посетителей предложил ей помочь с переводом на русский, и она охотно приняла предложение: парень очень понравился ей с первого взгляда. Так началась история любви наших бабушки Раи и дедушки Даниэля Серчук. Во время Второй мировой войны Даниэль был партизаном и работал в «Моссад ле-Алия Бет»⁽¹⁾, переправляя

нелегально на кораблях сотни иммигрантов в Эрец-Исраэль. В 1952 году у них родилась дочь Брурия и в 1955 году – сын Яков, наши родители. Потом бабушка работала в больнице, занималась приготовлением блюд для пациентов.

Родители бабушки, Огнистовы, которые приехали с ней в Израиль, прожили долгую жизнь. Наша прабабушка Лиза умерла от сердечного приступа в 1966

году, а прадед Соломон – от болезни в 1974 году.

⁽¹⁾ Mossad LeAliyah Bet (Моссад ле-Алия Бет) был филиалом Haganah (Хагана) в британской подмандатной Палестине, или Эрец-Исраэль, который действовал для облегчения еврейской иммиграции в британскую Палестину. В период действия мандата филиал содействовал нелегальной иммиграции в нарушение правительственных ограничений Великобритании.

Обед в честь посла КНР в Израиле Чжань Юнсина перед отъездом на родину

Тель-Авив, 4.12.2019

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ СТИПЕНДИЙ

Тель-Авив, 25 декабря 2019 года

Посол КНР в Израиле Чжань Юнсинь вручает стипендии студентам. В президиуме также Иоси Клейн, Нурит Тинара Модаи и Галь Форер. У микрофона ведущий Алекс Нахумсон

בָּלְטִין

אַיגָּוד יֹצְאי סִין

בְּסָאוּן

www.jewsofchina.org

ספטמבר 2020 • גליון מס' 917 • שנה 69 • תשרי - תשפ"א

עֲרֵב אֶתְהָכָל

25.12.2019

מפגש חנתי מסורתי, 25.12.2019

יוסי קלין, יור איגוד יצאי סין

אלכס נחומסון, מנחה האירוע

gal_fiorer_sagan_yoer_agudat_idiotot_israel_sin

מר ג'אן יונסן, שגריר סין דואז

משרד החוץ נציגת טינרי-מודען

He Jingjie, נציגת הסטודנטים סינית

איגוד יצאי סין

נוסד ב - 1951

עמותה רשומה מס' 6-003066-58

ספטמבר 2020 • גליון מס' 914 • שנה 67 • תשרי - תשפ"א

תוכן העניינים

- 20.....ובמנצ'וריה יונתן גולדשטיין
25.....לזכרו של אלǐ קמה ריקה (רבקה) הון
שנות ה-50 - שנות התמימות משה ליכומנוב
באגוד יצאי סין ואגודת יידיזט ישראל סין.....
30.....מכתבי תוזה.....
31.....רחוב זגאנג 22, טנזין גיד' מרינסק'

- בית"ר סין: עוצמתה של תנועת הנוער יהודית
נידחת, 1929-1949 יצחק שיחור 5
מקבלי מלגות 17
מפגש חנוכה של יצאי סין 19
חלוקת מלגות לשנה"ל תשפ"א 19
מאבק פוליטי חסר סיכויים: טרומפלדור ביפן

חריט יקרים,

באמצע מגפת הקורונה הצלחנו להתרגן ולשמור על המסורת של הוצאה גילין אחד בשנה, עבר ראש השנה. תקופה קשה עובה על עם ישראל והעולם שאילצה גם אותנו לשנות הרගלים של שנים ולגרום לשינויים במצב העבודה.

עבודה מהבית, עבודה עם זום וכי' סגנון העבודה החדשם של אנשים בגיל לא פשוט להתרגל אליהם. מטרות האגוד כפי שהוגדרו בתיקון העמומה עדין מצדיקים את המשך פעילותה ולהיות הדגל שמאחד סביבו את יצאי סין וצאצאיהם.

"צאצאיהם" מילה חשובה ממד בהקשר הנאמר והוא היסוד שעליינו אנו בונים את המשך קיומנו. יש כבר 3-2 דורות שנולדו בארץ ו"סיפורו סין" הם סיפורים רחוקים עברים ולא תמיד מצילים לעניין אותם. מניסיון אישי במשפחתי יש ילדים/נכדים ש/זה עניין אותם, ישאלו שאלות בהתאם וירצו לדעת יותר על הנושא. אל תשאירו את אלה ללא מענה ונסו למשוך אותם יותר לנושא. הדור שלנו של ילדים סין הולך ונגמר וחשוב שהיה המשך ופה גם ונכensis אנחנו - איגוד יצאי סין ומונסים לתרום את חלקינו. צערנו לנו מוגבלים באפשרויות הפעולה עקב צמצום האמצעים הכספיים שלנו.

התורמים הגדולים ככו אסיה קונג ואחרים לא השאירו אחריהם ממשיכי דרכם וטורמים בודדים לשלהם חתנו לא שוכחים את האגוד ואנו מלאי הערכה להם על כך, אך זה לא אפשר עדין פעילותות רבות ואנחנו ממשיכים לפעול בזכות הכספיים שהתקבלו ממיכרת המשרדים ברחוב גrozenberg בתל-אביב ובעזרה מספר קטן של מתנדבים/ות ועובדות הברוכה של העובדות אינה בקשרי כמציאות העמותה, צצילה לובמן ופלורי כהן כעורך בבלוטין. בברכת

סנה טינה ורחלאה לך החירות והחפרות וכם חיוני ישרף!

יוסי קלין
ז"ר

הנהלת איגוד יצאי סין בישראל

מטרות ה"בולטין"

בhzאה לאור של ה"בולטין" שօף אגוד יוצאי סין לענות על הצרכים הבאים:
1. לעודד את תחומי השותפות בין תושבי הקהילה היהודית לשער של סין.
2. לקים עraz של קשר בין יוצאי סין בישראל ובוגלה.
3. לסייע באיסוף, שימור והזאה לאור של מסמכים היסטוריים העוסקים בח'י קהילה.
4. לסייע לאגוד יוצאי סין במילוי מטרותיו, במיוחד שעוסקים בסיווע סוציאלי ובמלגות חינוכיות לבני דור המשר של יוצאי סין בישראל.

הוועד המנהלי:

יוסי קלין - יושב ראש
יעקב מטלון - סגן יוזר
אלכס נחומסון
יהודית סנדל
אבי פודולסקי
ערן רוזן

מצירת העמותה:

אינה בקשייב

ועדת הביקורת:

אריאל אלדור
משה ליכטנשטיין - י"ר

כאייגי כבוד:

אסטר ונדל - חיפה והצפון
ארי פודולסקי - ירושלים וו-

עורר ראשי: יוסי קלין

יהודית סndl אינה בקשייב

כתבת של האינז'

איגוד יוצאי סין
רחוב הברזל 31 רמת הח'יל
תל אביב 6971045
טל': 03-5171997
טל': 03-5161631
דוא"ל: gud.y.sin@gmail.com
www.jewsofchina.org
ISSN - 0793-83365

בית"ר סין: עוצמתה של תנועת נוער

יהודית נידחת, 1949-1929

יצחק שיחור
האוניברסיטה העברית בירושלים
אוניברסיטת חיפה

ולמדעי המדינה של אוניברסיטת לונדון). בכךן יותר מארבעים שנות חוואה לימד קורסים על סין המסורתית ותרבותה, יחסם בינלאומיים של סין, ופוליטיקה סינית. הוא השתתף באופן פעיל במעטה מ-200 כנסים אקדמיים בינלאומיים וכן בישראל והוא חתום על כרבע ל-200 פורסומים אקדמיים. תחומי המחקר העיקריים שלו עוסקים במדינת הסינית במרקם התייען; מגמות באסלאם בסין בכלל ובסינג'אונג בפרט; באיגרים בסין ובחפות; במכירות נשק מסין ואליה ובמודרניזציה הצבאית והסינית; במגדלים הבינלאומיים של מדינות הארגנה הסינית; בתהליכי דמוקרטיזציה במרקם אסיה; ביחסי ישראל ואסיה; בתרומה היהודית למהפכה הסינית וบทולדות הקהילות היהודיות בסין ובאסיה; ועוד.

5

תנועת בית"ר, ראיי תיבות של "ברית יוסף טרומפלדור" (או טרומפלדור), נוסדה ב-1923 בריגה, לטביה, על ידי זאב (ולדimir) צבטוינסקי. זה גם שמה של העיר היהודית האחרון ששרדה במהלך מרד בר כוכבא (135-131 לפנה"ס), והאחרונה שנפלה לידי הרומים בשנת 136 לפנה"ס. כסמל של גבורה, בית"ר הוקמה כתנועת הנעור של המפלגה (או הסיעה) הרבייזוניסטית, בתנועה הציונית. היא נתה "ימינה" והתנדגה לטיוטות השמאלי (או הסוציאליזם) הציוני. כמה "מפלגות ציוניות" בנות-חלוף התקיימו בחרבין (בצפון מזרח סין) רובן קזרות-יים, אבל הממושכת ביותר, ולמעשה ארגן-אג, הייתה "ארגון הציונים הכלליים" (Allgemein). מנהיגו בעולם היה חיים וייצמן, אבל בחרבין עמד בראשה ד"ר אברהם קאופמן, רופא במקצועו (1885-1971), אשר נותר מנהיגו הבלתי מעורער והפופולארי במשך התקופה כולה. הוא התקבל על ידי כל בני הקהילה היהודית של חרבין, תהיה אשר תהיה הנטית הפליטית שלהם. בעוד שגורם האופוזיציה היהודי העיקרי של חרבין, תנועת ה"בוד", התפורר, כל שאר הקבוצות היו מאוחדות ביסודות תחת "ארגון הציונים הכלליים", כולל בית"ר והרביזוניסטים - למרות שלעתים קופחו.^[1] בכך היו הקהילות היהודיות בסין יוצאות דופן בהשוואה לקהילות יהודיות אחרות במערב.

בית"ר לא הייתה תנועה נוער יהודית ראשונה בסין, ואך לא היחידה. קדמו לה "ערי ציון" (אשר הוקמה ברוסיה בתחילת

שנתה של סין) וויליאם לייפסן גם שימש כמנהל מכון טרוכן לקידום השלום בשנים 1976-1982), וכן באוניברסיטה חיפה, בחוגים ללימודים אסיה ולמדע המדינה. בין השאר שימש כראש החוג בשתי המחלקות, היה דיקן הסטודנטים באוניברסיטה העברית, וכן عمץ בראש המכילה האקדמית תל חי (2000-1997). במקביל שרת כאוצר עבד צה"ל, ובתחילת שנות ה-70 היה שותף בהקמת המדור שעוסק באסיה ובסין, במסגרת אמר"ן מחקה. את שירותו הצבאי במלואים סיים בדרגת רב סרן, הוא קיבל תואר ראשון ושני מן האוניברסיטה העברית בירושלים לימודי ההיסטוריה התיכון, מדע המדינה ולימודי מזרח אסיה (בחצטיינות יתרה) ואת הדוקטורט קיבל בתחילת 1976 מ-LSE (בית הספר לכלכלה

מבוא

הkahilot היהודיות בסין, לא רק התקבצו מארצות רבות אלא גם הי מפוזרות בכמה מחוזות וערים, הבולטות בהן חרבין, שאנגחאי וטיאנג'ן, אבל גם במוקדן, צ'ינגדאו, קונגמינג, ועוד. המשותף ביניהן היה מעט מאוד. שלא כמו קהילות יהודיות בארץות אחרות, אשר חי שם במשך מאות שנים וחלקו ההיסטורי, שפה ותרבות, יהודים הגיעו לסין המודרנית מאמצע המאה ה-19 (חובם נקראו בגדידים, והגיעו מעיראק ומהודו מתוך בחריה); מתחילה המאה ה-20 (בעיקר מروسיה על רקע סיללת מסילת הרכבת הטראנס-סיבירית, מלחמת רוסיה-יפאן, מהפכת 1905 והמהפכה הבולשביקית של 1917); ומסוף שנות ה-30 (בעיקר מאיופה על רקע מלחמת העולם השנייה, רובם ככלם פליטים שהגיעו מתוך כורך). חלקם הגיע לסין בדרך הים וחילקו ביבשה, דרך ברית המועצות ומרכז אסיה. הם ייצגו מגוון של תרבותיות אשר שיקפו את ארץות מוצאם; לא יכולו לתקשר באותה שפה; דבקו בסוגנות שונים של יהדות במרחב בין אורתודוקסיה וחילוניות; והשתיכו למערכות חבורתיים-כלכליים שונים, חלקם עשירים מאוד וחלקם עניים מורודים. אין פלא, לפחות, שהקהילות היהודיות בסין המודרנית, אשר בזמןם שונים מנו בין עשרים ושלישים אלף וחילקו עניים מורודים. אין פלא, לפחות, שהקהילות היהודיות אלף, היו מפוצלות לא רק מבחינה גיאוגרפית אלא גם מבחינה פוליטית, אתנית, אידיאולוגית, כלכלית, תרבותית וארגוני. בית"ר הייתה קבוצה אחת, או ליתר דיוק, תח-קבוצה, ומן הקטנות, למרות שלעתים, בשנות ה-30, הייתה זאת תנועת הנעור היהודית לא רק היחידה אלא גם, ולא ספק, החשובה ורבת-ההשפעה ביותר בסין.

[1] Yaacov (Yana) Liberman, *My China: Jewish Life in the Orient 1900-1950* (New York: Gefen, 1998), p. 20.

גודלה, לא רק בסין אלא גם בהשוואה לשאר ארצות התופוצה היהודית, ובמיוחד בישראל, גם לפני השגת עצמאותה, וגם אחרת. וכי בירת סין מילאו תפקידים בכירים בתחום הכלכלה, הצבא והפוליטיקה, עוד בזמן שהיה בסין גם אחרי שעוזבו. חלק ניכר מסיפורם ייחודי, וחלקים ממנו מעולם לא סופרו, לפחות לא בפומבי. אין שום מחקר אקדמי, אפילו לא מאמר באנגלית, על בית"ר סין, ספרות עניפה על קהילות היהודיות בסין, כולל מחקרים בסיני, התפתחה בשנים האחרונות אבל בית"ר בקושי נזכרת גם אז בקיצור.

יסודות: בית"ר חרבין

סניף בית"ר בסין נוסד רשמיamente ב-18 במאי 1929. שיתוף הפעולה בין בית"ר והציוויליזציה הריביזיוניסטית בחרבין נוצר בתמיכתו של אלכסנדר יקובלביץ' גורביץ' (1890-1980), אשר הגיע מחייב בשנת 1928. גורביץ' שימש בתפקיד הנשיא הראשון של התנועה הריביזיוניסטית בסין ונעשה נציג בית"ר. בהדרגה, כל תנועות הנוער היהודיות הפעילות בחרבין, כולל "השומר הצעיר", התפרקו וחילטו להצטרף לבית"ר. בראשו עמד אריה (לב) פיאסטונוביץ', אשר עבר אחר כך לטיאנג'ן (Tianjin), שם שימש גם כראש הקהילה היהודית, ולאחר מכן לשאנגחאי. המועצה המנהלת של בית"ר חרבין כללה את שבעת המייסדים: מרדכי (מווטיה) אולמרט, גרא מורדכוביץ', ניסן ליפשיץ, פאבל פינסקי, רווה ליין, אלה קוטוביץ', אברהם איפלנד. אחרי פיאסטונוביץ' באו כהנו בראשות בית"ר כמה שניםuso בתפקיד תקופות קצרות: אלכסנדר גורביץ' (1934-1933); א. מולכובסקי (1934); מרדכי לסק (1935); ואברם מליכיקר (1937-1936). אשר נפטר בגין צער משחפות. סיומה (שמוואל) קלין, האחראי שעמד בראש בית"ר חרבין, שימש בתפקיד מ-1938 ועד 1945, כאשר הסובייטים הגיעו. הוא נאסר, הצלח לשחזר את דרכו החוצה, והגיע לישראל ב-1950. פיאסטונוביץ' הגיע לישראל בסוף 1951 הגיע ונעשה הנשיא הראשון של "איגוד יצאי סין" בישראל, תפקיד בו שימש עד 1953. אז יצא לפאנ', שם עבד עבור שאל איזנברג עד מותו בטוקיו ב-25 במרץ 1961.

מלכתחילה ובראשונה, מיסדי בית"ר בסין רצו בהקמת תנועה נוער לצורק הקניתית אמנויות לחימה, מיומנויות הגנה עצמית, וספורט. מדיניות זאת הייתה מיועדת לא רק לצרכים לטוווח קצ"ר בחרבין אלא גם לטוווח אורך של לחימה בקולוניאליזם הבריטי ובתקופות הערבית, כדי למש את עצמותה של ישראל. עד אותו זמן, הבעה העיקרית בחרבין הייתה התמודדות עם האנטישמיות. מחרחריה היו ארגונים פשיסטיים של יהודים "לבנים" שהונחו על ידי קונסטנטין רודזיאיבסקי אשר מאז 1931, שמש כמצחיר כללי של המפלגה הפשיסטית הרוסית שקבעה לתחיה. הוא גם היה עורק היומון **נash pot** (דרכו) והאומה. בונסף להפצת האשמות שוא והশמות נגד היהודים ומהוניגם בחרבין, הפשיסטים נהגו להזכיר יהודים, ולא רק. באחד המקרים חטפו ורצו את סמיון כספה (Semion Kaspe), פסנתרן מוכשר שהופיע ברחבי העולם ובנו של בעלי של מלון "מודון" - הטוב בעיר.^[4] החוטפים והרוצחים זיהו עצם כתנאי-קומוניסטים

Dan Ben-Canaan, The Semion Kaspe Case Study of Harbin as an Intersection of Cultural and

המאה ה-20 ודגלה בציונות מעשית) ו"מכבי", אשר הוקמה פעמיים, לתקופות קצרות, בעיקר כתנועת ספורט ולא שרדה, וכן "השומר הצעיר ברית המועצות" אשר הובאה לחרבין על ידי דוד לסקוב (1903-1989) ב-1927 (הוא נמלט באוטה שנה מבירת המועצות אחורי מסר של חודשים, ושנה אחר כן עזב לארץ ישראל, שם שימש בתפקידים ביטחוניים). תנועה חילוצית-ישראלית, שמי שימשה בברית המועצות בשלהי מלחמת מלחמת העולם הראשונה (ואין לבבל בינה ובין תנועת "השומר הצעיר" שעדיין פעילה), קסמה לצעירים רבים. הם הקימו שלוחה ("סינית") אותה הנהיג גרא מורדכוביץ' (צבי מרומי) ובה כששים חברים (בهم מרדכי אולמרט, 1911-1998, אביו של אהוד אולמרט, מי שכיהן כראש ממשלת ישראל מאוחר יותר). רוב חברי התנועות האחרות נקלטו בבי"ר. תפוקהיה של התנועה היו שמיירת הסדר הציבורי וארגון פעילויות שונות. הם הגדירו עצם "ריביזיוניסטים", מה שמשמעותו את מאחזיהם ליזור קשרים עם מרכז בית"ר ברגה. מרגעם על האטרופות לבית"ר החלו כבר ב-1928.^[2] לפיכך, חשוב לציין שהזומה להקמת שלוחה של בית"ר בסין באח מחרבין - לא מאיומה.

חרבין הייתה בועה רוסית בסין. הנוער היהודי בחרבין השתייך לדור השני של משפחות מתבוללות, לאו דזוקא מבהינה דתית, אשר חיהם התנהלו ברוסית, והושפעו מתרבות רוסיה ותרבותו כמי שמלמדת בבית ספר רוסי. בית ספר יהודי אמן התקיים בחרבין, אבל רק לאחר שנות הלימוד הראשונות, והלכו אליו רק מיעוט מבין הילדים היהודים. ניסיונות להקים בית ספר תיכון היהודי נכשלו. חלק מיהודי חרבין ידעו אידיש והשתמשו בה. שליטה בעברית הייתה נדירה. הרוב המכريع של הקהילה היהודית בחרבין (ובsein בכלל), גם אלה שחיו בסין שנים רבות, גם לא גילה עניין מיוחד בתרבות סין, בתולדותיה, או בשפה הסינית (וגם לא בהידות). אחד הייצאים מן הכלל היה ערנואל פרת (מניה פירוטינסקי) שגד ידע סינית, הכריר את תולדות סין ותרבותה ומואחר יותר פרסם **מילון סימניות סיני-ערבי** (ירושלים: כרטא, 1995).

כל שהמהפכות הרוסיות צברה תאוצה, הנוער היהודי בחרבין, אשר חיפש דוקטרינה אלטרנטטיבית למרקסיזם-ליניאיזם, נמשך יותר ויותר לכתבי של ז'בוטינסקי. הניתוחים והפתורונות שהציגו למצב היהודים בעולם - ובארץ ישראל - נראו כחלק ניכר מיהודי סין מעשיים יותר מלה שהציגו "הציונים הכלליים". אחת המשימות של בית"ר סין הייתה לא רק למנוע נישואי תערובת והתבולות דתית, אלא גם לחסום התבולות אידיאולוגיות והשפעה של סוציאליזם וקומוניזם.^[3]

למרות שבמקורה בית"ר הייתה קתונה יותר מאשר תנועות הנוער היהודי, היא הייתה אטרקטיבית יותר לא רק לנוער היהודי, אלא גם למברגרים. אלה ראו, לא תמיד את האידיאולוגיה שלהם, אלא בעיקר את מדיניותה ופעילותה - כיעילות ומעשיות הרבה יותר. בית"ר הייתה בעלת השפעה רבה יותר ממה שניתן לשער על פי

^[2] פיסקה זאת ופרטים נוספים: ח. בן-ירוחם, **ספר בית"ר: קורות ומקורות**, כרך א': **מן העם (1923-1933)** (תל אביב: הוועד לאורטום ספר בית"ר, 1969), ע' 312-314.

^[3] תדי קאופמן, **הרות חרבין אשר בלבי** (תל אביב: איגוד יצאי סין, 2004), ע' 70.

כדי לחסום את המים הגאים ולהציג קשיים, ולהעביר אותו מבתים המוצפים. הם חילקו מי שתיה ומזון תוך שימוש בשירות משוטים יומם ולילה, והקנו לבית"ר הערכה רבה וכבוד. בית"ר מלאה תפקיד דומה בשיטפונות של טיאנג'ן ב-1939.

לאחר הייסודה, תנועת בית"ר ספגה לתוכה את כל תנועות הנוצר יהודי האחירות בסין כאחד של כולם ובעצם כתנועה היחידיה, לפוחות לזמן מה. אולם, לאחר שהתפרק, ארגון הספורט "מכבי" קם לתחייה וקלט את כל אלה שלא הזדו עמו בית"ר, מבחינה פוליטית. אף על פי כן, שתי התנועות התקיימו בשלום זו לצד זו ואך חלקו אוטם מתקני ספורט. למרות שהיעד העיקרי וארכן הטוווח של שתיהן היה הציונות וההתישבות בארץ ישראל, ובבים מבין הרביזיוניסטים אכן עזבו את חרבין והגיבו לארץ ישראל כבר בשנות החלשים, המטרה המדעית וקצתה הטוווח של כל הארגונים הייתה הגנה מפני האנטישמיות והתקופנות של רוסים לבנים נגד היהודים בחרבין. בנוסף לעיסוקיה בפעילות תרבותית בהקשר של ציונות, היסטוריה יהודית וספרות, בית"ר חנכה ב-6 ביוני 1929 את מגרש הספורט שלו במצעד מרשים בסגנון צבאי, כולל תצמורות, מדימ"ר רשמי וונופת דגליים לאומיים (סיניים). בעוד שבאיירופה (ובארץ ישראל) הפגינו הציונים איבה לריביזיוניסטים, בסין שרצו בין שני הצדדים כבוד הדדי ושיתוף פעולה. את המצעד ברק בפומבי ד"ר אברהם קאופמן (-1971), רחש הארגון הציוני בסין, כעורך העיתון *צ'יבְּרִיסְקִיה ז'ין* (ח'יט יהודים), הוא הקצה מדור דו-שבועי לבית"ר. באותו זמן הגיעו החברות בבית"ר חרבין למאתיים, ובתוך זמן קצר למאתיים וחמשים, נתנו מרשים מאד (כ-15 אחוזים), בהתחשב באוכלוסייה היהודית הקטנה בחרבין. האוכלוסייה היהודית של חרבין, שהגיעה לשיאה בשנת 1920 (כ-20,000), הצטמצמה עד

כדי 1,329 בשנת 1929, על פי נתונים רשמיים.^[7]

זמן קצר אחרי שבית"ר חרבין נוסדה, קבוצה מחכירה החליטה להגר לארץ ישראל. ב-3 בפברואר 1930 קאופמן, ראש הארגון הציוני המקומי, שיגר מכתב לפדרציה הציונית בירושלים, וביקש עשרה סטטיפיקאים (אישורי כניסה לארכ':
לפני שנתיים נסודה כאן אגדות נוער עברית ציונית, שהיתה עובדת תחילתה בשם "השומר הצער", וכעת עברה אל תחת דגלת של הסתדרות תרומפלדו. אגדה זו מונה כעט מאותם איש, וביניהם לא מעט הוא מיספר המסתורים בלבד ונפש לרענון התהיה. מתוך אגדות נוער זו יצא האחים בת 10 אנשיים, שהחליטה להשתתף בפועל בעבודת הבניין ולעלות אל ארץ ישראל על מנת להשתתקע שם בתורת חלוצים ... רצונם לעזוב את הגולה עם האפשרות הראשונה.^[8]

רבים מיהודי חרבין עזבו, מיעוטם את סין ורובם לערים אחרות בסין, בעיקר לשאנגחאי, בעקבות ההשתלטות היפאנית על מנצ'וריה ב-1931. בעוד שמספר היהודים בסין עלה ל-18,000

^[7] Liu Shuang, "Haerbin youtairen lishi huodong fenqi" [Periodization of Historical Activism of Harbin Jews], *Xueji yu Tansuo* [Study and Exploration], No. 3 (2006), p. 153.

^[8] ספר בית"ר, כרך א', ע' 313. מבין העשרה, חמישה הצליחו לעזוב ב-8 במרץ 1931: צבי מזור (גרא מורדקוביץ'), יעקב לינקן, רבקה ליאן, רבקה ליפשיץ יצחק (אייזה) סולובי.

וכתומכי מדיניות יפאן באסיה, ולפיכך נהנו מהגנה וمسلחות יפאנית.^[5] אולם אנשי בית"ר מצאו את הברוניים הרוסים-לבנים, אלה שהחריבו רכוש יהודי או ניסו להכות יהודים, והענישו אותם בחומרה. כתוצאה לכך, האלים נגד יהודים בחרבין שככה במידה ניכרת. הדבר נבע גם משינוי בעמדת היפאנית. בעקבות ההכרזה על שיתוף-פעולה מלא עם יפאן ומדיניותו הלאומית על ידי הוועידה הראשונה של העם היהודי במרחב הרחוק, שהתקנסה בחרבין בדצמבר 1937, יפאן נקטה מדיניות של הגנה על היהודים שהיו תחת שליטתה (לפחות עד שליה 1941). רוזאייבסקי סולק Kiichiro (Higuchi), ראש המשלחת הצבאית היפאנית בחרבין, לפירוק המפלגה הפוליטית הרוסית. הגנרל היפאני היה בעבר נשפח צבאי בפולין וידע מעדת הגנול טוג', מי שהיה מפקד הכוחות הומינטאריים, בויגוד לעמדת הגנול טוג', מנהיגי מנגנון **נאש פוט**, היפאנים במנצ'וריה. הפטטו של העיתון האנטיישמי **נאש פוט**, נאסרה.^[6] ב-1946 רוזאייבסקי יצא להורג במשוסקה. כאמור, היהודים בסין, ובכל זה בית"ר, שיתפו פעולה עם היפאנים, אבל בו בזמן ציפו לתובוסתם. רבים עזבו את חרבין אחרי ההשתלטות היפאנית על מנצ'וריה. הם גם השתדלו להימנע מהיכוך עם הגרמנים, בעלי בריתם של היפאנים, אך היו יצאים מן הכלל. למשל, בוריס שטיינמן (בוב), ליד חרבין 1929 שעבר לטיאנג'ן ב-1935, העלה שם באש בית החזאה לאור גורמי אשר הניף דגל צלב הקrus הנאצי. ב-1947 עבר לסידני, אוסטרליה, ועשה מפקד בית"ר ב-*New South Wales*.

לבית"ר חרבין היו מיתקנים שככלו משרדים, אולמות אגרוף והឧמלות, זירת החלקה על קרח, מסלולי ריצה ומגרשי כדורעף וכדורסל. על שלט גדול נכתב ברוסית: "נופש בריאה בגוף בריא". פעולות התגמול של בית"ר נגד חוליגנים רוסים "לבנים" ואחרים, והישגיה בתחום ספורט, זיכו אותה במוניטין מעיל ומעבר לגודלה, לא רק בקרב הקהילה היהודית, אלא גם מחוצה לה. בשנות השלושים של המאה ה-20 בית"ר הייתה למעשה תנועת הנוצר היהודית בחרבין. הctreroו אליה כמויה וחמשים חברים, מחצית מהנזר היהודי בעי. יכולותיה באו לידי ביטוי ב-1932 כאשר נهر הסונגאגרי (Songhua, בסינית Sungari) עלה על גודתו והציף את הרובע הנמוך (והישן) של חרבין. קבוצה קתונה של 50-60 חברי בית"ר בפיקודו של ליליה (לי) רביקוביץ' (אביה של המשוררת דליה רביקוביץ'), סיעה במילוי שקי חול

Ethnical Communities in Conflict 1932-1945 (Heilongjiang: Heilongjiang University, School of Western Studies, February 2008 Review," in: Rena Parkhomovskaya and Isaak Reznik (Comps. and Eds.), To the Middle East via the Far East, Russian Jewry Abroad, Vol. 19 (Jerusalem, 2009), pp. 153-173

^[5] Pamela Rotner Sakamoto, Japanese Diplomats and Jewish Refugees: A World War II Dilemma (Westport, CT: Praeger, 1998).

^[6] Chizuko Takao (Rikkyo University), "Russian-Jewish Harbin before World War II: Imperial Russian Jewish Policy and the Uniqueness of Harbin," *Bulletin Igud Yotzei Sin*, Vol. LVX, No. 408 (August-September 2012), p. 58. ראו גם Gao Bei, Shanghai Sanctuary, pp. 60-64.

הצראותית, הטקטיות שבון נקבעו היו שונות. חברי "קדימה", שהיו מתחומים יותר, התמקדו יותר בהרצאות ובפגשים, בעודם שה"רביזיוניסטים" וחברי בית"ר היו יותר מיליטנטים ומעשיים. עשר שנים אחר כך, עם פרוץ המלחמה באוקינוס השקט, הועבר מועדון בית"ר לאזור פרטני שנהרמו על ידי אחד מתומכיו (אייזה א' רונומורסקי) בשדרת ז'ופר (Joffre). אחת מהווארים לו, ליל פרנק, היגרה מאוחר יותר ל קנדה ונעשה למנהיג ארגון הנשים הציניות העולמי "הדיםה", וארגון הנשים הבינלאומי ויצו". כמו בחובבי, הפעולות הראשונות של בית"ר בשאנגחאי התרבשו לא רק על הרצאות ומפגשים, אלא גם על חינוך גופני להכנות הצעריטים לחים בארץ ישראל. בכך זכו לתמיכה רבה - בפרט בקרב הנוער, אבל גם בקרב מבוגרים אשר הדוחו "ידי בית"ר", או שהצטרפו למפלגה הרביזיוניתית קבוצת "ידי בית"ר" נוסדה ב-1932 כדי לסייע לתנועה. היא הונגה על ידי ז'ניה קורף, עם ד"ר יופה, גובי (גבאי) ובו. טופז, ונשענה על נדבותם ומסירותם של כמה מבעלי ההון היהודיים האמידים של שנאנחאי, כמו גיטה וגרישה קלענוב וסבא יאנרוב, ממנהجا המקודמים של בית"ר בדורם- מזרח סין.^[12] בנוסף לחינוך גופני וכלי, בית"ר שנאנחאי היה סניף בית"ר היחיד בעולם אשר הציע גם אימון והתנסות בתחום צבא מקצועים.

תחומים אלה התנהלו במסגרת "קורפוס המתנדבים של שנאנחאי" (Shanghai Volunteer Corps) או SVC, אשר הוקם כבר ב-1853 כדי להגן על הקהילה היהודית שנאנחאי תוך כדי מרד טאיפינג (Taiping, 1846-1850). תחילתה, בית"ר התירה לחבריה מעל גיל 18 להצטרף לדוד הבריטי ולגדוד האמריקאי של הקורפוס כבודדים. אך בקי"ז 1932, בית"ר הציעה לקורפוס ליזור מחלקה יהודית נוספת. בקשה זאת אושרה כמעט מיד ומחלקה יהודית אמונה התארגנה במסגרת הגודז הבריטי "H" ב-22 בספטמבר 1932. ב-22 במאי 1933 הועברו כל הללא-יהודים למחלקה B, ומחלקה H נותרה על טהרת היהודים ומנתה מעל ששים, רובם "וויסים"^[13] הבקUSH לחצרף היה כה גדול. שמהר מאד הוקמה מחלקה שנייה ובו-1938 מחלקה שלישית. בכך הוכשרה הקרכע להקמת פלוגה יהודית שלמה במסגרת הקורפוס ונוצרה רשותה המותנה של מועמדים להצטרף. הארבעים החצראפו גם יהודים "בגדאים" וויצו מזרח אירופה. ליחידה היהודית היה סמל מיוחד: מגן דוד ובו האותיות SVC וכן דגל צחול-לבן משלה. היא נפרשה במקומות שונים בשאנגחאי ותפקידה היה להגן על שכונות היהודים. מדי פעם פתחה באש כנגד פולשים. מטרתה הייתה לא רק הגנה ורכישת ניסיון צבאי, אלא גם לשכנע את הבריטים להעניק סוטיפיקאטים להגירה לארץ ישראל, כדי לסייע במשימות הגנה שם (הטיפול בסוטיפיקאטים הישראלי היה תחת פיקוח ההסתדרות הציונית, אשר הכינה רישיונות

^[12] ליברמן, ע"ע 120-121. Pana Samsonovitch, "Up to 1945 History ;120-121 .of Shanghai Betar," Betar Sin, p. 86

^[13] Martin Sugarman, "Hagedud Ha-Sini: The Jewish Company of the Shanghai Volunteer Corps, 1932-42," Jewish Historical Studies, Vol. 41 (2007), pp. 183-208.. Wang Jian, שני הפסכות הבאות: מבוססות על מאמר זה. ראו גם: בן-אליעזר, ע"ע 62-63 ובס. Shanghai Jewish Cultural Map (Shanghai: Brilliant Publishing, 2013), pp. 84-86..

בערך - מספר חברי בית"ר היידרדר ל-155, כ-8.0 אחוז.^[9] צוין לעיל, למורות הניגודים האידיאולוגיים והויכוחים ההיסטוריים, בין הרביזיוניסטים והציינים הכלליים שורה סולידריות בסיסית. כאשר הוקמה "המעצה הלאומית של יהודי המזרח הרחוק" ובית"ר השתתפו בהן. ב-1943 החלטה הנהגת בית"ר חרבין ובירת"ר נקבעה שלוש עדות (ב-1937-1938, ו-1939). הרביזיוניסטים לעומת מפגש לצין את זכרו של ז'ובוטינסקי, במלאת שלוש שנים למותו. כפי שנדרש, התוכנית, ובזה נאומים ושירים, הוגשה לאישור הצנזורה היפאנית. טאנאבה (Tanabe), ה"וועץ" היפאני לכהילה היהודית, סרב תחיליה לאשר את האירוע. הוא תרצה זאת בכר שז'ובוטינסקי מת באראה"ב, שהיתה נתונה במלחמה עם יפן. קאופמן ענה לו במכבת מפורט שהסביר שז'ובוטינסקי - נוגד הבריטים ובמובן זה גם נגד האמריקאים - היה בעצם בעל ברית סמי של יפן. היפאנים השתכנעו ואישרו את האירוע.^[10]

בפברואר 1936, בית"ר סין חולקה לשני איזורים, כל אחד בראשות נציג אחר. אחד כלל את סין הצפונית ומונצ'ואו (Manchuguo), מנצ'ורייה תחת הכיבוש היפאני), והآخر את סין הדרומית, כולל טיאנג'ן, שאנדונג (צ'ינגדאו וצ'אנג'ג'ו) וכן שנאנחאי.

התרחבות: בית"ר שנאנחאי

שלא כמו חרבין, אשר התושבים היהודים בה, כולל הקהילה היהודית (שמנתה כ-10,000 עד 1938 וכ-4,000 ב-1940), היו הומוגניים מבחינה תרבותית,Robem כולם יוצאי רוסיה, שנאנחאי הייתה גדולה הרבה יותר, הטרוגנית וкосמופוליטית יותר, ובמושגים היהינה נגעה באנטיישמיות. הייתה זאת יהודית (ג'וד) האסר, עדין נערה צעירה (1917-1997), אשר התודעה לתנועת בית"ר בזמן ביקור בחרבין. עם שובה כתבה לראשי התנועה בחרבין על הצורך לאorgan תא של בית"ר בשאננחאי. באותו זמן, בית"ר חרבין וההנאה באירופה כבר החליטו להקים שלוחה בשאננחאי. לה קוטוביץ', מוווקי בית"ר חרבין וטיאנג'ן, נשלח ב-1931 להקים את בית"ר שנאנחאי. המייסדים כללו גם את ראוון שלוסמן, פרד פוקס, ג'ודי האסר, מישא ליימנשטיין, שרה ומארה מרוגלב, יוסף גורין, יוליס פולדשטיין, אריך לויין, אריך גבריאל, ליאו חאנין, ד. חאנין, מ. באן, ה. אמרברג ופאנה סמסונובץ'. משרדים נ舡רכו ברחוב "הבאר המבעעת" (Bubbling Well) מס' 722, המשך רחוב נאנג'ינג המערבי במרכז שנאנחאי. כאשר נוסד הסניף ביוני 1931 הוא מנה 25 חברים. בערך באותו זמן התארגנה גם המפלגה הרביזיוניתית. כדי להרחיב את הצליפות בני הנוער, חברי בית"ר החלו ללמד בבתי הספר התיכוניים היהודיים.^[11]

כמו בחרבין, גם הרביזיוניסטים בשאננחאי היו שותפים עם ארגון "הציינים הכלליים", שהוא ידוע גם בשם "קדימה", לחזון ארוך- הטווח של התישבות בארץ ישראל והקמת מדינה עצמאית עם היהודי. בעוד שהקשרים ההדדיים ביניהם היו טובים והתמקדו ב"מעודן היהודי", שעבר לשדרת פישון (Pichon) בקונצ'סיה

^[9] בית"ר סין, 1929-1949 (ללא תאריך, ללא מקום), ע' II (עברית, רוסית ואנגלית).

^[10] קאופמן, 117-118.

^[11] חלק זה מבוסס על: Judith Ben-Eliezer, Shanghai Lost, Jerusalem Regained (Tel Aviv: Steinatzky, 1985), pp. 52-65 .. ראו גם: ליברמן,

בבית"ר חרבי. הוא הגיע לארץ ישראל ב-1935 והצטרף לאצ"ל. ב-1969 היה מארגני אירופי שנות ה-40-50 לבית"ר סין. כאשר פרצה המלחמה באירופה ב-1939, דנו חברי בית"ר שאנגחאי בשאלת האם להתנדב ולסייע לצבא הבריטי נגד גרמניה.

כמו מהם התעלמו מהעובדת שבריטניה עדין חסמה את נתיבי הבריחה של יהודים לארץ ישראל, והחליטו להתגיים לצבא הבריטי במאבק נגד הנאצים, בתקוות שיישלו לאירופה. אולם, רובם הוצבו ליחידות הצבא הבריטי באסיה. באותו זמן, לבית"ר ולרביזיוניסטים, אשר גינו את ראיית התנועה הציונית ממשתי פועלה עם הבריטים, לא הייתה מסורת מאורגנת משליהם למאבק בבריטים בסין. מאז הקמתו בשנת 1931, "הארגון הצבאי הלאומי" (אצ"ל) דגל בשימוש באלים מוגבלים (הערבים) להשתתפות עצמאוות. ב-1946 נוצר השילוב בין בית"ר, "קורפוס המתנדבים של שאנגחאי", ו"ברית הלוחמים" אשר, שימוש קרש קפיצה ומוגרת לאים עbor "הארגון" - תחילתה בסין ואחר כך בישראל.

ביטקר עזב את שאנגחאי לארץ ישראל באוקטובר 1936. עזבו גם דמויות מרכזיות אחרות כמו שרה ומירה מרגולב, לילה קווטובייך, וכן נלי ומרק יוסלביץ' (אביגעמי). עם באו לארץ ישראל ב-1935, מירה מרגולב ה策ר לبولשת הבריטית (CID) וסייע למחתרת. בין השאר הסתירה משפחתו את דוד ויזאל, ממיקמי האצ"ל, וכן ותחמושת. בעקבות רדיופות הבריטים, חזר לשאנגחאי. ב-1941 גירושה זופיטסקי (שאנון) התמנה נציג בית"ר בשאנגחאי וכן בדרכם סין. קרובי משפחתו היו מנהיגי בית"ר בטיאנגן (הוא נפטר מליבורן ב-2004). ליאו טומצ'ינסקי, איש עסקים מחרבי, העשה ראש "ידי בית"ר" ומנהיג סניף המפלגה הרביזיוניסטית, אשר נוסדה בשאנגחאי במקביל להקמת בית"ר, בעיקר בקרב הקהילה היהודית-רוסית. ב-1943 התמונה טומצ'ינסקי לראש בית"ר בדרום סין ומיכאל יוניס התמונה ראש בית"ר שאנגחאי. יאנא ליברמן התמונה מזכיר כליל של המפלגה הרביזיוניסטית.

בית"ר עדים נחשה כקבוצת החלוץ של המפלגה. כמו מפליטים היהודים שהגיעו לשאנגחאי מאירופה כבר היו חברי בית"ר בפולין, אוסטריה וגרמניה, והצטרפו מיד לבית"ר שאנגחאי. לפי הנתונים הרשמיים של משטרת שאנגחאי, מס' 15.450 בתחלת המהגרים היהודים בין 1938 ו-1941 הגיעו ל-^[14]. בתחילת 1942, אחרי שזרם ההגירה היהודית לשאנגחאי נפסק, הוחלט להקים קן שני של בית"ר בהונגקונג (Hongkou), רובע שהיה ידוע בתווך "הגטו" היהודי של שאנגחאי), שם התרכזו רוב הפליטים היהודיים אחרי שהתרחזה המלחמה באוקיינוס השקט. הקן החדש היה ממוקם בקומונה העליאנה של בית הכנסת ברוחוב ווארד (Ward), ואחר כך הועבר למשכנן נרחב יותר ברחוב ג'אנגאג'ונג (Chungking). לאחר הקמתו עמד בראשו הנס דרייר (Dreyer), בית"רי מברלין (מאוחר יותר יסד את בית"ר סידני, באוסטרליה), והוא נעזר בכמה משפחות אמידות (างן צימרמן ושפיגל) ואנשים (างן פול אדרל, רודי עדה וקורט זיידן).^[15] על פי רישומי המשטרה, א

של מועמדים להגירה. בדרך כלל במסגרת זאת הייתה קיימת הפליה נגד הרביזיוניסטים, או התעלמות מהם. כמו מחייבי היהודים של הקורפוס הצבאי הבריטים באסיה ב-1941 ואיבדו מאוחר יותר את חייהם.

בנוסף למחלקה היהודית של "קורפוס המתנדבים של שאנגחאי", ב-1935 הקימה בית"ר יחידה שנគראה "ימית", מתוך כוננה להפעיל אותה לסייע להגירה היהודית (בלט-גלאלית) לארץ ישראל. היא רכשה רצעת קרקע לא הרחק מתחנת הרכבת על שפת נהר שאנגחאי, על החוף הצפוני של המושבה הבינלאומית. ראונן שלושמן התמונה למפקד היחידה ואrik האס, אחיה של היהודית האס, התמונה למפקד שאינו קצין. רק באוגוסט 1937 הצלחה בית"ר לרכוש סירה ולהתקין מדים עם סמל מנורה על סרט הזורע על הרצעה השחורה של כבע המלחים הודיעם בזהב "ברית טרומפלדור". אולם באותו זמן התעוררו קשיים בהפעלת הייחידה והיפאים - אשר זה עתה השתלטו על שאנגחאי - החירמו במחיות את איזור הממעגן, ובכך שמו קץ ליחידה "ימית" של בית"ר. יחד עם זאת, "קורפוס המתנדבים של שאנגחאי", כולל הייחידה היהודית, המשיך להתקיים עד 1942, כאשר פורק על ידי היפאים. ב-1938 הוויטקים היהודים של קורפוס המתנדבים התקיימו במסגרת "ברית החיל" שכלה גם קצינים וחילילים יהודים שהיו שייכים בעבר לצבא הגermanי, האוסטרי, הרומי והבריטי. קשריה עם בית"ר שאנגחאי היו מבוססים על עזרה הדידית.

גם לפני שהתמונה לניציב בית"ר בשאנגחאי ובדרום סין ב-1933, חוברת (בוריס) ביטקר סייע בהקמת המחלקה היהודית ב"קורפוס המתנדבים של שאנגחאי", כסמל וסגן המפקד. ביטקר, שנולד בווינה (נוארה ב-27 ביוני 1896, לפि מידע אחר, בלובלי ב-1900), זכה, ככל שידוע בשולואה צלב גיאורגי הקדוש כhil בצבא הרוסי. אחר כך נמלט מן המהפהקהabolitionists לארה"ב וקיבל שם הקומוניסטים. בתחילת שנות העשרים היגר לארה"ב וקיבל שם אזרחות אמריקאית. מאוחר יותר חזר לשאנגחאי, התניש לפלוגה האמריקאית של "קורפוס המתנדבים", ואחר כך ליחידה היהודית שהה עתה נסודה. היו יהודים רבים ביחסות אחריות של "קורפוס המתנדבים" אבל רוב היהודים היו במחלקה היהודית והתבססו על חבריו בית"ר ומונגייה. בנוסף לביטקר הם כללו את רב טוראי דוד חנן ואת אחיו, רב טוראי ליאו חנן (שהיה צלב); רב טוראי פאנה סמסונוביץ' קווטובייך; סמל מאיה מרגולב (צלף); רב טוראי איליהו אלומרט (דוזו) (צלף); רב טוראי יוליאס פולדשטיין, טוראי אליהו אלומרט. ביטקר, סמל של אחד אולמרט ואחיו של אביו, מרדכי אולמרט). ביטקר, סמל במחלקה היהודית הראשונה, קודם לדרגת סגן (ב-26 במאי 1933) קיבל את הפיקוד על המחלקה היהודית השנייה שהוקמה ב-3 בדצמבר 1932. ב-1 ביולי 1933, אוחדו כל המחלקות היהודיות, ונודעו מז' צפוגה H.

מי שפיקד על הייחידה היה בריטי, סרן (אחר כך רב סרן) נואל ס. ג'י'קובס (Noel S. Jacobs), אשר התגיר כדי לשאת אישה יהודיה. בשנים 1937-1941 נחשה הייחידה כעליה גבוהה ביותר ב"קורפוס". ב-1939 הסכימה פולין לעורק קורס לקצינים מקצועים במיוחד עבר אצ"ל. מתוך 25 המפקדים הצעירים שנבחרו לקורס היו שלושה מיוצאי בית"ר סין. אחד מהם, שלמה לסק, היה ממייסדי

^[14] Marcia R. Ristaino, "White Russian and Jewish Refugees in Shanghai, 1920-1944, as Recorded in the Shanghai Municipal Police Files, National Archives, Washington, DC," Republican China, Vol. 16, No. 1 (November 1990), p. 63.

^[15] ליברמן, ע' 140; "בית"ר-שאנגחאי", בולטן איגוד יצאי סין (תל אביב, מרץ

והפריפריה. יחד עם זאת, כמה מבטוניים בבית"ר סין העדיפו לשמרו על עצמאותם. ז'בוטינסקי עצמו ציין, באופן חיובי, שאלאנסנדר גורביצ', עורך **הדגל** של חרבין, מעולם לא ביקש ממנו לכתוב משהו בחמש השנים הראשונות (1932-1937). לא היה בכך שום ניסיון להינתק מהתורת ז'בוטינסקי. אדרבא, יש להציג שבקבות הקרוע בין הרבייזוניים והציונים ב-1929 ו-1932, התנועה בסין נותרה נאמנה לז'בוטינסקי בעקבות.

למרות שבית"ר עסקה בספורט גם בחרבין וגם בשאנגחאי, טיאנגן, שמקומת בاميינן הדריך בין שתיהן, היא שנעשתה מרכז לתחרויות. ולמרות שהאוכלוסייה היהודית של טיאנגן הייתה קטנה מזו של חרבין ושל שאנגחאי (בין 3,000 ל-5,000), נפש בשיאה), סניף בית"ר, שהוקם על ידי קנטורוביץ' בסתיו 1931, והמלגה הרבייזונית, היו ארגונים מובילים שתורמתם פעילות היהת רבת ערך. למשימה החשובה ביותר, אימון צבאי, גויס "סמל בריטי" בעבור 50 דולר מקסיקני.^[18] אריה פרזנסקי (Prejensky), שהקים את המועצה המנהלת הראשונה של בית"ר בטיאנגן, התמנה ראש המפלגה הרבייזונית שם. מכיוון שלא יכללה להשתתף במכביה הריאונית שנערכה בתל אביב ב-1932, בית"ר סין ערכה אירוח ספורט משלחה בטיאנגן, שנקרה "בית"ר ריאדה", ב-1934. חמישים ספורטאים השתתפו באירוע אשר חשבותו חריגה מתחום הספורט בלבד: הוא הקנה לאירוע גם מסביב לעולם. הבית"ריאדה הראשונה בעולם (השנייה נערכה ב-1947 בשאנגחאי והשלישית בישראל ב-1959-1960), הייתה אירוע יוצא דופן. תנועות גדולות בהרבה מזו של בית"ר בארץ אחרות, בעיקר באירועה אבל גם בארץ ישראל, לא הצליחו לארגן אירוע דומה בהיקף זה. הוא הಡיגש את היוזמה ואת התועזה כמו גם את היכולות ואת היתרונות של הריקוק מהמורכז ומהדעה הקדומה האירופית נגד היהודים, ומשוא הפנים של הציונים נגד הרבייזוניים. ביולי-אוגוסט 1947 נערכה הבית"ריאדה השניה, הפעם בשאנגחאי. באותו זמן חרבין כבר הייתה בשליטה הקומוניסטית, של הסינים ובמיוחד של ברית המועצות, אבל כתריסר ספורטאים מבית"ר חרבין הצליחו להגיע לשאנגחאי בדרךם ולקחת חלק בתחרויות. אף על פי כן, בית"ר טיאנגן, הקטנה מושלוּה הקהילות, זכתה במספר הנקדמיות הגבוה ביותר מכלן וצאה מניצחת.^[19]

פעולות אלה ואחרות של בית"ר הצריכו כספים רבים, שגיאסו כולם בסין. הגיעו נעשה בדרך כלל במסיבות חג שנתיות ובאירועים קהילתיים; בנבדוקות אישית; ביצירת שכונות פילנתרופיות; באיסוף מאורגן של תרומות; ואפיין באמצעות היוצרים. במקרה אחד, בתוך ארבעיםDKOTות "בית"ר גיסה מספיק כספים לכיסוי כל הוצאותיה בשנתיים הבאות.^[20] רוב, אם לא כל, פעילות בית"ר בחרבין מוכנו באמצעות ליאו (לב) ציקמן, אשר בעלותו

^[18] "חדשנות מתנועת בית"ר העולמית" (מידע לקצינים, בית"ר ולנציבים), יול-אוגוסט 1931.

^[19] לברמן, ע"ג 61-66. ראש בית"ר טיאנגן היה: אריה פרזנסקי (1931-1935); משה חוטרנסקי (1940-1943); מisha Chotrensky (1935-1940); גרשא זוביטנסקי (1940-1943); אישת שטופמן (1948); ואירה שפוחמן (Shprahman, 1949).

^[20] לברמן, ע' 144.

מן חברי בית"ר בשאנגחאי ב-1940 סין העדיף לשמרו, מ-1941^[21] מאז אמצע בעקבות הפלישה הגורנית לברית המועצות ביוני, והתקפה היפאנית על פרל הרבור בדצמבר אשר דרבנה את ארצות הברית להצטרכם למלחמה, העמדה היפאנית כלפי היהודים בסין, כולל בית"ר, נעשתה עוינית יותר. התנווה בין הערים ופעילות אחרות, בכלל זה פרסום כתבי-עת יהודים, נאסרו. בכך אלה שנוצרו על ידי היפאנים אחרי 1942 היו גם כמה מנהיגי בית"ר וחבריה, בראש ובראשונה אלה שהיו בעלי מסמכים בריטיים.

התבססות: תרבות, ספורט וכספים

בית"ר סין (והמלגה הרבייזונית) פרסמו לפחות חמישה כתבי עת מאז שנות השלושים. הראשון, **הדגל** (ברוסית - גdag), יצא לאור בחרבין בروسיה, מ-15 בינואר 1932 עד ל-1 בספטמבר 1941, כדו-שבועון בערכתו של אלכסנדר גורביצי. זה היה כתב העת הראשון של תנوعת נוער יהודית במרחב הרחוק. ב��וקס פורסם מועדון בית"ר "עלון קיר" שבועי. ייחוץ בשם **השופר** (The Jewish Call) יצא לאור בשאנגחאי בروسית ובאנגלית מאוגוסט 1933 - זמן קצר לאחר רצח ארלוזרוב (בינוי). הדין בנושא זה הביא לרבייזוניים בשאנגחאי אודים נוספים. יהודית האסר וסבא יברובoff (Yabroff) ערכו את השופר, שפורסמו ונפסק ב-12 באפריל 1941, אבל חדש ב-1946 תחת השם **תגר** (ראוי בהמשך). ב-1934-1935 הוצאה בשאנגחאי רצח ארלוזרוב (בינוי). הדין בנושא זה הביא ברוסית שנקרה **צעדיינו הראשוניים** (Nashi Pervyye Shagi) בערכתו של א. לון. לפחות 21 גליונות יצאו לאור. ב-1939 (7 במרס ועד 12 באוגוסט) התפרסם בטיאנגן שבועון, ולאחר מכן דו-שבועון, בשם **קול בית"ר**, ברוסית ובאנגלית - תחילתה בערכתו של ו. א. חיימוביץ' (Galionot 1-2). לבסוף, **תגר** (במשמעות מאבק, אתגר), כתב העת של איחוד הרבייזוניים ובית"ר במרחב הרחוק, היה דו-שבועון שפורסם בשאנגחאי ברוסית ובאנגלית מ-15 במאי 1946 עד 15 בנובמבר 1948. עורכו היה יהודית האסר (אנגלית) ומיליה (מייכאל) יוניס (ברוסית). פורסמו לפחות 61 גליונות.^[22] אחריו פעלתו בית"ר בחרבין, יוניס שהה שנה בקוקה (יפאן) שם חתם על ויזות בשם הקונסול הבריטי, אשר אפשרו לו יותר מתריסר חברים בית"ר להגיע לארץ ישראל ולהצטרף למלחמת השחרור. אחר חזר לשאנגחאי שם עמד בראש בית"ר. הוא עזב לישראל ב-1949, משם לטוקיו ומשם לארצות הברית.

בעוד **תגר** פורסם בשאנגחאי, תחום התעניינות שלו נגע לפחות למאה שהתרחש בסין והרבה יותר במה שהתרחש בארץ ישראל. הוא התמקד במידיניות הבריטית ובמידע מארץ ישראל, כולל עמוד אחד שהוקדש ל"קהל ציון הלוחמת", הרדיופומפלייטים של הארגון. זאת הייתה דרך אחת להגבר על הבידוד של בית"ר סין, ועל הריחוק מהמערב. דרך אחרת הייתה למחזר ולכלול את כתבי ומאמרי של ז'בוטינסקי, אשר סמלו את הקשר בין המרכז

(1973). השפה "הרשמית" הייתה גרמנית. **ספר בית"ר**, כרך ב', ע' 994. ראו גם: Judith Ben-Eliezer, "Hongkew BETAR Ken No. 2," Betar Sin, pp. 107-108

^[21] Ristaino, p. 64..

^[22] כל המידע לעיל שאב מ: Mina Graur (Comp. and Ed.), Publications of the Revisionist Movement 1925-1948 (Tel Aviv: Jabotinsky Institute in Israel, 2000), pp. 209-211

ג'יבוטי, תעלת סואץ, פורט סעיד ובסבובו של דבר ליפו). בין הראשונים לעזוב במרס 1931 היו כמה מנהיגי בית"ר ובהם יעקב לנקין (מאוחר יותר לניר) וגרा מורדכוביץ' (אבי מרומי). הם היו לא יותר מכמה תריסרים בהשוויה לאלפי חברי בית"ר שהגיעו לארץ ישראל מארצות אחרות. מהגרי בית"ר סין היו מיעוט עזיר. אולם, הם היו לא רק פעילים מאוד בכל הארץ, אלא, יתר על כן, נעשו מפקדים ומונחים, למורות שרובם כוכלים הטרפו לארגון". אחרי שאברם תהומי, איש "ההגנה" שפרש ממנה ונעשה המפקד הראשון של "הargon", עזב שוב לטובות "ההגנה", הציונים הרציונייטים המליצו למנות את ביטקה למפקד החדש. ז'בוטינסקי הסכים, ובמצתב מ-21 במאי 1937 אישר את המינוי. ביטקה, מי שהיה נציג בית"ר בשאנגהי ובדרום סין וeson מפקד הפלוגה היהודית ב"קורפוס המתנדבים של שאנגהי", לא ידע עברית והיה חסר היכרות וניסו עם ארץ ישראל; הוא לא "הסתדר" עם חברי "הargon" ותוך זמן קצר הסתבר גם עם הרשות הבריטית. הוא הוברח מהארץ וחזר לזמן מה לתקופתו הקודם בשאנגהי. ב-1940 עזב לארצות הברית, שם מת ב-1946 (לפי מקורות אחרים, ב-1977).^[25] מרדכי אלומרט, גם הוא מסין, היה חבר הכנסת השלישי והרביעית מטעם מפלגת "חירות". אחרי שעזב את חרבן מוקדם, אברשה חנון נעשה נציג בית"ר בארצות הברית. יחד עם אלכסנדר גורבץ', שעזב לנוי יורק לריגל עסקני, התלווה ז'בוטינסקי למחנה בית"ר שם נפטר מהתקף לב ב-4 באוגוסט 1940.

11

חבר בית"ר ידוע אחר מוצאי סין היה אליהו לנקין, הוא נולד ב-1914 ברוסיה, ומשפחתו עברה לסין שלוש שנים לאחר מכן בעקבות המהפכה הבולשביקית. בגיל 16, בשנת 1930, הטרף לבית"ר ושלוש שנים אחר כך הגיע לארץ ישראל. ב-1934 הטרף לאצל' והתמונה מפקדו במחוז השומרון. במאי 1944 מלחם בגין, מפקד האצל' מדצמבר 1943, מינה אותו למפקד האצל' במחוז ירושלים. בדצמבר 1944 "ההגנה" הלשינה עליו לבריטים והוא נעצר והוגלה לאրתיריאה. הוא ברוח ממש בנובמבר 1945 במנורה שתונכנה על ידי איש בית"ר סין לשעבר, ואחרי שננדד לאDIS אבבה ומשם טס לגיבוטי, הגיע לצרפת בינוואר 1947, וקיבל את הפיקוד על האצל' באירופה. מקץ 1947 הוא היה זה שהכניס את הספינה "אלטלנה" (שהיא אחד משמות העט של ז'בוטינסקי), שהעומסה בנסיך שונשלח לארץ ישראל. בימיים נוסדה מדינת ישראל ואחרי שהספינה הגיעה לחוף הארץ התרחש עימות אלים בינה ובין כוחות צה"ל, שהסתומים בפיצוץ האניה ובכינעת חברי האצל' ב-23 ביוני 1948. עם ירידתו מהאוניה לנקין הושם בעצר מנהלי למשך חודשיים, עד ה-27 באוגוסט. אחרי שחרורו התגיס לצה"ל, עבר קורס קצינים והתמונה מפקד גדול. הוא נבחר לכנסת הראשתונה מטעם מפלגת "חירות", למד משפטים ועסק בעריכת דין. ב-1981, אחרי ניצחון ה"ליקוד" בבחירות ב-1977,^[26] התמונה שגיר בדורם אפריקה (עד 1985). הוא נפטר ב-1994.^[27] אחיו הבכור, יעקב לנקין (אחר כך לניר), גם הוא חבר בית"ר

^[25] ליברמן, ע' 35. ראו גם: "המפקדים האלמוניים של אצל'" :

<http://www.news1.co.il/Archive/0024-D-105254-00.html>

היה בית החירות הגדול ביותר לסוכר במנצ'ורייה. הוא היה יו"ש ראש ועד בית"ר, קנה עבורם מדימ, ותרם להקמת תזומות כל' הנשיפה של בית"ר חרבין.^[21] הקהילה היהודית בסין הייתה אמידה יחסית, וכמה אף היו מיליון גרים בקינה מידה עולמי, כך שכלל היה לגיס כספים לצדקה. יתר על כן, באביב 1947, מרדכי (מויטה) אלומרט, שבנו משפטו עדין חי בשאנגהי, נשלח לסין מארץ ישראל כדי להוביל מסע לגיוס כספים בשם "קרן הברזל". במהלך שהותו (חרבין כבר נשלטה בידי הקומוניזם הסיני-סובייטי), הקהילות היהודית בטיאנגין ובשאנגהי גייסו מאה אלף דולר (אצל'') שנוסף בסין ב-1946. התרומות שמשו לרכישת נשק ותחמושת באירופה, שהוטענו על "אלטלנה" - הספינה שנשלחה לישראל.^[22] בעקבות ההתקפה על "אלטלנה" בחופי ישראל, על פי הוראותו של בן גוריון, נערכה הפגנת מחאה גדולה בשאנגהי, שבה השתתפו 3,000 יהודים בקרוב, שגינו את "הקט הזה של הרג אחום".^[23]

הישגים ודמויות

אין ספק, בהשוויה לארגונים יהודים בסין, ואחר כך גם בישראל, התרומה של בית"ר הייתה ייחודית. בסין, ובמיוחד בחרבין ובצפון מזרח, ההשפעה העיקרית של בית"ר הייתה בביטחון ובגנה נגד בריוונים ונטישמים רוסים. בית"ר, על מדיה המגונים, מצעדיה הצבוניים, תזרורותיה, תזרורות הספורט שלה והתפקידיות המכוניות, הפגינה לא רק נוראות וחשיפה, אלא גם, יתר על כן, גאווה, כבוד, יוקרה ומוראל. חשוב לא פחות, בית"ר קידמה באופן מעשי ציונות, באמצעות חינוך, הרצאות, אירועים חברתיים, חגיגות של מועדים וכן - בספרו של דבר - בעידוד הגירה מוקדמת לאץ' ישראל. עבר הקמת מדינת ישראל ומלחתה השחרור שלה, כ-60 אחוזים מחברי בית"ר סין כבר הגיעו לישראל.^[24] תנאי מוקדם להצטרפות לבית"ר סין הייתה מחייבות להתיישבות בארץ ישראל.

חברי בית"ר החלו להגשים את מטרותם כבר בסוף שנות העשרים ותחילת שנות השלושים, הרבה לפני שהחלו רדיות וರיצחות שיטתיות של יהודים באירופה. התמורות הבסיסיים שלם להגירה לארץ ישראל היו לכך פזיטיביים, לא נגטיביים. שלא כמו יהודי אירופה, הם לא ברחו מכאן - לא הייתה שום סיבה לכך. הם קיבלו בשמהם סרטיפיקטים של המנדט הבריטי באמצעות פקידי הסוכנות היהודית, אשר במדינות אחרות סרובו. הנסעה הייתה יכולה להימשך כ-45 ימים, תחילת ברכבות (מחרבין למקדן, לדאיין, לטיאנגין ולשאנגהי) ולאחר מכן בספינות (משאנגהי להונג קונג, לסיאיגון, דרכן פנאנג, קולומבו,

^[21] Wang Zhijun, "Haerbin youtairen dierhao: zhengzhi renwu Liefu Jikeman shuping" [Review of Lev Zikman, No. 2 Jewish Politician in Harbin], Haerbin Xueyuan Xuebao (Journal of Harbin University), Vol. 31, No. 11 (November 2010), pp. 9-12.

^[22] ליברמן, ע' 77.

^[23] ליברמן, ע' 218.

^[24] Rena Parkhomovskaya, "'These Nestlings from the Nest of Beitar," in: Parkhomovskaya and Reznik, p. 130 (ברוסית).

א
ב
ג
ד
ה
ו
ז
י
כ
א
ד
ס
ז
ע

שנאסר על ידי הסובייטים היה יוסף הלפרין, משורר ידוע, שמת במחנה לא ידוע במוועד לא ידוע. באותו זמן כבר החריפה מלחמת האזרחים בסין בין המפלגה הקומוניסטית הסינית ובין הלאומנים, אשר עדין נחשבו כממשלת הרשות של סין.

ב-1946 נערכו בקהילה היהודית בסין בחירות לרשות הצירים לקונגרס הציוני העולמי ה-22, הראשון אחרי מלחמת העולם השנייה, שנערכ להערך באזול בין ה-9 וה-24 בדצמבר אותה שנה. בהתחשב בגודלה של הקהילה, רק שלושה צירים היו אמורים להיבחר. בראש רשות המועמדים הרבייזונייסטים עמדו יהודית האס. לכאורה לביזונייסטים לא היו שום יתרונות על פני הציונים הכלליים, אשר יכולו להציג סרטיפיקטים לעלייה, תעסוקה וסייעו כספי, המivid לניצולי השואה - הרחק מסין. מצד אחר, הציונים והסוציאליסטים היו הרבה יותר חלשים בסין, מכיוון שתנועות נוער יהודי אחרות כמעט שלא התקיימו בסין, תנوعת בית"ר משכה את רוב הצעירים - והרבייזונייסטים, את רוב המבוגרים. בסינו שאל מורים "שני אקדחים" כהן ("Two-Gun Cohen", 1887-1970), מי שהיה שומר הראש של סון יאט-סן, גורל בגואומינדאנג (המשטר הלאומי), ויד ימינו של גיאנג קאי-שק.^[28]

יהודית האס ניצחה בחירות, שתוואותה היה ייחודית, אם כי לא מפתיעות. מתוך שלושת הצירים שהוקצו לkahila היהודית בסין, הרבייזונייסטים זכו בקבילות בשניים (השני היה אלכסנדר גורביץ'), בעוד שהציונים הכלליים בקושי הצליחו לזכות באחד. היה זה ליאון אילוטוביץ' (1914-1997), מנהיג היהודים הפולנים בשאנגחאי,^[29] שהיה נציג הסוכנות היהודית במצרים הרחוק ומזכיר משרד הקונגרס היהודי העולמי בשאנגחאי. להאסר הנסעה היהיטה בעיתית.

בעוד שלאחר הצירים מסין היה דרכון אמריקאי, האס היהטה חסרת אזרחות. אך, באמצעות קשריה עם סגן שר החוץ הסיני ג'ורג' יה (George Yeh), היא הצליחה לקבל דרכון של הרפובליקה הסינית. עם דרכון זה השיגה בקלות ויזה לשוויץ (שם עמד הקונגרס להתקנס), אלא שהבריטים סיירבו לחתה לה ויזת מעבר דרך הונג קונג והוו. קרוב לוודאי שהבריטים, שהיו כנראה מודעים לרשותה האנטיבריטית, הכניסו אותה ל"ירשימה שחורה".

שוב, הוזות לקשריה, הצליחה האס עלות על מטוס של הצי האמריקאי, והחלאת את "הensus הארכון" שלא משאנגחאי לאוקינאווה, גואם, הונגלו, סן פרנסיסקו, ניו יורק, פריז - ומשם ברכבת לבאצל. היא התאכזה מהקונגרס "שנעל מבלי להשיג דבר", וניצלה את הזמן כדי להיפגש עם חברים אחרים בבית"ר וב"ארגון". בנוסף לכך רצתה לנצל את ההזדמנויות גם לבקר בארץ ישראל, אבל הבריטים שוב סיירבו לה. מבאצל נסעה לפרייז (שם הייתה ממוקמת המפקדה הבינלאומית של "הargon" ונפגשה עם שמואל אץ, נציג "הargon"). היא הציעה להקים שלוחה של "הargon" בשאנגחאי, מתוך כוונה לחבל במתוקני הצי הבריטי

^[28] Daniel S. Levi, Two-Gun Cohen: A Biography (London: St. Martin's Press, 1997).

^[29] הוא ברוח לסין אחראי הפלישה הגורנית לפולין ועקב לאחריה בآخر המלחמה. Pan Guang (Ed.), The Jews in Shanghai (Shanghai: Pictorial Publishing House, 2005), p. 69.; Jewish Telegraphic Agency, Daily News Bulletin, Vol. XXXII, No. 174 (September 9, 1965). פיסקה זאת והפיסה הבהא מבוססת על: בן-אליעזר, ע"ע 296-323.

שעצב את סין כבר ב-1931, נעשה מפקד האצל"ל באיזור הרכזיה וזכרו עקב ועסוק בעלייה הבלתי לגאלית. עם פרוץ מלחמת העולם השנייה הtagis לצבא הבריטי ושרה ססמל בגודל השני של הbrigade היהודית. אחרי הקמת המדינה, ביזמת אישר הראל ובಹסכמה בין גוריון, גויס ל"מוסד", ואחר כך התמנה קצין המינהלה (למעשה ראש אגף) ב"שירות הביטחון הכללי" (שב"כ), בדרגת המפקלה לדרגת אלף. אחר כך, באמצעות שנות ה-60, התמנה קצין הביטחון של משרד החוץ, שם פעל, בין היתר, לסיכול הריגול הסובייטי עבר מלחמת ששת הימים. מאוחר יותר התמונה אחד מיעציה האישיים של ראש הממשלה גולדה מאיר. בנו, סגן אלף אבי (אברהם) לנין, היה טייס מצטיין ומפקד טיסת המיראז'ים של חיל האויר (שהיה מיועד להיות מפקדו). מטוסו הופל מעל דמשק במלחמת ים כיפור ב-1973. למרות שעונה קשה לא גילה שם סוד ומית מעוניין. לאחר מותו זכה בעיטור "הucz" [27].

אחד מהידועים ביותר מחברי בית"ר סין היה יוסף תקוע (ששמו המקורי היה ג'ו טאקאצ'בסק). יליד פולין (1925, היום בלארוס) הוא עבר עם משפחתו לחרבין ב-1930. משפחתו, שעסכה בהוצאה רבתה בסחר בינלאומי, עברה מאוחר יותר לשאנגחאי, שם למד משפטים באוניברסיטת אורה (Université d'Aurore). הוא היה סטודנט מריך ומורה מיומן (כולל בעברית ובאנגלית), והשתתף באופן פעיל במפגשים ציבוריים של בית"ר. לפני שעזב את סין, התנטק מבית"ר והצטרף לארגון בני ברית" (שייצג הרחבה של בית"ר והרבייזונייסטים). ב-1947, בהיותו בן 22, עזב לארצות הברית, שם סיים תואר שני (מ"א) בתחום יחסי בינלאומי באוניברסיטת הארווארד. ב-1948 הגיע לישראל. את תפקידי הציבוריים החל במשרד החוץ בתפקיד משפטן ולאחר מכן כראש מחלקת שביתת הנשך. תפקידי הבאים היו ראש משלחת ישראל (בפועל) לאומות המאוחדות; שגריר בברזיל; שגריר בברית המועצות (1962-1965); סגן המנהל הכללי של משרד החוץ; ולבסוף שגריר ישראל באו"ם (1975-1976). אחרי שפרש ממשרד החוץ היה נשיא אוניברסיטת בן גוריון ואחר כך נגיד האוניברסיטה. הוא נפטר ב-1991, בן 66.

השיבה מסין

עם תבוסתה של יפאן במלחמות העולם השנייה, ב-1945, בית"ר סין חלה להתפוגג בשלבים. חרביין היהטה הראשונה לחוש בשינוי. ברגע שהסובייטים נכנסו לחרבין, שלושה ימים בלבד, לפני הכינעה היפאנית, כשי תריסרים מנהיגי הקהילה היהודית, השווים זה זהה, בראשות ד"ר אברהם קאופמן, נקראו להתאסף במלון "מודון" (בבועלות יהודית). הם שולחו לברית המועצות ונאסרו בגולאגים של סטלין. פרט לשניים, איש מהם לא חזר. קאופמן שוחרר ב-1956. בין שאר מנהיגי בית"ר חרביין שנאסרו היה מישה קהנובסקי, לשעבר ראש קרן "تل חי" של בית"ר. גם הוא הצליח לשרוד ומאותר יותר ניצל והגיע לישראל. חבר אחר של בית"ר סין

^[27] נעם לנין, "סיפור ישראלי", גלובס, 27 באפריל 2009. ראו גם קאופמן, ע' 84, וויסי מלמן, "האיש שלנו בק-ג-ב", הארץ, 20 ספטמבר 2006; איתון הבה, "כמה מלים על אבי לנין", איגוד יצאי סין, בולטן, מס' 380 (יוני-יולי 2004), ע' 39, מתוך **ידיעות אחרונות**.

Yeh Kung-ch'ao) ובנו של סון יאט-סן, עם ד"ר ג'ורג' יה (Ye Gongchao) או Ye, שר החוץ בפועל. ב-4 ביולי 1947, סון פ'ו כתוב לה: "בתשובה למכתבך, ברצוני להזכיר כי התנועה הציונית דוגלת במטרת רבת ערך. אני שמח שאחדות ותמכיתו ד"ר סון יאט-סן המנוח בתנועה הביאה לתוצאות. אהוב הדמוקרטיה אני נתון תוקף מלא להשכפותיו של אביו".^[31]

עשרה ימים אחר כך, ב-15 ביולי, המשרד הראשי של "אחדות הציונים הרביזיוניסטיים" בפריז שיגר עותק מכתבו של סון פ'ו להנחת הסתדרות הציונית בירושלים, בחתימתו של ד"ר

שמישון יאנציגן, חבר המזכירות.

מצורף בהזזה עותק מכתב שנשלח לוועד המנהל של המפלגה הרביזיוניסטית בסין על ידי סון פ'ו, סגן נשיא הרפובליקה הסינית.

בתשובה לביקשת הוועד המנהל לتمיכתו בעניין הציוני. למרות שאנו חזו נמנעים מהגזרה בחשיבות של הצהרות פוליטיות, אל לנו גם להפחית בחשיבותן, וכן יש ערך ממדרגה ראשונה לתמיכת הממשלה הסינית, שהיא אחת החברות העיקריות של האומות המאוחדות, לעניין הציוני.

המחלקה הרביזיוניסטית בסין הצליחה ליזור קשרים הדוקים עם הממשלה הסינית, באמצעות חברות הוועד המנהל הרביזיוניסטי - ג'ב' יהודית האסר, אשר השתתפה בكونגרס [הציוני] האחרון בבאוזל נציגה, ואשר מקיימת קשרים טובים עם החוגים האחראים בминистрיה הסינית ועם ראיי הציבור בסין. היא דמודות בעלת אישיות יוצאת דופן, וניתן לסייע עליה שתתקדש את כל הארגואה והעצמה שללה לכל שליחות שתוטל עליה. היא האDEM המתאים ביותר לשמש קישור בין הממשלה הסינית והסוכנות היהודית. נכון לעכשיו, נציגות של הסוכנות היהודית בסין אינה קיימת. אנחנו מציעים לפיקח שיקם קשר קבוע בין המחלקה המדינית של הסוכנות וממשלה סין ושיעשה שימוש בשירותיה

של ג'ב' האסר למטרת זאת. אם אתם מסכימים איתנו, נפנה לגב' האסר לקבל את ההסכם.^[32] ב-4 באוגוסט 1947, המחלקה המדינית של הסוכנות השיבה: "הקמת נציגות פוליטית של הסוכנות היהודית במדינת סין נמצאת כרגע בדיון בהנהלה. נכתב לכם כאשר תתקבל החלטה".^[33] מעולם לא כתבו. בעצם, נציגות של הסוכנות היהודית

יהודית האסר שלחה עותק מכתבו של סון פ'ו גם לשלחת הסינית לאום בליק סאקסס, אשר לא הצליח לשכנע את נציגה של סין, גיאנג טינג-פ'ו, Tsiang Ting-fu, Jiang Tingfu, 蔣廷黻 (1895-1965). באופן אישי, וכקדמי, כתוב ג'יאנג, הוא הביע אהדה לטיעוניה של האסר, אבל כדיلومט, ובהתחשב בחולשה

^[31] העתק של המקור בבית"ר סין, ע' 109. ראו גם: בן-אליעזר, ע' 348-349; ליברמן, ע' 164. לסון פ'ו (או סון קה, Sun Ke) היה יוס苅 חוווי יהודים. ב-17

^[32] בפברואר 1939 יצא להקצות שטח לישוב היהודי חסרי המולדת באיזור הגבול הדרומי מערבי של סין. לנוכח ההצעה, ראה: Irene Eber (Ed.), Jewish Refugees in Shanghai 1933-1947: a Selection of Documents, Archive of Jewish History and Culture, Vol. III (V&R, Göttingen, 2018), pp. 122-126

^[33] מכתב, 25 ביולי 1947, מס' 1196, הארכיון הציוני המרכזי (א"מ); מכתב, 15 ביולי 1947, מס' 47, א"מ תיק 20/2021S

^[34] מכתב, 4 באוגוסט 1947, מס' 1900, א"מ תיק S 25/2021S

באזור הרחוק. היא עצמה הטרופה ל"ארגן" ובתווך כמה ימים הצעותיה ותוכניותיו אושרו, קרוב לוודאי על ידי מוחם בגין, אשר בשלהי 1943 החליף את דוד רזיאל בראש "הארגן".

מטרת תכניתה של האס"ר הייתה להכין לבritisם כדי שיטחולו מארץ ישראל במועד שנקבע על ידי האו"ם. ואכן, חברי בית"ר שנאנחו החלו בהכנות לפעולות חבלה שאמורחות היו להפתיע את הבריטים במקומות שלא צפו. הם החלו לתכנן פעולות חבלה בשודות תעופה צבאים בסינגפור ובהונג קונג, וכן במתכני הקונסוליות הבריטיות בעירים מרכזיות בסין, בייג'ינג שנאנחו וטיאנג'ן.^[35] מיד עם שובה לשאנחהי, החלו הכנות לארגון המחרתת. רוב המגויסים לתפקידים אלה באו מבית"ר, וכמה מהפלוגה היהודית מ"קורפוס המתנדבים של שנאנחהי", כולן קצינים בעלי ניסיון צבא. עדרת הראשונים שגויסו עברו הכשרה אידיאולוגית ואיימון אינטנסיבי בנשק, כולל ירי בתחרויות חייה. היעד המתוכנן הראשון הוא משחתות בריטיות שעוגנו בנهر חאנגפו (Whampoo, Huangpu, 湯浦). שתי סיירות (ספינות) עמוסות בחומר נפץ היו אמורים לפגוע בכל אחת מהמשחתות. תוכניות דומות נעשו לשימוש בסירות טורפדו לחבלה במתכנים בקנטון (גאנגג'ואן) בדורם, ובהונג קונג - בעזרתו של מורה מהר שפק שרטוטים, מפות ומידע. שלמרות שהאנושים היו מאומנים היטב עם כלי נשק רבים, כולל רובים, מקלעים, רימונים, רימונים, חמרי נפץ ונפצים - פקודות הפעולה מעולם לא הגיעו. כידוע, בסופו של דבר, הפינוי הבריטי מארץ ישראל התרחש במועד שנקבע וכל הפעולות הצבאיות נגדמו שתוכנו בסין, בוטלו. בעת היה הזמן לנפץ פוליטית.

מאז הקמת התנועה הרביזיוניסטית בסין, ובוודאי בית"ר, לא נעשה כל ניסיון לעיר את הממשלה הרפובליקנית הסינית בגורלם של היהודים - בסין או מחוצה לה. עד אמצע שנות הארבעים, מילא לא הייתה כל משמעות לכך זה מכיוון שהרוב המכريع של הקהילות היהודית בסין חי תחת הכיבוש היפאני - וגם משומם שהממשלה "הסינית" הייתה חדלה אוניות בכל מקרה. אולם, אחרי תבוסת יפן וקניעתה, הפקה סין הרפובליקנית - לפחות מבחינה רשמית - אחות מחמש המעצות הגדלות, ממייסדות ארגון האומות המאוחדות, וחברה קבועה בMOVED הבהירון שלו. מבחינה פנימית, לעומת זאת, סין הרפובליקנית הייתה נתונה במהלך מלחמת אזרחים עם הקומוניסטים, שבה הייתה כניציב האחרון של בית"ר בסין, נסתה לקדם את מעורבותה של ממשלה הרפובליקנית הסינית בשאלת ארץ ישראל. בנוסף לכינוי מחאה המוניים והפוגנות לתמיכה בציונות ובעצמות בארץ ישראל, נישאו נאמנים ושולחו עצומות. והחשוב מכל, היא ניצלה למטרה זאת את הקשרים העסקיים המצליחים שלה, רבים מהם עם פקידי ממשלה בכירים, ואת מעמדה כיושות ראש האגף הפליטי של "אחדות הציונים הרביזיוניסטיים" בסין. האסר יירה קשר עם ד"ר סון פ'ו (Sun Fo), אז נשיא הרשות המחוקקת

^[35] "האצל" תכנן פעולות נגד יעדים בריטיים בסין, בארץ ישראל - מדיניות, ביטחון, חברות, כלכלה, מס' 189 (אוגוסט-ספטמבר 1988), ע' 47, גם בbijltein איגוד יצאי סין, מס' 299.

לחבל בספינות בריטיות בהונג קונג, סינגפור ונמלים אחרים בסין, ובמקרה שבריטניה לא תפנה את ארץ ישראל ביום שנקבע על ידי האו"ם - אן, מצד אחר, לסייע במלחתה נגד העربים בישראל. להשגת שתי המטרות, וכאשר הם עדין בסין, בית"ר החל להציגו "מאגר צנוע של נשק". מורים כהן סייע בהשגת הנשך, שככל מקלעים וחומריו נפץ לאימונים. במשר חzman גדלן כמיות הנשך והתחמושת, ולפייך גם הצורך בכיספים נוספים. כרגע, אלה גויסו מבין חברי הקהילה היהודית. אחד התורמים העיקריים שללה היה איזידור מגיד, איש עסקים מצלייה. הוא נולד בחרבון, שהה ולמד במשך ארבע שנים בעיר צ'ה-פ'ז (Zhifu, Chefoo, או Yantai), ובשנת 1940 עבר לשאנגחאי. הוא היה ידוע כאיזידור מלמותה שהיה אחד של "הארגו" והכיר את פעלותו, לא הזכיר זאת בזיכרוןוי הקצרים, מתוך זיהירות ושמירה על חשאיות.^[35] ככל הנשק שנרכשו או חסנו בדירה שכונה ב"רחוב צדדי ושולוי" (רחובות הזכיון הארפרתי לשערם (הזכיון רונולו-ר-1943).

בכוננות והזקן, הוציאו אונ' צעפון ("הסודות בלב צעפון", 1993).
כעת ונגשו ונציגו "האריגון" בסין, האסר, מרינסקי ומולר, עם גב-
סאנג צ'ינג-לינג (Song Qingling, 1893-1981), או Soong Ch'ing-
liang, אשתו השלישית ואלמנתו של סון יאט-סן שהצטרכה
אחר כך לקומוניסטים ושימשה עד מותה כסגנית הנשייה של
הרפובליקה העממית הסינית). באוטו זמן לא היה לה שם מעמד
ירושמי, ולמרות נטייתה לקומוניזם הייתה לה השפעה רבה מאוד,
וגם גילתה בעבר אהדה ליהודים.^[36] למרבה הפתעה, היא הכירה
ההיבט את המצב בארץ ישראל וידעה את השמות של מוחם בגין
יאיר שטרן. "אתם עושים מהפהה ברוחה", אמרה, "המאבק של
הציונים נגד הבריטים יביא לתגובה שרשרת נגד האימפריאלים
הבריטיים בכל מקום בעולם".^[37] מותוק אמונהה לצורך לחתת משענת
ללא"ר ארגון, גם היא ניסתה להציג כלי נשק עבורה. אך המנדט הבריטי
על ארץ ישראל כבר עמד להסתǐים, ומאבק חדש עמד להתחילה.
מכיוון שבריטניה כבר הייתה מחויבת, אפילו השתוקקה,
להסתלק מארץ ישראל ב睦וד, שוב לא היה צורך בעoulder
חבלנה נגד הבריטים במצרים. במקום זאת נעשה חינוי
אלגיס אנסים, וכי נשק, רבים ככל האפשר ולשגר אותם כדי
שישétrפו למאבק לעצמאות ישראל. חברים חדשים גויסו
בחשאי, נחשפו לאינדוקטרנציה אידיאולוגית, ועברו אימונים
צבאים (כולל בתחום שחייה, חומרני נופץ וחבלה). כל המגויסים
הוא יצאי בית'ר או חברים חדשים. אולם, רוב יהודי סין היו חסרי
נתינות, ללא דרכונים, ויזות או מסמכי הגירה. היה זה באותו זמן
כאשר עלה הרעיון לרכוש ספרינה כדי להוביל אנשים וನשק תחת

³⁵ איזדור א; מגיד, "אווי הייתי שם: נקודת המבט של קונסול הכבוד של ישראל בשנוגה; בשנים 1949-1951", ב-יונתן גולדשטיין וצ'ק שיחור (עורכים), *סיכון וישראל, מאיבה לקרויה* (ירושלים) הוצאה מאגנס, 2016, ע' 21-25. ראה גם: ליברמן, ע' 211.

^[36] "A Denunciation of the Persecution of German Progressives and the Jewish People," (Shanghai, May 13, 1933), in: Soong Ching Ling, *The Struggle for New China* (Peking: Foreign Languages Press, 1953), pp. 57-60. וכן במאמר: "China League for Civil Rights and against Hitlerism: Letter from Madame Sun Yat-sen," *Israel Messenger* (Shanghai, July 11, 1933), p. 14. תומ ליקין; תומ ציונות בנוסח סין", **הארץ** 2 (במרץ 2013).

של סיון, הוא לא יכול היה לנוקוט עמדה עצמאית. היחסים עם בריטניה היו כעת חשובים לסין ולא הייתה לו שום סיבה להרגיז את הבריטים. ובכל זאת, ואולי בגלל פניויתה של האסר, במקומ שסין תציבע נגד הצעת "תכנית החלוקה" (כפי שהתכוונה לעשות מלכתחילה), סין הייתה אחת מעשר המדינות שנמנעו. מיד כאשר התקבלה "תכנית החלוקה", ב-29 בנובמבר 1947, בית"ר ארגנה מצעד מפואר בשאנגחאי, בלוויית עצירות הקומוניסטיות ובין המפלגה הלاآומנית (סין הרפובליקנית) כבר הייתה בעצומה, מה שסייע את התעבורה היבשתית הפנימית. טיסות נעשו נוחות יותר, אבל יקרים מאד. מה שכבר קרה בבית"ר חרבין, קרה כעת גם לבית"ר טיאנג'ן אשר נתקה למעשה משאנגחאי, שהפכה כעת למרכז פעילויות בית"ר בסין. כדי לאפשר אימון צבאי מוחוץ לסין, הכרח היה לשלווח את חברי בית"ר שהו בעלי דרכונים בתוקף. ממשימה זאת הוטלה על שני חברים בית"ר צעירים, אריה (האר) מרינסקי ושמואל (סמב') מילר (Muller). שניהם היו, כאמור, של דבר,

האחראים בזמנו להקמת סניף "הארгон" בסין אחרי שובם.^[34] חלק ניכר מהיזמה שלהם הייתה פרטיו. שלא כמו רבים אחרים בקהילה היהודית בסין, שניהם החזיקו בדרכונים פולניים או אונטנטיניים הם הצליחו לשכנע את הקונסוליה האיטלקית בשאנחהי להנפיק להם ויזות, עזבו ביולי 1947 את שאנחהי והגיעו לנאפו לחודש מאוחר יותר, באמצע אוגוסט. שם הצטרפו ל"הארון", השלימו את קורס המפקדים הראשון שלו בMSGORTO, אומנו בונשך, בחומרינו נפער בעולות חבללה, ובאיידיאולוגיה, והושבעו אמונים ל"הארון". נערלו כמה דינומים על ביצוע פעולות חבלה נגד הבריטים, כולל חבל בספינות, שדות תעופה בהונג קונג ובסינגפור, ובפרט במבדוק הצף הענק הבריטי בסינגפור. לאחר הקורס באיטליה הם עברו לפריז, ומשם לקורס גונסף שנערך בגרמניה ובציגו-солובקיה. אחזרו לרומה קבלו ויזה לסין והיו אמורים לשוב דרך ארץ ישראל, הודי, בנגקוק, והונג קונג. אלא שכך לעבור דרך ארץ ישראל הם היו זוקקים לוויזת מעבר בריטית. הקונסול הבריטי שהאמין בהם פולנים, נתן להם ניירות רשמיים. אחריו שחגגו וא הגיעו, והוא, בנגקוק, והונג קונג. אללא שכך לעבור דרך ארץ ישראל הם היו זוקקים לוויזת מעבר בריטית. הקונסול הבריטי קיבל תכנית החלוקה של האו"ם ב-29 בנובמבר, הם עלו ענינה בונצ'ה. עם זאת לחיפה נשלחו לקורס מפקדי מחלקות של "הארון". כשהגיעו לתל אביב "חתחטו" על ידי "ההגנה" ונעצרו מכמה ימים. אחרי שהיא של חודשיים בארץ ישראל, במרץ 1948 נשלחו לסין לאorgan יחידה של "הארון" כדי לבצע פעולות חבלה נגד הבריטים, על פי המתווה שהוצע בעבר על ידי יהודית האסורה עם שובם לשאנחהי חחלו לאorgan עשרים תאים של "הארון" בפיקודם של יהודית האסר, טוני גאָרְטֶן ויאנה ליברמן. מול שימוש כמדריך צבאי, בנשך ואמוני שדה. מחנה אימונים הוקם בצ'אפו (Zhappu או Chapu), בערך באמצע הדרך בין שאנחהי להאנגג'ואנג. מרינסקי היה מופקד על האידיאולוגיה. השפעת יהודית האסר נציגת בית"ר בסין, ואת ליברמן כראש בית"ר, השפיעה היטב רוגשה בכל וחבי מזוח אסיה. במקביל, המפקדה מנתה אן שנאנחאי. בצדיהם נפקחות, "הארון" חכל לתכנן, מצד אחד

^[34] ליברמן, ע"ע 186-184, 209; אריה מרינסקי, **באור ובסטור** (تل אביב: עדינים, 1992) – דיעות אחרונות, ע"ע 30-22. ראו גם: אריה מרינסקי, "דפים מעבר", **זכרון ציון**, 129, ג' (1992).

רשמיים, הם חולקו לשתי קבוצות, בסך הכל שלושה-עשר חמישה ושמונה), בוגלי 20-21. קבוצה אחת הונגה על ידי מרינסקי וניתנו לה דרכונים ספרדיים מזויפים. הקבוצה השנייה, בהנהגת מולר, הייתה נתולת דרכונים. הנספח הצבאי הטרופטי בשאנგחאי, שאשתו הייתה יהודיה, ואשר גילה אהדה ל"ארגון", שכען את הקונסול (הטרופטי) לחתת לקבוצה מסמך נסעה רשמי ("Titre de Voyage", כען דרכון קולקטיבי) על ניר מכתבים רשמי של הקונסוליה (הוא פוטר מאוחר יותר). נאמר עליו שהיא "גאה" לתמוך ב"ארגון"; הטרופטים שנאו את הבריטים וניסו בדרכיהם שונות להכשיל אותם בארץ ישראל ובאזור התיכון.^[39] קבוצתו של מולר קיבלת את החותמות המתאימות מהקונסוליה העיראקית (!) בשאנגחאי, ועזבה בטיסת KLM לפורי זר בנגקוק, דלהי, קראצ'י, בירה (עיראק), מעל מצרים, עם נחיתה לא מתוכנתה בלבד. הייתה זאת טיסה ארוכה - ומסוכנת - בהתחשב בנחיתה בארצות ערביות, בזמן מלחמת השחרור (נובמבר 1948). הם הגיעו לפורי בשלום, אבל כמעט שנעצרו שם בגין המנסכים הפגומים שלהם. אולם, אחרי שהמשטרה הטרופטית שמעה את סיפורם, הם שוחררו וגם זכו לעוזר, וקיבלו מסמכים מעבר (*Passer*) מקוריים ממשרד הפנים הטרופטי. הם עלו על האניה "גנבה" ומיד עם עגינתם נשלחו להילחם במצרים בחזית הדרום. הקבוצה של מרינסקי קבלה את החותמות החדשנות שהגיעו לפורי (עמנואל פרת היה על אותה טיסה). הם עלו על הספינה "קוממיות", הגיעו בשלום לחיפה, וגם הם נשלחו לשירות הקרב בדרום. כל יצאי בית"ר "הסינים" הגיעו מאוחר יותר ונדרד בגדוד השמיני של הפלמ"ח (חטיבת הנגב), בפיקודו של חיים ברלב.^[40]

בעוד שרבים מחברי בית"ר סין הגיעו לארכזות הבריט, בדרך כלל באמצאות וזה של סטודנטים, וישראל, אלה שרצו להתיישב בקנדה או באוסטרליה, שהו שייכות לחבר העמים הבריטי, נתקלו בקשישים ואף בסירוב, בגין איבתם לבריטים. היה קל יותר להשיג דרכון סובייטי שבאזור יכולו לחזור לברית המועצות (אבל להסתכן במסר, "משמעות" ולעתים במוות), או להגיע למידנות אחרות אשר, יחד עם זאת, היו חדשות באשר לדרכון סובייטי. רבים מהם שרצו לעזוב את סין נאלצו להסתמך בשלוש שנים, עד הקמת מדינת ישראל. העליה לישראל נוהלה בידי תושביה, עד הקמתה דרכון פלאטמ"ט (PalAmt), הלשכה הארץ-ישראלית של הסוכנות היהודית באזור הרחוק בשאנגחאי (קיצור גרמנית: Palästina Amt, הלשכה "ප්ලස්තිනායිත"). היא ייצגה את ארבע-

^[39] מאיר זמיר, "המאבק החשי בין בריטניה וטרופת באזור התיכון של שנות הארבעים", **הארץ**, 25 בפברואר 2019.

^[40] מרינסקי, **באור ובכתר**, ע"ג 29-30. לרטריטים נספחים, ראו: Sam Muller, "Machal [Foreign] Volunteers from China," Jewish Communities in China, August 2002, in: <http://www.jewsofchina.org/machal-volunteers-from-china> .. הואណון את שמותיהם של 13 יצאי שאנגחאי, המשמונה בקבוצה הראשה והחמשה בקבוצה השנייה. ראו גם: מרינסקי, "דף מה עבר", **בית"ר סין**, ע"ג 128-130, ברוסית.

דגל ניטראלי, דרך תעלת פנמה ועד לארץ ישראל, תוך עקיפות המוצר הבריטי, ובכזו זאת להעביר אנשיים וכלי נשא. מימוש תוכנית זאת הצורך עוד יותר משאים, כדי לרכוש ולשפץ את הספינה, להציג את הנשק. בעיה זאת הייתה הראשה לבוא על קברניט שnitן לסגור עליו. בעיה זאת הייתה הראשה לבוא על פתרונה. במקום לחפש אדם מתאים, כדי לרכוש והציג את השירותים. ליואן ס. גולדץ'ר (Goltzer) היה תלמידה לשעבר של יהודית האסר בבית הספר, וכן בבית"ר שאנגחאי. הוא נולד ב-1922, עזב לארצות הברית ב-1942, ונעשה קברניט, תחילה בצי האמריקאי, ולאחר מכן בחברת נתיבים של אניות מותרת לנושעים בשם President Lines. הצעד השני היה השגת הכספים הנחוצים, אשר האסר批准 הצלחה לגיס. בעוד שמלכתחילה חשבה על רכישת ספינה צואת מדגם "לייטרט", מעודפי הצבא האמריקאי, אורה בפיליפינים. מחיריה היה אמן זול יחסית אך התיקונים, הציוד והטיפול היו יקרים מאוד והצריכו כספים נוספים. כדי להשיג את הנשק פנתה האסר למיניסטריון המלחמה הסיני בנאנג'ינג, תהליך קבלת החלטה וההסנות מצד סין נמשך זמן רב והאסר החליטה להמתין ולא לשלווח את הספינה רק עם מגויסים אבל ביל' נשא. בינו-תים נמשך תהליך השכנוע של הממשלה בנאנג'ינג ותוך כדי כך הבריטים עזבו והורכזה מדינת ישראל. זמינות הנשק לא הייתה עשויה. באותו זמן, אמצע צאי 1948, סין הרפובליקנית, שהייתה על סף תבוסה, הייתה מוצפת בנשק אמריקאי.

למרות זאת, או בגלל זה, הסינים החליטו לחתת לפוריקט "אור יוק" וב-18 ביוני 1948 שלחו מסה, ממון לחברת של יהודית האסר בשאנגחאי, ובו הוראה "להתකדם" ב"יצוא" של "המטען". שיירה של משאיות עם ממויות "ונכבודות" של נשא, החלה להגיע לרציף בו האניה הייתה אמורה לעגון (הסינים רצו שהספינה תגיע ברגע האחרון ותסייע במהירות כדי למונע שאלות). אלא שארבעה ימים אחר כך, ב-22 ביוני, כאשר התכנית הייתה אמורה להתבצע, הגיעו לשאנגחאי הידיעות על פרשת "אלטנה". צוכו, אוניה זאת של "הארגון" הייתה עמוסה בחברים "הארגון" ובನשא שנרכש מצרפת (בחילוקי בכיסוי הקהילה היהודית של שאנגחאי). היא עזבה את הנמל לא רוחק ממרס"י בדרכה למדינת ישראל שהזה עתה הוקמה. עם בואה הופזה וטבעה מול חופי תל אביב שהגיעו החדשנות הללו לנאנג'ינג, הרשות הסינית החליטה לסתור מעורבותם ובכך חיסלו את התכנית כולה. בפקודת אריה בן-אליעזר (בעל להעתיד של יהודית האסר) ושל מטה הארגון בפוריז, בית"ר והרביזיוניסטים בסין ערכו מסע של מלחאות והפגנות בשאנגחאי. האסר, נציגת בית"ר, החליטה כתע להשתמש בספינה כדי להביא את אנשי "הארגון" לישראל, ללא הנשק, אבל התורמים היהודים, אשר כיסו את הוצאות רכישת הספינה, נסוגו כתע מהסכמתם והעדיפו למכור את הספינה כדי להשיג בחזרה את כספם.^[38] הספינה לא יצאה.

לאור היכישון, מטה "הארגון" בטרופת החלטת כתע שחברי "הארגון" בשאנגחאי הגיעו לצרפת בטיסות מסחריות ומשם באניות לישראל. מכיוון שرك מעתים מהם היו בעלי ניירות

^[38] בן-אליעזר, ע"ג 355-369; **בית"ר סין**, ע"ג 112-110.

עוצמה ונחישות אשר חרגו מעבר לגודלם ורוחוקם. את הישגיהם ניתן להסביר בכמה דרכים. ראשית, חברי בית"ר היו בעירם תופעה עירונית, משכילים יותר ואמידים יותר. בmorah אירופה, הקהילה היהודית אמנם הייתה גדולה יותר, אבל פחות משכילה ועניהם יותר מהאקדמייה העירונית, ואשר תפמבה בדרך כלל בציונים הכלליים. בסין לא היו כמעט שום קהילות כפריות בקרב היהודים. כמו כן, שלא כמו הקהילות היהודיות במזרח - גם בארץ ישראל - היקן שהציינים והרביזיוניסטים הפגינו ענינות הדדית ולעתים הגיעו עד כדי התנסויות אלימות ובגדה - הציונים והרביזיוניסטים בסין (כולל בית"ר), חיו הרחק מהזרים המרכזים; היו מוגנים מהשלכות מלחמת העולם השנייה והשואה; וגם לא היו מודעים לירבויות האישיות בין מנהיגי המפלגות הציוניות השונות. איש ממנהיגים אלה - צ'ובטינסקי, ויצמן או בן גוריון - מועלם לא ביקר בסין והקהילות היהודיות בסין כמעט שלא נחשפו למריבותיהם הקולניות. בנסיבות אלה, הציונים והרביזיוניסטים בסין מצאו דרכים לשיטוף פועלה ולסייע הדדי בית"ר-קומים בשלום".

במשך שנים רבות, מתקני המועדון היהודי של שאנגחאי העמדו לרשות הרביזיוניסטים ובית"ר ללא תשלום. יתר על כן, הממשלה הרפובליקנית הסינית, אשר לא הכירה היבט את המצב במרזה התקיכון, ובוודאי לא בארץ ישראל והכוחות המתחרים בה, גם לא הייתה מודעת להבדלים ולניגודים בין המפלגות היהודיות השונות. הייתה מוכאה מכך, החותם של הרביזיוניסטים, ושל בית"ר, בסין היה יותרiesel ויתר מרשימים. שתי התנועות התקבלו, זכו להערכתה, הן על ידי השלטונות והן על ידי הקהילה היהודית, בדרגה גבוהה יותר מאשר באירופה, בארץות הבריטית ובארץ ישראל. כמו כן, למחרת שרוב הרביזיוניסטים וחברי בית"ר היו חילוניים לחלוין ידעו מעט>About על היהדות האורתודוקסית, הם תמיד חגגו את החגים היהודיים, הלאו לבתי הכנסת, כיבדו את הרבונim, لماذا עברית ונמנעו מנישואין תערובת.

באשר לרפובליקה של סין, ב-1 במרס 1949, שר החוץ שלה, ו צ'יה-צ'ונג (Wu Tieh-cheng) של ט'ה-צ'ונג (Tiecheng Wu) שלח מברק לישראל ובו הכרה רשמית במדינת ישראל. אלא שבתו שישה חודשים, שלטונה של הרפובליקה הסינית על הבשת הסתמי. יתכן שבית"ר סין שיחקה תפקיד מסוים בהחלפת ההכרה. אלא ש"ב-1950, כבר לא נותר שידר מבית"ר בסין.^[45] ב-9 בינואר 1950 ישראל הכרה נি�יחון המפלגה הקומוניסטית הסינית, קצת יותר משלושה חודשים אחריו נি�יחון המפלגה הקומוניסטית הסינית - אבל יחסית דיפלומטיים הוקמו רק אחרי 42 שנים, ב-24 בינואר 1992. ישראל מועלם לא הכרה ברפובליקה הסינית ולא הציעה להקים אותה בית"ר יחסים דיפלומטיים. ב-1969, במלאת ארבעים להולדת בית"ר בחובין, נערכה בישראל ועידה אשר בה השתתפו מאות חברי בית"ר מארצות שונות. באותה הזדמנות פורסם הספר **בית"ר סין**, חלקו ברוסית, חלקו באנגלית וחלקו בעברית.

^[45] Yaacov Liberman, "Achievements of Our China Betar," *Betar Sin*, p. 187.

ראש); יהודית האסר (אוגוסט 1948 עד ינואר 1949); אברהם איפלנד (ינואר עד מרץ 1949) וג'ק גראשבי' (מרץ 1949 עד דצמבר 1950).^[41] מבין חברי בית"ר שעזו את שאנגחאי, מולר, איש עסקים, עדין Chi Haotian (Chi Haotian), כאשר ביקר בישראל. יהודית (ג'די) האסר וחברי הוועד המנהל עזו את שאנגחאי בדרך האוור בקבוצה שלישית מאוחר יותר, בסוף 1948. השאר עזו באניות שנחכו על ידי הסוכנות היהודית.^[42] האניה Wooster Victory, נתפסה בדצמבר 1948, תחת פיקודו של קרוב ל-900 נוסעים, עזבה ב-24 בדצמבר 1948, ליבורן. בגנואה עלו על האניה "נגבה" והגיעו לחיפה בשלום ב-13 בפברואר 1949. אחרי שנלכדו תחת השלטון הסובייטי והסיני הקומוניסטי, רוב הקהילה היהודית של חרבין, כולל חברי בית"ר והרביזיוניסטים, פונו לישראל דרך טיאנג'אן ושאנגחאי, ב-1951. כמה תריסרים מהם,Roben, מחרבין, ומנצ'וריה, יסדו באפריל 1950 את המושב "עמיקם" למרגלות הרי שומרון לא רחוק מבניינה.

סיכום

מלכתחילה, פעולות בית"ר ומופיעיו בסין נקבעו על ידי הריחוק ממטה התנועה באירופה. לנידחות יש יתרונות (חירות בקבלת החלטות וביחסים עם ארגונים יהודים אחרים בסין וגיושות הרבה יותר), אבל גם חסרונות. הרביזיוניסטים בסין לא יכולו, למשל, להשתתף בקונגרס הרבני של איחוד הציונים הרביזיוניסטים שנערך בפראג באוגוסט 1930, והזמין את האנס ורקר מברלין לייצג אותם. יחד עם זאת הם יכולו, וגם השתתפו, בכינוס העולמי של ברית טרומפלדור (בית"ר) שהתקנס בדנציג בין 12-15 באפריל 1931. באותו זמן היו 21 סניפים בית"ר בכל העולם, אשר ייצגו 22,342 חברים, 1-556 תאים, על פי המפקד שהיה ב-1 בינואר 1931, אשר שיגרו 103 צירם. אחד משני הציונים ה"סינים" היה מרדכי אולמרט (אשר הגיע מהשתלמות קלהית בהולנד). בית"ר סין כלל אז 155 חברים, המקום ה-12 מבחן גודלו.^[43] בתחילת הכנס הוזכרה סין כאחת הארץות "היעיריות" שהשתתפו (כולל לטביה, פולין, אוסטריה, גרמניה, ליטא, וארץ ישראל).^[44] בנאות הפתיחה שלו ציין צ'ובטינסקי את סניף הגודל ביותר של בית"ר (פולין) וכן את הקטן ביותר (טיאנג'אן).

כל שהוא קטנים ונידחים, בית"ר והרביזיוניסטים בסין הפגינו

^[41] W.J. Citrin, "Chairman's Report on Activities: August 1948 – September 1951," (Hong Kong: Far Eastern Palestine Office of the Jewish Agency, August 31, 1951), Table 1.

^[42] Dalia Ofer, "The Israeli Government and Jewish Organizations: The Case of the Immigration of Jews from Shanghai," *Studies in Zionism*, Vol. 11, No. 1 (1990), pp. 67-80.

^[43] ספר בית"ר כרך א', ע"ע 183-184

^[44] Esther Stein-Ashkenazi, "Protocol of the Danzig Conference, April 12-15, 1931," *Zionism: Compendium*, No. 20 (1996), pp. 299-340 (in Hebrew).

**אנו מודים לכל מי שתמך בנו בתחום הקשות ביוטר ומשמיך לתמוך בנו היום
הוועד המנהל ומערכת ה"בולטין"**

מקבלי מלגות

25 בדצמבר 2019

אפיקstein אוסקר

אפרת קשת

אורונשטיין אבישי

ופיר אלה Mai

אבירם שירן

בן אלטבט ארזי

ביטן עומר

בוטן רות

אשכנזי מנחם

אكون שני

gilad bar

גורי נוב

גולדיינר גל

ברוש מאיה

ברגן שחר

דן דקר ירדן

גרשון אורפז

גורודסקי נטלי

גלארון נוי

גלארון ייב

וילדורוף תומר

וילדורוף עדי

ולברגומ ליטם

ווגנר זיו

הימליך אלון

נדל ליאור

לברום ליהי

וינשטין מיכל

וינקלשטיין הראל

וינקלשטיין אלעד

חכמוב נתנאלִי

חן נעמי

חוורי עדי

חוורושון מיטר

זיו חן

כהן שטי

כהן גל

ישראל עומר

יוסף אופיר

טפסס עדן

סופרבסקי תומר

נגר דולב

מקוב עפרי

מזרחי אלון

מאיר הגר

פרונביס שרון

פרידמן מיכל

פודולסקי טל

פאלאק אריאל

עווז קורל

שורץ טוהר

שורץ אמיר

קלפוס טליה

קלפוס אוריה

קלין רז

קיקוב רותם

מפגש חנוכה של יוצאי סין

ברכה, ואחריהם גב' נורית טינרי-מודען וגל פורר נשאו גם הם נאומים קצרים.

בין האורחים היה גם ד"ר אריאל בר, בנו של חבר איגוד ותיק מחרבין גרי ברובינסקי ז"ל. ד"ר בר הציג את ספרו החדש, "שירות הדראון" שעלילתו מתרחשת בחרבין של שנות ה-30 במאה הקודמת.

הזרמת וידינה כהן הופיעה בחלק המוזיקלי של הערב. ואז הולך נר חנוכה הרבעי שלאחריו החל טקס חלוקת המלגות. הראשים שהוזמנו לשולחן הנשיאות היו 12 סטודנטים מסין שלומדים באוניברסיטאות מובילות בישראל שקיבלו מלגות מאגודות יידיות ישראל – סין.

אחריהם החלו סטודנטים ישראלים לעלות לבמה לקבלת המלגות.

בסך הכל הענקו 71 מלגות, מתוכן 59 – לישראלים ו-12 לסטודנטים מסין. 40 סטודנטים קיבלו מלגות מקרן אטל דאן בארה"ב. שאר מקרן איגוד יוצאי סין: 5 מלגות לצרכו של כדי Kapoorמן הי"ר המנוח, 4- מלגות של כל אחד מהבאים: רן (רונית) וירמן, טדי פיאסטונוביץ', אלி קמה (קופילוביץ'). שתי מלגות נתרמו על ידי אילנה וגירא לסק – לצרכם של אלה ושלמה לסק ומוסיה ודני ברקוביץ' שהיו פעילים בולטם באיגוד יוצאי סין. להתראות בפגש הבא!

איגוד יוצאי סין שומר על מסורת ארוכת שנים של מפגשים בחנוכה. בשנים האחרונות התקיימו פגישות כאלה, בהן מענקות מלגות לסטודנטים – נבדים ונינים של יוצאי סין, באולם בני ציון שבמוזיאון העם היהודי – בית התפוצות (קמפוס אוניברסיטת תל אביב).

מפגש זה התקיים ב-25 בדצמבר 2019. בין המזמינים היו סטודנטים – נבדים ונינים של יוצאי סין, בני משפחותם, אורחי הכבוד וסטודנטים מסין הלומדים באוניברסיטאות בישראל. לקהל הוצע כיבוד קל. כמו תמיד בפגישות כאלה, היה נעים לפגש מקרים ותיקים באווירה נעימה, וזה הייתה הדרך הטובה ביותר לתקשר.

אירוע מרגש היה שהగיר של הרפובליקה העממית של סין בישראל מר ז'אן יונגסין הגיע למפגש, מלאה על ידי אנשי השגרירות הסינית, למורת שהיה עסוק בסידורי סיום כהונתו בתפקיד ו阖צטו למולחתו. השגריר האריך את שהותו בישראל על מנת להשתתף בטקס זה.

הגיש הרגע בו כל הנוכחים הזמינו לאולם. אורחי הכבוד – שגריר סין ג'אן יונגסין וציגת משרד החוץ הישראלי נורית טינרי-מודען, ציר-יעץ באגף אסיה-פסיפיק במשרד החוץ, י"ר איגוד יוצאי סין יוסי קלין, סגן י"ר אגדות יידיות ישראל סין גל פורר – תפסו את מקומם ליד שולחן הנשיאות.

מאנק פוליטי חסר סיכויים: טרומפלדור ביפן ובמנצ'וריה

יונתן גולדשטיין

פרופ' יונתן גולדשטיין הוא עמית מחקר במכון פרבאנקס לחקר סין של אוניברסיטת הרווארד ופרופסור אמריטוס ליחסות מזרח אסיה באוניברסיטת ווסט ג'רלד'ה בראוהא"ב. המאמר מתבסס על חיבור שהוגש ל"ועידה הדורם-مزוחית של האונדה לחקר אסיה" באוניברסיטת מיסיסיפי בינואר 2017.

תרגום מאנגלית: יוסי מילוא

להקל את מצוקתם של יהודים רוסיים. ההיסטוריונים בר קוטרמן, רותם קובנה, מירון מזרני, יוחנן פטרובסקי-שטרן ויעקב זינברג התחמקו בפועלותם של טרומפלדור בימים שבהם שbow מלכמתה ביפן.² המאמר הזה מצבב את חוויותו של טרומפלדור במצרים אסיה בתוך ההקשר הרחב של הקריירה שלו ומתרוכז בשתי שאלות: (א) מה הייתה השפעת שהייתה של טרומפלדור בקרבת יהודים מצרים, וביחד בקרב יהודים סין ומונצ'וריה? מונצ'וריה הייתה אז מחוץ בסין בשליטה חילנית של רוסיה, ולימיט נפולה ביבדי הפנים, ואחר-כך הייתה לחילק מסין הקומוניסטית. (ב) אין השפיעו חוויותו של טרומפלדור במצרים הרחוק על התנועה הציונית בכללותה? כדי להסביר על שתי השאלות אלה עליינו לבחון את שורשי האינטלקטואליים האירופיים של טרומפלדור.

נטוּרְנוֹתִים אֲצִינְיוֹת הַמּוֹקְדָּשָׁת

יוסף טרומפלדור נולד ב-1880 בפיאטיגורסק שבקרים, וכבר בגיל צעיר נmars' אל התנועה הציונית. אביו ולף, ליד פולין, שירת בתור קנטונייסט (נעර שגוייס בכפייה וקיבל הכהנה צבאית) במהלך מלחמות הבלקן של 1877, ובתוורו "יהודי מועיל" הורשה לחזות מחוץ לתחומי המושב, האזור המותר למגורי יהודים ברוסיה האירופית. חינוכו של טרומפלדור היה רוסי ולא דוקא יהודי. אחוותו הגדולה בתנצרה ואח ואחות אחרים נישאו נישואין טרורובות. יוסף קיבל ששישה חודשים של חינוך יהודי בסיסי, רק בזכות התעקשותו של אביוunganך דעותיה של אשתו. היה הסיבות מה שייהי, הוא אכן מצא זהות יהודית חילונית וחזיק בה כל ימי. בפיאטיגורסק למד טרומפלדור רפואי שיניים וקיבל את הדיפלומה שלו ב-1900. עוד בהיותו שליח נחרד מן הגל העכור של הפוגרומים האנטישמיים ששטף את רוסיה כולה. הוא נmars' אל התנועה הציונית שהיתה אז בחיתוליה, מפני שהיא לא פתרה לצרפתם של יהודי רוסיה בדמות תחיה לאומית במולדת האבות. טרומפלדור היה ממוקמיה של הרשות גובר אשוחית לא בשום מקום בזמנו.

יהודים רבים ברוסיה ניצבו מול משבר מצפוני בשאלת אם לשרת בצבאו של הצאר בימים קאלה של אנטישמיות משתוללת. צעירים רבים בגיל הגוים נמלטו מרוסיה או ערכו זמן קצר אחריו גיוסם. מהגרים רבים מרוסיה השתתפו באוטם ימים בפעילות אנטו-רוסית ואנטי-צארית מחוץ לגבולות רוסיה. ביתו נפוץ להתנגדות זאת לחסינה היה המאמץ של היהודים יצאי רוסיה באטלנטה שבגאורגיה לגיס כסף כדי לקנות משחתת לכיז'י הפני

נתח גדול מתולדותיהם התרבותיות של היהודים בעת החדשה עבר עליהם "בתוך קרבן המפלצת", ככלומר באירופה עצמה. אבל היסטורייה חשובה, אם כי ידועה פחות, יש ליהודים גם באסיה, אבל שביה ישבו יהודים מאות שנים. המהגרים הראשונים נסעו מזרחה בדרך המשי והקימו קהילה בכרכר המסחרי ק'יפינג שבסין בתקופת שושלת סונג (960-1279 לספירה). בראשית המאה התשע-עשרה חיו יהודים גם במובלעות אחרות שעסקו בסחר חוץ. רבים מהם ביחסם במקאו, גואנגג'ואו, הונג-קונג, שנגחאי וטיניג'ן. רבים מהם היו ממוצא מזרחי או אפריקני. אחרי 1898 התישבו יהודים רוסיים במנצ'וריה, בשטח שcharה חברת "מסילת הרכבת מזרח סין" של רוסיה הקיסרית. יהודים רבים נשאו במנצ'וריה בתקופת הכיבוש היפני (מנצ'וקו), וכ-18,000 יהודים ממרכז אירופה מצאו מקלט מהיטלר בשחנאי, ובמקרה פחותה גם בחרבין, בטיניג'ן, ואפילו בציג'ונציג הרחוקה, מאות קילומטרים משם במעלה נהר הניגצה. ערים שהזכו לעיל, וגם בבייג'ינג ובשנגן, יש קהילות יהודיות מושגשות גם היום.

אחד הצדדים היהודים מילדי הרים בתקופת היישוב היה אוסף של קצינים צבאיים יוסוף טרומפלדור (1820-1880) ובמנצ'ורייה בין 1900 ל-1904. טרומפלדור איבד את דרכו השמאלית במהלך מלחמת רוסיה-יפן, שניטשה בשנת 1905, ולאחר מכן עברה עלייו שנה תמיימה בשבי היפנים. בתקופה זו עזת התחזקה מחלוקת הציונית. בתור קצין בכיר השתדל טרומפלדור להפיץ את אמונו החדש בקרב יהודים אחרים. בשנים 1905-1906, בדרךו לשוב לרוסיה האירופית, השתתפה במנצ'ורייה וניסתה לעשותות נסוחות לציונות בקרב היהודים המקומיים. לימים היגר לארכ'-ישראל שבשלטונו העות'מאני, עליה לגדולה כבבא הבריטי במהלך מלחמת העולם הראשונה - שבה השתתף במערכה גליפולי - ונפל ב-1920 על הגנת המשק החקלאי תל-חי שבגליל, בה מה שחייתה אז ארץ-ישראל המנדטורית. מאוחר שהיה אב-טיפוס של "היהודי החדש", שהתיישב במולדת היהודית והgan עליה והקריב עצמו למשמעותו, היה טרומפלדור למושא הערצות של יהודים ולא-יהודים רבים בעלי תפיסות עולם שונות. בזכות מעלייו במנצ'ורייה נעשה לגיבור הצבא היהודי המהולל ביותר במחצית הראשונה של המאה העשירה. הביגורפים שלו, דוד בלצ'רקובסקי, שלומית לסקוב, פסח ליפובצקי וויסף שכתמן, התו את דרכו ועקבו אחר עמדותיו בויקוח על הדרך הנאותה

כ-125 חברים שנתקראו "בני ציון השבויים ביפן". האגודה הדפיסה עלון ביידיש וברוסית שהופיע ב-300 עותקים מדי שבוע.⁶ מכתב אל הוריו באוקטובר 1905 תיאר טרומפלדור את מחויבותו הגוברת לציונות: "מתי ידעו היהודים כאן [ברוסיה] דבר מלבד סבל ורדיפות? הגיעו שעטנו לעמוד על רגלוינו בתורם. שם, בארץ-ישראל, לא נניה תלויים באחרים; שם נחיה את חיינו שלנו."⁷ רואו לציין שאפילו בקרב היהודים שהיה חבריו לשבי של טרומפלדור, היו הציונים בגדר מיעוט אידיאולוגי. רוב עמיתיו הושיבו לדובק בהידות האורתודוקסית המסורתית, האנטישמי-ציונית, וביקשו להישאר ברוסיה.

הטפה לציונות בחרבין, 1905-1906

חוץ מפעלו של טרומפלדור במחנות השבויים יש גם ראיות למאציו להמיר לציונות אזרחים יהודים מושבי מנצ'וריה. בדצמבר 1905, לאחר שחררו מן השבי ובדרכו לרוסיה האירופית, שהה טרומפלדור זמן מה בעיר חרבין, מרכז המ撒hor של מנצ'וריה ובזה אוכלוסייה יהודית ניכרת. יהודי חרבין התישבו בה ב-1898 בתורו סוחרים שפעלו כספק החברה הרוסית הקיסרית שבנתה את מסילת הרכבת המזרחית לסין. חסינה הצארית עודדה היגרות שכאלה וקרה לתשובה להתיישב במקום שנחשב ל"מושבה רוסית בסין". כדי למשוך מתישבים, ביטלה הנהלת חברת הרכבת כמה מן הסיגים שהוטלו על היהודי רוסיה מזכרונו של תדי קאופמן המנוח, בנו של ד"ר אברם קאופמן (1855-1885), מנהיגו החילוני של יהדות חרבין, עליה, שבשנת 1971-1903 חי בחרבין כ-500 יהודים. אחרי מפלתת של רוסיה ב-1905 הctrופו לקהילה חילימ' יהודים משוחררים רבים, והם חיו בעיר בעת ביקורו של טרומפלדור. קאופמן מספר טרומפלדור "הוריצה לצעריהם היהודים על המושבות היהודיות בארץ-ישראל" וספר להם על תנויות ה'חלוץ' וה'שומר'.⁸ תנעת "החלוץ" אמן לא התאגונה רשמית עד 1918, אבל הוא מבהיר כבר בארץ-ישראל העותמאנית בשנים 1905-1906. לימים התרחבו הקהילות החלוציות בארץ-ישראל והוא ליישומים קלאיים גדולים יותר, וביחוד נודע קיבוץ דגניה, שאליו היה טרומפלדור עתיד להציג שנים אחדות לאחר מכן.

קאופמן איתו מספר כמה זמן שהה טרומפלדור בחרבין, מתי והיכן נשא את הרצאותיוומי בדיקת היה בא לשמעו אותו, אבל הוא העיר את מידת הצלחתו. טרומפלדור לא חצרך ללמד את היהודי חרבין על תלאותיהם וצרותיהם של יהודים מרצון, הם חוו אותו על בשרם. חרבין הייתה קהילה של מתישבים מרצון, שהתיישבו באיזור מרazon ומגנו מכל זכיות הארץ ולא חיפשו בקדחתנות ארץ מולדת חדשה, והעבדה הזאת הקשתה על טרומפלדור. שומעוי היו מסוגלים להזדהות עם חששותיו ודאגותיו, אבל הם חלקו על דרכי הפטרון השצע. מקצתם כבר היו בעלי נטיות סוציאליסטיות לא ציונות, אחדיה ה'בונד', הוא "האגוד הכללי של הפועלים היהודים ברוסיה, ליטא ופולין" (בגרמנ: "אַלְגָּעָמִינְעָר"). אחרים, ידישער ארבטערטער בונד אין רוסלאנד, ליטע און פולין). שכנו "פולקיסטים", העדיפו את "מפלגת העם" (בגרמנ: "פֿאַלְקְסְפֿאָרְטִיךְ"), ארגון פוליטי יהודי-רוסי שיסיד שמעון דובנוב בסנקט-פטרבורג אחרי מהפכת 1905 הוכשלת. הפלקיסטים דגלו באוטונומיה תרבותית יהודית דוברת יידיש במצרים אירופה

שתיקרא "קייניב", על שם העיר שבה אירעו הפרעות הידועות בעידוד הממשלה בשנת 1903.⁹ שלא כמו יהודים רוסים אחרים בגיל הגיס לא התישר טרומפלדור לבטחים מוסריים שכאה. אויל בחוקת החינוך שקיבלה היה נאמן לכך בכל מואzo. הוא גויס לצבא רוסיה בשנת 1902. שנה לאחר מכן, כאשר המלחמה נגד יפן עמדה לפרק בכל רגע, החליט למלא את חובתו הפטריזיטית וביקש להישלח לפורט-ארטור שבקצה חצי האיליאונג שבסין - המוזה הדרומי ביותר שהגן על שטח החכירה של רוסיה בתוככי סין).

כך נעשה טרומפלדור אחד מכ-30,000 חיילים יהודים רוסים, ששירתו את הצבא שלהם במנצ'וריה במהלך מלחמת רוסיה-יפן. הוא הוכח בכוח שהגן על עיר הנמל פורט-ארטור (כיום דילאן), שהיפנים צרו עליה. הקרב על פורט-ארטור היה הממושך והעקוב מדם בכל המלחמה, וב-7 באוגוסט 1904 נפצע טרומפלדור מרסיסי פג זורע השמאלית נקטעה מעל מרפקו. לאחר מאה ימי הלחמה בבית חולים רוסי בחר לחזור לשירותו הצבאי ולהשלימו. לדברי הירחון Israel's Messenger ("שליח ישראל"), שיצא לאור בשנהגאי באנגלית והוא כתב העת היהודי הנפוץ ביותר במדינה, פנה טרומפלדור אל מפקדו ואמר לו: "וותהה ליד אחת, אבל זו יד ימין. לפיק, מתוך רצון להשתתף בלחימה לצד עמיי כמקודם, אני מבקש מכובחו לבקש בשם שינפיקו לי חרב ואקdash".¹⁰ ולחבירו ועמיתו דוד בלצ'קובסקי אמר טרומפלדור: "אני מבטיח לך שאין בכם כלום. עד תראה איך נعبد את שודות ארץ-ישראל".¹¹ בשל שירותו המצוין, הוענקו לטרומפלדור ארבעה עיטורים בהם צלב ג'ורג' הקדוש, והוא לחיל הירחי המועוט ביותר בצבא רוסיה. אחריו כניעת פורט-ארטור נפל בשבי ונלקח למחנות השבויים המאדרה וטקאייש ביפן. המתknים האלה שכנו כ-20 קילומטר מאסאהקה וככלאו בהם כרוכ-10,000 חיילים רוסים ובهم 1,739 יהודים.

מדיניותם של היפנים להפריד בין שבויים יהודים (ובני עמים אחרים) ובין הروسים האתניים פעולה לטובתו של טרומפלדור, ככל שהעמיקה הכרתו והבנתו את האידיאולוגיה הציונית וככל שאברה מוחיבותו לקדם אותה. היפנים נהגו לפי תקנות אמנה ז'זואה משנת 1899 ותנאי החיים במחנות השבויים לא היו קשים. השבויים הורשו לכתוב ולקלם מכתבים, אם כי אלה עברו צנזורה. הם קיבלו הקצבת מזון ולא עבדו עבודות כפייה. החילימ' שההו תחת אש וצופה במצבו על פורט-ארטור, יכולו להחלים מפציעתם ולהתאושש. טרומפלדור קיבל זרוע תותבת הירושה לפועל פעילות פוליטית. האסטרטגיה הכללת שלוי היהיה מרכיבת יותר והוא לא הסתפק בקריאת חיליל הצאר לאזרז את חפצייהם ולעלות לארץ-ישראל. בשנות שבויו חזר וספר במכتبם שהיהודים הורשו לכתוב ולקלם מכתבים, גם כשהם המקובל שהיהודים פחדנים ואני נאמנים לארצם, גם כשהם סובלים מאפלה הן בשורות הצבא והן ברוסיה בכללותה. מארח שלא רצה שהציונות תוגדר כתנועה חתורנית נספת ברוסיה, קרא טרומפלדור ליהודים להביע את מחויבותם לצארים ולציונות גם יחד. מי שנתנוים בסכנה מידיית יהגרו מروسיה מיד, והאחרים ילכו בעקבותיהם במועד המתאים ובדרך מאורגנת. הוא עצמו עדיין לא היה מוכן להגר, אבל ביקש להשאיר את האפשרות הזאת פתוחה. בהסתיגיות האלה הקים טרומפלדור אגודה ציונית ובה

כתב העת זהה דיווח על חדשות מכל רחבי העולם היהודי והיה הנפוץ ביותר במצרים אסיה ובדרומה. בזכות עזרא ותומכיו היתה שנגחאי לביססה המבצעי של רשות שנטחה מערבה עד עדן, צפונה עד יוקוואמה, דרומה עד הונג-קונג וסינגפור ודרומה-מזרחה עד סורבאה וערם ובורות אחרות בא"י הוו המזרחית ההולנדית.¹³ הציונות של עזרא השפיעה אף מעט על טרומפלדור, שמחזיבתו לתנועה נבעה משורשים מזרחי-איירופיים. חז' מקמה אזכורים ב- Israel's Messenger על שירותו הצבאי של טרומפלדור במנצ'ורייה, על תקופה הרבה על ידי היפנים ועל פעילותו אחרי ששב לຮוסיה דרך מנצ'ורייה. אבל בשנות העשרים, אחרי מותו של טרומפלדור, אירע תהליך הפוך של הכרה. המנהיג הציוני אב' ז'בוטינסקי העלה על נס את הקברתו ותרומותיו ויסד תנועה חדשה בתכילת שנקראה על שמו - "ברית יוסף טרומפלדור", ובראשי תיבות בית"ר. בית"ר הפיצה את האידאלים של ז'בוטינסקי וטרומפלדור בכל רחבי העולם, וביחוד נחלה הצלחה בדרום אפריקה, באירלנד ובמרכז אירופה ומזרחה לפני השואה.

בשלחי שנות העשרים הגיעו שליחי בית"ר לסין, תחילת לחרבון ואחר כך לערים אחרות במנצ'ורייה, ולבסוג גם לטינגן'ן ולשנגחאי. בית"ר קירבה אל הציונות דור חדש של יהודי המזרח הרחוק, שבאו ממקומות שונים והחזיקו בכל מיני אידיאולוגיות.¹⁴ השאלה האם המתבקשת היא, מה נחל טרומפלדור כישלון במאפיי התעומלה שלו במצרים אסיה בימי ח'י, אבל רעיוןו השפיעו הרבה יותר בשנות השלישיים והרביעים? מצד אחד לפניו הסביר של תנועת בית"ר עצמה, שראשיתה בשנות העשרים ולשא התפשטתה הגיעה בשנות הארבעים. יאנא ליברמן, ראש סניף "דרוגה א'" של בית"ר שנגחאי, טען שהצליחה התנועה נובעת מניסיונות של מנהיגי הדור הצעיר שהושפעו מ'ז'בוטינסקי ומטרומפלדור במישרין: "עם השנים, בזמן שగורל הציונות המדינית הפליג מן המים השקטים של הצהרת בלפור אל הים הסוער של הספר הלבן, הנוגה בית"ר בסין את הקהילות היהודיות בהזדחות הגמורה עם דרישתו של העם היהודי לעצמאות ולמדינה משלה".¹⁵ לעומת זאת, גם ביל' להמעיט בחשיבות הלוחמות של הנהוג בית"ר, ברור שבשנות השלישיים והרביעים פעלת התנועה במסיבות שונות מלאה שעמדו לנוכח טרומפלדור בשנים 1904-1906. רוסיה הצארית קרסה ב-1917. בנגד לביטחון הארץ שהרגשו יהודים מנצ'קוו, בשרה המהפהכה ואחר-כך בשלטון היפנים וממשל מנצ'קוו, בימי המהפכה הקומוניסטית של מאו בשנות הארבעים סכנה ועקריה בלבד. המקומות שנחקרו למקלטי מבטחים בעין היהודים לא היו בטוחים עוד. יש עדויות שבתנאים האלה חזו של טרומפלדור מן השנים 1904-1906 התמסח ב-1948-1949. רחמה-רווז הורובי, נתינת עיראק שמשפחתה תהיה בסין מאז 1863, תיארה את הדרך שעשתה משפחתה אל הציונות. ארבעים ושלוש שנה אחרי הרצאותיו של טרומפלדור בחרבון על בני משפחתה לישראל במצ'צ' רשמי שארגנו יאנא ליברמן ומנהיגי בית"ר אחרים בחרבון, שנגחאי, דליאן וטינגן': היו חיכוכים בין יהודים ליהודים, ומקצתם לבשו צורות מכוערות. בעוד מלחמת האזרחים [בsein] משתוללת... חבו סוף-סוף שלוש קהילות היהודים [הבדאים, הרושים והמרכז-איירופים] ושיגרו בקשה משותפת אל מדינת

והתנגדו לסתואליים ולציונות גם יחד. וכך במחנות השבויים ביפן, היו רבים מייהודים חרביין דתיים או רתודוקסים והאמינו שהדרך הטובה ביותר לשמר את מסורתיהם ומנהגיהם היא להישאר בתחום רוסיה הצארית ולקוות לשיבושים חברתיים מעטים ככל האפשר.¹⁶

צינוי בן המאה העשרים-אחד יכול לטעון שהוא "בונד", "מפלגת העם" והיהדות האורתודוקסית המסורתית, לא הכירו במצוות. לתנועותיהם לא היה סיכוי להתגבר על האנטיישמיות הרוסית המשורשת. אבל בשנים 1905-1906 לא היה אפשר לפזר את אשליותיהם, בייחוד בחרבון, שהיהודים התיישבו בה מרצונם. לא עלה על דעתם לוותר על היתרונות שהקננה להם הקיסרות הרוסית ולחילופם באלימות אוטופית במקום אחר בעולם, בודאי לא בארץ-ישראל הלא-אפשרת ודלת האוכלוסים. הפוליטיקה של הקהילה הייתה עתידה להשתנות בשנים 1912-1913, עם בואם של כמה מנהיגים ציוניים כריימטיים, שגם הם העידיפו את חרביין על ארץ-ישראל, אבל שלא כמו הבונדים והפולקליסטים והאורותודוקסים, תמכו ברעין ההתיישבות בארץ-ישראל "למען אחרים". עם הפעלים הציונים האלה נימנו הוריון של תדי קאופמן, שאימצו להם את הציונות בנוסח הרצל בשנים שלמדו רפואה בשוויץ; רב' אהרון קיסלב, שלמד בישיבה בולויז'ן עם מאורות הציונות ח'ים נחמן ביאליק ואלייזר בן יהודה; וד'ר שלמה רביבוקוביץ' ואשתו חנה, סבה וסבתה של המשוררת דליה רביבוקוביץ'. כמו טרומפלדור היו גם הם עתידיים לעלות לישראל בסופו של דבר, אבל לא בשנים 1905-1906.¹⁷ לונוח עדותם של קאופמן, שהטופתוי של טרומפלדור נפל בדרך כלל על אזניהם אטומות, האם הביא טרומפלדור תועלת כלשהי לציוויליזציה רוסיה? אפשר לענות על השאלה הזאת רק אם מבאים בחשבון את מידת תפוצתה של הציונות במצרים הרחוק בשנים 1905-1906.¹⁸

השפעתו על הציונות במצרים הרחוק

מטרתו של טרומפלדור לא הייתה להציג אידיאולוגיה דווקא, אלא להוכיח את בסיסה העממי של תנועה קיימת. מובן זהה דמה לבניין זאב הרצל, שלאחר הביקור בסופיה שפקח את עיניו, ביקש להרחב את קבוצת חסידיו, שהתבססה עד אז בעיקר על יהודים אשכנזים, וכללו בה יסוד חשוב של ספרדים.

במצרים אסיה, בדרכמה ובדרום-מצרים, חז' מנצ'ורייה, כבר היינו ציינים ולהבבים רבים, עוד יותר מלבולגריה. זה עשרות שנים נקרה אהודה לציונות בקרב עדת "בני ישראל" שיצפון הזה. ב-1903 הקימו יהודים יוצאי בגדאד סניף של ההסתדרות הציונית העולמית בברומה, שהייתה אז מושבה בריטית. ב-1905, בימים שטרומפלדור הקים את קבוצת הציונות במחנות השבויים, יסד היהודי האוטטני זיגמודנד דוד לנסן אגודה ציונית בנגסאקי, שבתווך זמן קצר הייתה לסניף של ארגון האם של הרצל. מצפון לגבול סין-רוסיה, בצ'יטה, אירקוטסק, אומסק ולידויוסטוק, וממערב לשם, בבוכרה ובטשקנט, הקימו יהודים רוסים, שנמלטו מגולות הツ'אר או התיישבו במקומות האלה מרצונם, ארגונים פוליטיים שהציונות מן הסתם הייתה אחת מהם. אגודה ציונית הוקמה גם

בקרב אנשי צבא אמריקנים שהוצבו בפיליפינים.¹⁹ המאrgan ביותר מכל הגופים הציוניים האלה שזה עתה הוקמו היה הארגן שנגחאי, שיסדו יהודים יוצאי בגדאד. הוא שגשג בהנגתו הנמרצת של נסים אליאס בנימין עזרא, עורך Israel's Messenger.

^[3] Russian Jews and the War" 15; Bresler, "Harbin's" 202, 214; Slutski, "Yehudim" 115–116. Lipovetzky, Joseph, 12–13; Shickman-Bowman, "Construction" 196

^[4] Israel's Messenger, March 24, July 14, 1905; Slutski, "Yehudim" 115.

Lipovetzky, Joseph, 12–18 ^[5] דוד בלצקיובסקי, מובא מתרע'ה 18–19 ^[6] השקפותו הפוליטית והחברתית של טרומפלדור בימי שבוי באיה לידי ביטוי בדרכם וברות. חוץ מפעלו הוציאו ארכן טרומפלדור כיתות לימוד בהיסטוריה, בגיאוגרפיה ובසפרות לכ-500 חיללים יהודים. הוא אף הקים קרן לגמלות חסדים כדי להשגeli עבדה לאומנים שבקרב השבויים. את אמונו לצלאר הביע טרומפלדור בהדגשה רבבה בכתביו, שכןואה לא נקרה, שכותב ב-1905 אל ניקולאי השן: "אולי היה הכרח שוכלו ניפול בשדה הקרב Kotlerman, "Yossef" („Yossef"). ורא גם גם 47–41 (ברוסית). רואו גם Kotlerman, "Between" 41–47; Kotlerman, "Jewish POWs" Kotlerman, email to the author, March 9, 2016; "Zionism" in Singer, The Jewish Encyclopedia, Vol. 12, 680

^[7] Lipovetzky, Joseph, 12–13, 24.

Bresler, "Harbin's," 200–214; Shickman-Bowman, "The Construction," 187–197; "Siberia" in Singer Jewish Encyclopedia, Vol. 11, 317–319; "Zionism" in Singer Jewish Encyclopedia, Vol. 12, 684

^[9] Kaufman, Jews, 28–29.

^[10] Kaufman, Jews, 28–29; Rabinovitch, Jewish; Weiser, "Folkists"; Bowman, "Unwilling," 320 Shickman-Bowman, "Construction," 191; Fang, "Jews," 272

^[11] Shickman-Bowman, "Construction," 191, 196–197; Fogel, "Japanese," 99–100

עמיתו הדתי של אברהם קאופמן, רביה אהרון קיסילב, לא בא להזכיר לפני 1913.

^[12] "Zionism" in Singer, Jewish Encyclopedia, Vol. 11, 317–319; "Siberia" in Singer, Jewish Encyclopedia, Vol. 12, 684. Roland, Jews, 129

על מבשרי הציונות ראו 139–140. Herzberg, Zionist 101–139. Herberg, Zionist 101–139. על דיווחו של א. מרמורק בקונגרס הציוני השביעי (בכאל 1905) היו כמה אגדות ציניות במצריה אסיה: בשנגחאי, בהונג-קונג, בסינגפור, בפיליפינים ובונגאקי. Stenographic Protokol, 38.

^[13] Sassoon, History, 217 הרבניים הבוגדים יוסף חיים בן אליהו (1809–1833) שנודע בכינוי "בן איש חי", עובדיה סומך (1889–1823) ויעקב סופר (נולד בברגאד ב-1870, מת בירושלים ב-1935), היו בני זמנו של הרבניים בני ארופה צבי הירש קלישר (1795–1874), שמואל מוהלבר (1898–1824) ואחריהם מנהיגי תנועות "חיבת ציון" ו"חוובבי ציון". לדברי ההיסטוריונים נורמן סטילמן וביבי יהודה הרבניים הבוגדים כתבו עת יהודים מובהק, קלקטו, בארכ' ישראל. פרוטומיהם של הבוגדים וכותבי עת יהודים מובהק, קלקטו, אנגליה, חרבין, הונג-קונג, ירושלים, שנמיהו וארכות הבריות הפיצו את תמייניהם של הרבניים אלה בציונות בראשיתה.

Yehuda, "Iraqi"; Goldstein, Jewish Identities, 15–26 Stillman, Sephardic Betar in China.

^[14] Liberman, Achievements of our China Betar," 137; Liberman, Tears of Zion.

^[15] orowitz, "Growing Up", n.p.; Liberman, "Achievements", passim; Liberman, My China; Liberman, Tears

^[16] טרומפלדור היה ממבשריו, אם לא שרתוו הישירה, של הציוני המושבע נואל ג'יינקובס, סן (ולמים סן) לא יהודי בפלגונה היהודית של שנגחאי בשנות ה-1930, איש "חיל המתנדבים" מאותה העיר, שהוקם ב-1933. בסוף המלחמה באקוינוס השקט, בקלקטה, שנמיהו ומונלה, עסקו קציני הדת של צבא ארצות הברית אללוין א' פ', דיזייד זליגסון ודדיי ייברגה בהנחלת חינוך ציוני לחיליהם, וסייעו בהקמת מוסדות יהודים ותנועות נוער. כך עשה גם קצין הדת הבריטי ומפקד הטטיית ס'מ "סאנז" בלוך בקלקטה ובסינגפור, וכן קצין הדת

ישראל הצעריה. הם ביצעו מקלט מדיני לאלה שאון להם אשרה, והתגבה היהת מידית וניבאה: כולם יתקבלו בברכה, בלי יצאת מן הכלל, ומתארגנת הסעה להביא את כל הגולים הביתה. האוניה הראשונה הייתה "ווסטר ויקטור". היא הפליגה בשבועו האחרון של 1948 כשחיה מלאה ביוזדים מן המזרח הקרוב, מروسיה ומארצאות הנאצים, כולם סוף-סוף בסירה אחת, במובן המילולי ביותר של הביטוי.¹⁶

סיכום: "האב החלוץ של ישראל"

בBOR שטרומפלדור יצא למטרכה קשה, שבדרך כלל נחה כישלון, להוכיח את הציונות לכהילה אדישה, ואולי אף עונית, של יהודים רושים במצרים הרחוק. הציבור הזה, שחי בנסיבות נוחות בחביבין, לא רצה לעלות לארץ-ישראל. במידה שהקהילה הזאת אימצה לה פעילות חברתית כל עיקר, זו הייתה צרה ומוגבלת לתמורות בתוך וסיה עצמה, לפי עקרונות ה"בונד" הסוציאליסטי והמצוות התרבותי של "מפלגת העם". רבים מהם העדיפו שלא לחולל שם שניינו חברתי אלא רקם את מסורות היהודות האורתודוקסית מtower סטטוס-קוּ רופף. דומה שטרומפלדור הצליח מעט יותר בקשר החילים היהודיים שבפיקודו בימי שבי ביפן, אבל החילים האלה היו בגדר "קהל שבוי" בידיו, ואפשר לתהות אם היו נעימים לו באותה מידה אילו חי באוירטה החופשית והণינה של חרבין. העדויות על הצלחותיו – אפילו בקשר אנשי שלו – אמנים מקרים, אבל הוא יצר תקדים לפעולות ציונות של קצינים וקצינית דת יהודים ולא יהודים בשנים שבין המלחמות, ואפילו בימי מלחתם העולם השני ולאחריה.¹⁷

אין ספק שהיחסו הIAS של טרומפלדור לציונות העמיקה בימים ששירת בצבא של הצאר במצרים אסיה ובימי שבי ביפן. היא באהה לידי ביתו מלא-ב-1912, כשלעצמה לארץ ישראל שבשלטונו העות'מאני והצטרכף לקבוצת דנניה. פעילותו מאז ואילך שימשה מקור הרשותה לתנוועה שהיתה עתידה להתחזק אחרי מותו ולהשפיע על מנהיגי קהילות היהודים בסין שיצאו ממנה בשנים 1948–1949, ולהעמיד את הבסיס האידיאולוגי להופעתן ולצמיחתן בישראל של תנوعת החירות והליך. כמה ממעריציו, ובهم התנוועה הפורטסתנטית הפונדמנטלית "מקואה" ביפן, אף החקיקו לכת וראו בטרומפלדור את "האב החלוץ של ישראל".¹⁸ ההצלחה החלקית שנחל במאציו הפוליטיים ביפן ובמנצ'ורייה בשנים הראשונות של פעלותו, עלולה להעיב מעט על המיתוס בדבר הניבור קוּטוּן הד' והאיכר החלוץ, כמו שהוא בא לידי ביטוי בשיר "בגlixir בתל-ח'", גיבורו יוסף נול" ובותאיורים אחרים של אבות הציונות החלוצית.¹⁹ אבל הפרק הזה בחיו ובמאבקו הפליטי חסר היסכימים ביפן ובמנצ'ורייה מעמיד אותו בהקשר מציאותי יותר וairoופוצנטרי פחות.

הערות

^[1] על טרומפלדור, ועוד נגי הפרדota ציון" ומערכת גלפוי ראו Sugarman, "Hagedud"; Lipovetzky, Joseph, 52–63; Zion Mule Corps וראו את צלומי טרומפלדור בגלילוי בארכין מכון ז'בוטינסקי בתל אביב, ובאתר www.jabotinsky.org

^[2] ראו, למשל, את הסרט שהופיע הכת הפורטסתנטית הפונדמנטלית "Trumpeldor: Pioneering Father of Israel", ששמו "מקואה", (Brochure); ("טרומפלדור: אבי חילצ'ישראלי"); Jabotinsky Institute Museum (Brochure); Belotserkovskii, Zhizn; Cohen, History, 54, 226 n.23; Laskov, p. n.; וראו, Trumpeldor; Poznanski, Me-haye; Poleskin, Holmim, 277–302

to Abe Berman, Jerusalem, June 18, 1947, CZA; J. Strauss, Batavia, to Zionist Organization, Jerusalem, November 15, 1949, CZA 55/12.170; Pamphlet: Jewish Museum, Milwaukee. "Rabbi Dudley Weinberg 1915-1976"; 2014, n.p.; Brasz, "After," .374-376; Chakrabati, "Voices," 37; Silliman, Jewish, 63; Goldstein, Jewish Identities, 194-195

^[18] Trumpeldor: Pioneering Father of Israel.

[19] גיבור יוסף נפאל", בן שפר ורוזן, אלף מלימט, 73-75; Jabotinsky Institute Museum, 5-6, Trumpeldor, Tagebcher; Lipovetzky, Joseph; Laskov, Trumpeldor; Belotserkovskii, Zhizn, 6-7; Segev, One, 19-22; Zerubavel, Recovered, 39-47; Cohen, History, 54, 226 n. 63; Jewish POWs"/Kotlerman.,

החולדי אי' ואנדרז' זיגמן וכן לוט טירש בא' הוועד המערבי. במשאבים מזעריים ובתיאום כולל מושט עורו הנקצינים האלה את חיליהם במסגרת מאמצץ כל-עולם לישיד ולאקלם מדין יהודית חדשה. גם אם לא ביעדרין, בבחינה מעשית הם הלאו בדרך של טומופלאזה.

Sugarman, "Hagedud," 183-208; Ristaino, "New Information," 137; Kounin, Eighty-Five, 242. V-MAIL: Cpl. Joe Mogel, Manila, to Leopold Cysner, Providence, Rhode Island, March 9, 1945, Cantor Joseph Cysner Collection, Jewish Historical Society of San Diego, California; Letters: Dudley Weinberg, Chaplain, United States Army, Manila, to "friend," September 19, 1945, Cysner Collection; B. Ph. van Zaiden, Batavia, to S. Rawson, London, April 14, 1947, CZA 55/12.170; J. Strauss, Batavia, to Zionist Organization, Jerusalem, January 1, 1948, CZA 55/12.170; E. J. Seeligmann, Jewish Chaplain, Netherlands East Indies (Batavia?),

שגריר סין מר דו וויי ז"ל

פגש ראשון עם השגairy דו ווי (השני מצד שמאל)

ב-10 במרץ שמחנו לארכח את השגריר החדש של הרפובליקה העממית של סין בישראל. השגריר רק בן 58 הגיע לישראל בפברואר השנה לאחר שירות של כ-4 שנים כשגריר הארץ באוקראינה. עם הגעתו לארץ נאלץ לשחות שבועיים בבביזוד בביטו עקב הקורונה. לאחר כהונתו שמחנו לארכח את השגריר החדש.

ב-17 במאי הופתענו לשמעו שהשגריר נמצא מת בביתו בברצלונה. בן אדם צער שחייה בתחלת הקריירה הדיפלומטית שלו ועתידו עוד לפני. בין הידיעה הגיעו לאשתו ובנו שלא ליו אותו לשירותו בישראל. אגוד יוצאי סין ואגדות יידיות ישראל סין הביעו בפני "מ" השגריר מר דאי יומייג את צורם הוב על פטירת השגריר שהייתה בתחלת פעילותו בישראל.

הLER ליעולמו אבינו וסבנו האהוב

בוריס מטליין

ילד הרבין

9.1930 - 10.2019

ילדי ונכדי

לזכרם אלֵי קַמָּה (קוֹפִּילּוּבִּיךְ) ז"ל

לאלי נולדו שלושה ילדים. נחנון, איתן ויאיר. נכדי, גיא שטרן, שאלי הוא דוחה מתגייס בקרוב לצה"ל וסגור מעגל בהתגייסותו לחיל הים.

כשפרש אלֵי לפנסיה, התפונה לעסוק בדברים שאבב ועיקר זמנו הקדיש לאיגוד יוצאי סין והתקרב מאד למורשת שהנחילו לנו הורינו. בשנת 2011 יצאנו אליו, אני ואישע עוזד למסע שורשים לשנחאי ולאולן אודה, מקום הולדתה של אמא שלנו. כשהגענו לשנחאי לרוחב "אגני פאטן", ברובע הצרפתי בו גידנו, ולמולנו נשמר ולא נהרס, אליו זיהה את מקום הבית שלנו, אשר כבר לא היה קיים אך בנו עליו בבית דירות יפה בו גרים דיפלומטים. ביקרנו גם בבייה"ס שם למד עד גיל שבע, הגיל בו עליינו לישראל. ההתרגות של כלונו הייתה גוזלה מאד, להחות את המקומות עליהם סיפורו לנו הורינו.

המשכנו במסע השורשים ברכבת הטרנס-מוניגולית לאולן אודה, בירת בורטיה בסיביר, שם מצאנו את ההיסטוריה של משפחתה שלAMI, בארכzion, במווזיאון ובגליה, ציון ששופחתה האמידה, בעלת מסורת ותנתן קמח, תרמו רבות לשגשוגה של העיר. בזמן מלחמת רוסיה יפן, אביה של אמןנו, נחום קופלמן הציל את תושבי אולן אודה מרעב.

בשנת 2017, הזמננו לבקר בעיר לרגל חגיגות העיר והשתתפנו בטקסים בהם נזכר מקומה הנכבד של משפחת קופלמן בהיסטוריה של אולן אודה.

בפעילות הציורית שלו אלֵי היה מפעיל עמותת ההנצחה של צייריים שנפלו בחיל הים במלחמות ישראל, חבר הנהלה באיגוד יוצאי סין וזמ שילוח לוח שנה יהודי למשפחות יהודיות בתפוצות להידוק הקשר עם ישראל. יחד עם בית התפוצות השתתף בתכנית "קשר הרב דורי", בשיתוף עם תלמידי בית הספר ברמת אביב, בה סייר את סיפור הקהילה היהודית בסין, ואת סייר משפחתנו. טקס הסיום נערך בבית התפוצות ברמת אביב, שם גם נמצא כעת כל החומר שנאנס וככתב ע"י התלמידים. את תערוכת הצלום שערכתי בגלריות הצלום פרג' בתל אביב כחדשים לאחר מותו, הקדשתי לאלי.

אלֵי קמה היה איש ישר, צנוע, חבר נאמן וישב בקביעות ב"פרלמנטים" עם חברים מחל הים ובאיגוד יוצאי סין. הוא היה איש שקט שהעדיף עשייה במשך כל חייו.

השאר אחורי את אלמנתו נועה, שלושה ילדים ושלוש נכדות. هي זכרו ברוך.

ריקה (רבקה) הון קוֹפִּילּוּבִּיךְ

אחיו, אלֵי קמה (קוֹפִּילּוּבִּיךְ), נולד בשנת 1942 בשנחאי ונפטר ממחלת קשא באוקטובר 2019 בגיל 77. עכשווי, קרוב לשנה שהלך מאתנו, הכאב של המשפחה רק הולך ועמוק.

אמנו, אידה קופלמן, הגיעה לסין מסיביר בשנת 1927, כילדת בת 14, וחייה עם הוריה ארבע שנים בטינצין, עד שהמשפחה עברה לשנחאי. אבינו, אלכסנדר קוֹפִּילּוּבִּיךְ הגיע לשנחאי בגיל 35 ושם נפגשו ונישאו. לאבא הייתה חברת לספינות קיטור בונמל שנחאי. נולדו להם שלושה ילדים. אחותי הלו שנולדה בשנת 1940 ונפטרה בשנת 1978, ב-1942 נולד אלֵי וב-1946 נולדתי אני, רבקה.

בשנת 1949, עם עלייתו לשלטונו של מאו צה טונג, עליינו יחד עם קהילת שנחאי היהודית לישראל. היו 400 פליטים על האניה, ואחריהם שלושה חודשים הגיעו לארכץ.

שנתיים חיו עבכו. לאבוי הייתה חברת דיג קתונה שהקימים עם חברי שעלו אותו מסין, בינום אבוי של רוני ויירמן ז"ל. לאחר שנתיים עברנו לקיבוץ שודות ים וחיוינו בו במשך 5 שנים ועברנו לעיר חיפה.

אלֵי היה ילד סקרן ומוכשר שמצא מיד חברים בקיבוץ והוא אהוב על כולם. בשנות ים החלה אהבתנו לים. לאחר שעזבנו את הקיבוץ הוא התקבל בגיל 14 לבית הספר לקצינים ים בעכו, אותו סיימם בהצטיינות בשנת 1960. בצה"ל הוא התנדב לקורס חובלים ובתום הקורס התמנה לקצין מכונה. בין יתר תפקידיו בחובה ובקבוע שימש כמפקד בקורס חובלים ובשנת 1966 במקביל לשירותו סיימם לימודי בטכניון בהנדסת מכונות.

עם פרוץ מלחמת ששת הימים הגיע עם כח חיל הים לשארם אל-שייח', הרាសן מכוחות צה"ל שהגיע למקום.

בדצמבר 1969, בעקבות ה"אמברגו" בನשך שהטילה צרפת על ישראל, הגיע אליו עם צוות של חיל הים לנמל שרבורג והשתתף בשחרור הסטלים במבצע הזאתם מהצרפתים. כל העולם עקב בנשימה עצורה אחרי מבצע החילוץ, שהזיו בו סכנות רבות. בשובם לישראל מהמבצע, שנודע בשם "מבצע ספינות שרבורג" חכננו לו בחיפה בהתרוגשות גדולה.

ב-1974 התמנה לתפקיד מפקד בית"ס להנדסה בסיס הדרכה. עד שחרורו שימש כמפקד יחידת ניסויים בחיפה.

לאחר שחרורו מצה"ל, התקבל אליו מנכ"ל מפעל "אסם" בינו, ולאחר שעבר לתל אביב שימש מנכ"ל חברת "גלאס". באשדוד, חברת בת של "צים", שעסקה בייצור ותיקון מכולות.

שנות ה-50 - שנות התמימות

מאת: משה ליכטנבו

המעפילים שהגיעו לארץ באישוןليلת. חילים בריטיים ניסוelmanut את עליית המעפילים, וערכו סיורים ותספויות לאורך החוף בשעות היום והלילה.

על מנת לסלק את החילים הבריטים מהחוף, ערך כופה "פינגוון" מסיבת סוף השנה האזרחית ב-31 דצמבר 1947 אליה הוזמנו הקצינים והחילים הבריטים לבילוי ערבי מהנה. בזמן זה הגיעו כמה ספינות עם מעפילים שירדו במהירות לחוף ופזרו מיד בין יושובי הסביבה ע"י אנשי הגנה.

בעונת התיריות של הקיץ, היה כופה "פינגוון" פותח גינה לריקודים, עם תזמורות והופעה של אומניהם השונים.

הנופשים בנירה היו מבלים בגינת בית הקפה, רואים מופע של אומן ידוע ורוקדים לצלילי התזמורות. זה היה סוג הבדיקה שהיה מקובל באוטה התקופה במקום. כמונן שהיה צריך לנקוט כרטיסי כניסה למופע, ולנו הנערים לא היה כסף להז. אך הרצון לראות ולבושם אומן מפורסם הוליך לתשיות, וכל מי שיחד לא הייתה משותגת לנקוט כרטיס כניסה עמד מחוץ לנדר של הגינה, וראה את המופע מבعد לסדקם ורוחם הרבים שהיו בגדר. משום מה, מעשה זה לא נחשב אז כבלתי נורומי. בcontra זו הצלחתו לראות את האומנים המפורסמים של אותן הימים כמו: יפה ירקוני,

שורנה דמארי, צדוק סביר, ישראל יצחקי, אריק לביא ועוד...

מקום בידור נוסף היה בית הקולנוע היחיד של המושבה. הקולנוע שכן בתוך מבנה אורך וצר, אשר בימי הראשונות שימש כאורווה לסוסים. היכאות באולם היו עשויים מעץ, כך שיכולה לשמשו בונסם לקול של הסרט גם חריקה של כסאות בכל פעם שימושו היה זו בקהל. האנשים לא התלוננו ובאו בהמוןיהם לראות סרטים ווומני חדשות שהיו מקרים תמיד לפני התחלת כל סרט.

זכור, לא הייתה אז טלוויזיה ואנשים הסתפקו במאשיה. בימי הקיץ הוקמו היסטריטים בגינה הגדולה, מאחוריו המבנה של הקולנוע אשר הכילה הרבה יותר מקומות ישיבה לקהל. גם שם, ילדים בעלי תשניה סדרה פרצה בגדר והוא נכסים לגינה, מבליל שלם עברו הcartoons, לאחר התחלת ההקרנה של הסרט. בcontra זו קשה היה לסדרנים להבחין בהם, וכולם היו נהנים מהסרט, מי בתשלום וממי בעזרת התושייה... כן, היו זמנים בנירה!!!

בתחילת שנות ה-50 קלטה נהירה עלם ורבים, בעיקר ממזרח אירופה. אנו, עשר משפחות ה"סינים", התישבנו במושב צה'ל. (כיום לימן), כשבעה ק"מ צפונית לנוירה, אך את השירותים החקלאתיים כגון: בית ספר, חניון, קולנוע קיבלו ניידת המושבה.

"פלישת" העולים הפורה את המאזן הדמוגרפי של המושבה, אשר תושביה היקים היו כקיללה די סגורה מבחינה חברתית. השפה הגרמנית שלטה בבית וברחוב. באופן טבעי נוצרו שני מעמדות של תושבים במקומות: היקים הותיקים והמוסלמים יחסית, והעלים החדשניים, חסרי כל שהגיעו זה עתה והשתכנו באוהלים וצריפים בפריפריה של המושבה.

אי אפשר להגיד שהතושבים הותיקים שנאו אותנו, העולים

אני זכר בערגה וגעגעים את אותן השנים של "תחילת המדינה", שנים של תמיינות אונשתית, רוח חליצית ורצון לעובנות מולדת חדשה בארץ ישראל.

להיכן נעלמו הימים ההם? מה שנשאר זה רק זיכרונות על תקופה שבה רוב האנשים היו פוחת או יותר שווים מבחינה כלכלית וחברתית. לא היו מעמדות של עניים ועשירים מכיוון שלאף אחד לא היה כסף. אוכל הספיק לכולם ולא היו אנשים רעבים. אכן רב נשאר לפעילות חברתית ותרבותית. כמובן, לא יכולת להיכנס לחנות ולקנות ממתקים, שוקולד או בגדים כאלה ופשך. לרבות המצריכים היו תלושים ובהתאם לכך יכולת לקנות את המוצר

הمطلوب. הייתה זו "תקופת הצנע" שנמשכה עד שנת 1955. אסור היה, למשל, למקום בו ביצים באופן חופשי בשוק. כל תוכרת חקלאית הייתה חייבת להישלח ל"תנובה". לנו, במושב, היה לול תרגולות מטילות, אך אם היינו רוצחים למכור ביצים

למי שהו באופן פרטי - היו צפויים לכנס או אפילו למאסר. אך אל DAGON! עם ישראל ידע תמיד להסתדר בתקופות קשות, וגם הפעם מצאו פתרון - "השוק השחזר". הייתה נסס לחנות מכלות או חנות בגדים ומק辨 מה薨ור לנקות כמה מצריכים בלי תלושים. המוכר היה מודע קודם שוטר בסביבה, היה מצוי מוחבא את הסchorה שבקשת, ומספק לך את מבקש תמורה תשולם כפול מהמחיר הרשמי.

לא היה פשע בארץ. ילדים כמווני היו עוצרים טרומפים ללא חשש שייאנו להם משחו רע. אנשים יכולים לצאת מהבית ולא לנעוול את הדלת. לא היה מתח בטחוני כפי שיש היום. היו מדי פעם פעולות תגמול של צה"ל מעבר לגבול, אך אי אפשר להשווות זאת עם מה שקרה לנו היום במדינה.

המושבה נהירה בשנות ה-50

נהירה בשנת 1950 הייתה מושבה בעלת אוכלוסייה של כ-5000 איש, רובם ככולם "יקים", יהודים יוצאי גרמניה, אשר עלו לארץ בשנים 1935-1934 אחרי עליית הנאצים לשלטונו.

רובם היו די אמידים, בינויהם משפחות טטרואס וזיגלבק, אשר הביאו עםם אמצעים וידע שאפשר להם לפתח מפעלים במושבה. הגדרה לעשרות משפחות זיגלבק, אשר הביאה עם בית שלם מגמניה. היה זה בית מעץ, בסגנון גותי, שהורכב מחדש בתחלת שדר הגעתון, בכינסה למושבה. התושבים התפרנסו בעיקר מענף התעשייה פנסיונים קטנים עם שירות אירופאי, וגם מעבודה שכירה במפעלים שבאזור. מיעוטם עסקו גם בחקלאות ושירותי קהילה.

שני מבנים שהפכו למרכז המוקם, וקיימים עד עצם היום הזה הם: מגדל המים, ששופץ לאחרונה ומשמש כמוזיאון לאומנים של העיר, וכופה "פינגוון", השוכן ברחוב הראשי והיה פעם מקום מפגש מרכזי לתושבים, אורחים וגם לקרים וחילים של הצבא הבריטי, בזמנים של טרם קום המדינה. ותיק המקום מספרים שבתקופת ההעפלה שמשחוף נהירה כמקום עגינה לספינות

תתחפש בחג הפורים לסייעם. היוות והייתי ה"סיני" היחיד בסביבה, כולם שאלו אותי איך ומה ללבוש? איך להתנהג? האם אני מכיר שירים סיניים?

הרגשתית שכעת זו ההזדמנויות שלי להעלות את קני בעניין כל הכתה. אמרתי למורה: "כמהן שניי מכיר Shir Sini Ifah". זכרתי היטב את המנון של המפלגה הקומוניסטית הסינית: "מה יי קונצנדן, מה יי זונג זונגוא..."

ולימדתי את כל הכתה לשיר את המנון. שאלו אותי מה פירוש המילים של השיר? עניתי להם שה שיר על יידיות בין ילדים... חחה הח'ה... וכן, בחג הפורים היהודי, התחפשנו כל הכתה לילדיים סינים, עם חולוקים, כובעים סינים וצמות ארכוכות, ושרנו בלהט את המנון של המפלגה הקומוניסטית הסינית... רחמנא ליצלן.

חשיבות בלבבי: אילו מאו טסה דונג היה שומע אותנו שרים כך את המנון שלו, היה בטוח ממנה אותו בתור קונסול של כבוד בנהריה...

כל מקום יש את הדברים המייחדים אותו ממוקומות אחרים. בנהריה היה זה חוף הים והפנסיונים הקטנים ובתי החבראה, שמשכו את הנופשים לבנות את חופשותיהם במקום. כן, בחודשי הקיץ, הייתה המושבה מתמלאת בנופשים מכל חלקי הארץ, אשר היו הופכים אותה למקום סואן ורעשנ. בתיק הקפה היי פתוחים עד לשעות הקטנות של הלילה. הרחוב הראשי היה מלא בכרכרות ותותבות לסוסים, אשר היי מובילים זוגות רומנטיים לסיבוב בעיר. מכניות היי צופרות בגל פקקים שנוצרו לעיתים ברחוב הראשי. בקירות, כולם היי חים את הקץ במושבה. כל ההמולה הייתה נמשכת ארבעה חודשים לפחות בשנה. בסוף הקיץ, לאחר החגים, היי הנופשים עוזבים את המקום, והחיים היי חוזרים למסלולם הרגיל והשקטן. כל האנשים היי הולכים לנוח ולאגור כוח עד לעונת התירונות הבאה.

ואני, הילד וכנער שגדל במושבה ההזו, שהפכה בינותיים לעיר ואם בישראל, אזכור עד סוף ימי את כל החוויות שחוויות במושבה נהריה.

החדשים. אך באיזשהו מקום אפשר היה להרגיש اي נוחות מצידם, בגלל השימוש שחל באורך חיהם הסגור והשקטן. אני, הילד עולה, הרגשתי את הבדלי המעודדות ביותר שעת, מאחר והייתי עולה חדש יחידי בכתה של ילדים צברים ובוני יקים, אשר לא תמיד עזרו לי להיקלט בסביבה החדשה ובוואדי שלא הגיעו אליו לחברתם. זכר אני קווריז מכתה ג' שבת התחלתי לקבלו אוטי לחברתם. זכר אני קווריז מכתה ג' שבת התחלתי את הלימודים בארץ, ועוד לא שלטתי בשפה העברית ברמה מסוימת: המורה הסבירה בכתה על כל מיני מקורות של מים כמו: גשםים, נחלים, אגמים וכו'. לאחר ההסביר כתבה שאלה על הלוח: "יכיז נוצרת ביצה"? משום מה אף תלמיד לא הצליח בדמיון. חשבתי לתומי: "איך זה שהם לא יודעים לענות על שאלה כל כך פשוטה? הרי את הביצה מטילה התרנגולת!" הרמתי ידי ואמרתי: "את הביצה עושה התרנגולת!"

כל הכתה התפעקה מצחוק, כולל המורה. הרגשתי אויים ונורא. מזל שבאותו רגע צלצל הפעמן וכל הילדים פרצו החוצה להפסקה כשהם צוחקים וצוחלים. אני נשארתי בכתה כולל מבושים

מבלי שאף אחד יטרח להסביר לי: מה לא אמרתי בסדר? מאחר ולא היי לי חברים לשחק אתם וללמוד מהם את השפה, מצאתי לי דרך מיוחדת אין להעיר את אוצר המילים שלי בעברית. בהפסקה, היתי נתון מכח הילד או דוחף אותו ואחר כך שואל אותו: "מה עשית לך?" הילד היה צועק: "נתת לי מכח!" או "דחתת אותו!" כך למדתי שני פעילים חדשים בעברית. בפעם אחרת משכתי ילד בשערות. הילד צעק: "מה אתה מושך אותי בשערות?" - כך למדתי עוד פועל אחד.

עד מהרה התלוננו הילדים בפני המנהל, שהוא יקה נהמד אשר קרא לי לשילה לחדרו. הסבירתי לו בעברית קלה מדוע אני עושה את זה והוא דזוקא שיבח אותי על התושייה, אך כמהן גם זההיר אותי לא להפסיק "ללמוד" עברית בצוורה זו. הוא חזר איתי לכתה, והסביר לכל הילדים שיש לעזור לי להיקלט בבית הספר ולעזר לי בלימוד השפה, בכך שישתפו אותו במשחקים ופגינו אליו יחס חיובי.

מעמידי בכתה השתפר בהרבה כאשר הוחלט שככל הכתה

**יוצאי סין בארץ ובעולם,
תרמו להמשן פעילות איגוד יוצאי סין**

**ניתן לתרום באמצעות צ'ק לכתובת של האיגוד:
הברזל 31 תל אביב 6971045
או באמצעות העbara בנקאית
לחשבון מס' 182148 סניף 528 בנק מזרחי טפחות (20)**

באגדה יוצאי סין ואגדות ייחדות ישראל-סין

**מימין לשמאלי: אלכס נחומסון, יקי מטלון, יוסי קלין,
ג'אן וונגסן, ורדה פריבר זוסמן**

אחרי 5 שנים, ב-**2019.12.4** סין יונקונג צהיר כי שגריר סין בישראל יצא בדצמבר 2019. במהלך שנים אלו נוצרו יחסי דידות בין שגריר ואנשי שגרירות סין בישראל לבין חברי אגוד יצאי סין וארגוני דידות ישראלים. לכבוד השגריר היוצא בהשתתפות נציגי שגרירות סין וחברי וועדת המנהל של העמותות. יוסי קלין, י"ר אגוד יצאי סין הגיש ל- Mr. Zhan Yongxin מכתב פרידה למצורת.

ממין לשמאלי: משה ליכומנוב, אבי פודולסקי, ורדה פריבר זוסמן, ג'אן יונגסן וארכון זוסמן

יעוסי קלין, יוער האיגוד וגן יונגסן, שגריר סין

בשנה שUberה התקיימה מדי חדש במשרדי אגד יוצאי סין מפגשי חברים שקבעו להם "פרלמנט". באחד המפגשים, אשר התקיים ב-13.09.2019, אליל גדור, חבר ותיק באגד שיתף את המשתתפים בחוויתם מ"מעש שורשים" בסביב.

ב-2019.9.26 אריח שגairy סין בישראל מר גיאן יונגסין את נציגי אגד יוצאי סין ואגודות יידיות ישראל-סין, לארוחת ערב לכבוד חג מצ'ז סתיו אחד החגים החשובים בסין.

הערב עבר באוירה נעימה ובסימן חיזוק הקשר בין העמותות והשגרירות. מיחודת שמסמלות את החג הוגשה ארוחת ערב בסגנון מסורתי כולל עוגיות "מן קי'ק" יוסי קלין הגיע תשורה- מזכרת לשגריר باسم העמותות.

פרק ג' אוניברסיטאות ומוסדות מחקר

ג-2019.11.26 התקיימה הרצאתו של עוז'ד גל פורה, סגן י"ר אגדת ידידות ישראל סין שעסקה בשאלת "מלחמת הסחר סין-ארה"ב או המלחמה הקורה?". המרצה ציין את ההשלכות הגלובליות של מלחמת הסחר הוניתות במגזרים שונים ובאזורים אוניברסיטאים אקדמיים.

עו"ד גל פורר עבד וחוי בסין בשנים 1998-2012, כiom ח' בישראל, שותף מנהל של חברת הייעוץ העסקית Asia-Viz המתמחה בשוק הסיני ומרצה בנושאי משפט, כלכלה ועסקים בסין ומסגרות אקדמיות וממשלתיות.

ויסי קלמין, ייר האיגוד ופרופ' לי שושיאו

ב-19.12.2019 התקיימה בבית תרבות סין, הרצאתו של פרופ' לי שושיאו שמכור ליצאי חרבין בשם גישה שהגען לישראל כחבר במשלחת מדעית מוכבדת. פרופ' לי שושיאו בעל ידע רב על ההיסטוריה של יהדות חרבין. ההרצאה הייתה בשפה הסינית עם מתרגם מילולית לאנגלית והציג צילומים מעניינים מחיה יהודי חרבין.

ב-19.02.2020, בשיתוף פעולה עם מרכז תרבות סין התקייםפגש שכלל הרצאתו של פרופ' דניאל ויס, לשעבר המدעת הראשי במשרד המדע. פרופ' ויס סיפר על קורות משפחתו, החל באנשלוס בוינה, בריחה לשנגחאי, המ עבר לגילין בסין החופשית, הקשר עם שלטונות גרמניה בסין, הפנו לקומינג, המ עבר לצ'ונגצ'ינג (הבירה הזמנית) והחזירה לשנגחאי.

פרופ' ויס סיפר על עלייה לישראל לאחר שיט של 53 ימים, ועל החיים במעברת אגרובנק בחדרה, שאלה הגעה משפחתו. בהרצאה הוצגו מסמכים ייחודיים של החיים בסין החופשית בעת מלחמת העולם השנייה, כולל חיים בבסיס חיל האויר האמריקני שהופצץ, מצד אחד חוות של קושי, מצד שני זיכרונות נעימים ומוחדים של ילדות בעולם אחר.

ميدע לקוראים

1. ב- 22.07.2020 התקיים מסע וירטואלי (בזום) אחר תולדות היהודי טיאנג'ן בסין. ההרצאה העברתה ע"י אמןון בויים, מרצה ומדריך סיולים לסין. ההרצאה הינה תיאור מלאו בתמונות מההיסטוריה של יהדות סין, מהופעת היהודים בסין, דרך גלוי הקהילה על ידי המיסיון הישועי מתאו ריצ'י, דרך גלוי הקהילות בערים קאיפינג, טיאנג'ן וחרבין ועד עזיבת היהודים את סין. חלק מהרצאה מוגדר מוקב אחרי תולדות קהילת היהודי טיאנג'ן, איך ומתי הגיעו היהודים לטיאנג'ן, כיצד התנהלו חיי הקהילה ועוד עזיבת היהודי טיאנג'ן את העיר. כל זאת דרך העניינים של תייר וטייל. ניתן לראות את הרצאה המוקלטת בקישור: <https://youtu.be/BK0y6j0n7qA>
2. מרכז תרבות סין בתל אביב ממשיך את פעילותו גם בזמן קורונה. המרכז מציע מגוון קורסים והרצאות המועברים באופן וירטואלי. כל הפרטים באתר של המרכז: <https://ccctlv.org>

שלום לכם,

קראתי את הספר "סירות הדרקון" של אריאל בר (ברובינסקי) ואני ממליץ לכל יצאי חרבין, שנחאי, טינזון ועוד ולכל ילדיהם ונכדיהם... לקרוא את הספר המרתק, והמעניין שמביא את סיפור הקהילה קרומן מטה.

עמי פינברג

לחברת האיגוד תמי מאיר טבקמן איחולים לבבים לנישואין בנה נדב מאיר

ברצוני להזכיר הנהלת איגוד יוצאי סין ולכל העושים במלאה, עברו ה"שי לחיל" לכבוד יום העצמאות שנייה הנכדים של קיבלו. הנכד הבכור, ניצן קצין בחיל הים והנכד השני, אלון המשרת בחיל האויר - הם שניהם מודים לכם מאד.

מagenta לכולם הרבה בריאות ותהי ברוכים בעשייה שלכם ושניפגש רק בשמחות.

זיהו מלך

רציתי להזכיר לכם על תמייניכם בנו במלגות כחלק מהארגון!

אלן מזרחי

תודה על השيء שהלחתם לחילימ שלנו - הונכדים עמרי וגיא טובות.
מאוד יפה מזדכם.

מלכה לאור

רציתי להודות בשמי ובשם לינוי גרשון ביתי על המתנות גוים.
מahanlat l'kam hirba baraiot v'imim tovim yoter.

מתוך גרשון

רציתו להודות לכם על רמתנה לכבוד חגיגת חיל. זה דבר מדהים, מוזה.

מתניתה קלפוס

אני מברך אתכם בברכת חג פסח שמה ומודה על השי שקיבלתי לכבוד ראש השנה תש"ג. מאמין בראיות,
שלום ושבוגר לחברי האיגוד ולכל עם ישראל.
בכבוד רב,

אליה פוחודיב, נינו של יעקב ונכדה של פירה ירחו.

ירחמיאל מרינסקי, יהודי, החליט פעם, לפני הרבה שנים, לנטזין משפחתו מפולין לטינזין שבצ'ין. בנו, אריה מרינסקי, עלה לארץ והוא לפרק ליט ידוע ווועץ לשער הבטחון. בין היתר היה אחראי בשנות השמונים על המשא ומתן לחילופי שבויים. גידי, נכדו של ירחמיאל, אחיו של פונחס (פרק ליטם של איבי נתן ומרדי גילת), יצא לחפש את הבית של משפחתו בסין. רשמי מסע.

ב森 נודע לו מפי חברים שכבר היו באותו מקום. הוא החל לנסוע לשם בענייני עסקים, שלושה-ארבעה חודשים כל נסעה. הל��ון העיקרי של סבא ביום היותה המשטרת הסינית. כשהיה אב המנוח בן חמיש, עלה עם אחיו, יחד עם סבתא, על הרכבת בקוו רוסיה-סין, היטלטו כחודש ימים בדרכיהם, ולבסוף הגיעו לטנזין, עיר הנמל של פקן.

ההתיישבות היהודית החדשה בסין חלה בשנות ה-40 של המאה ה-19 בעקבות סיומה של הווג'-קונג לבריטניה, והקמת אזור היישובים - ריכוזי האזרם בשנחאי, טנזין, חרבין וערים אחרות. לאחר מלחמת העולם השנייה, עם התחזקות השלטון הקומוניסטי, התערער מצב היהודים בסין: החופש נשלל מהם, כל ענפי המסחר והתעשייה הולאמו, ומכוורות פרנסתם נסתתרמו. ב-1949 הגיע סופן של הקהילות היהודיות בסין, למעט זו שבהונג נושא יהודים אחרים הפוזרים, עד עצם ימים אלה, במקומות שונים ברחבי סין.

הגב בכלאם במבווק

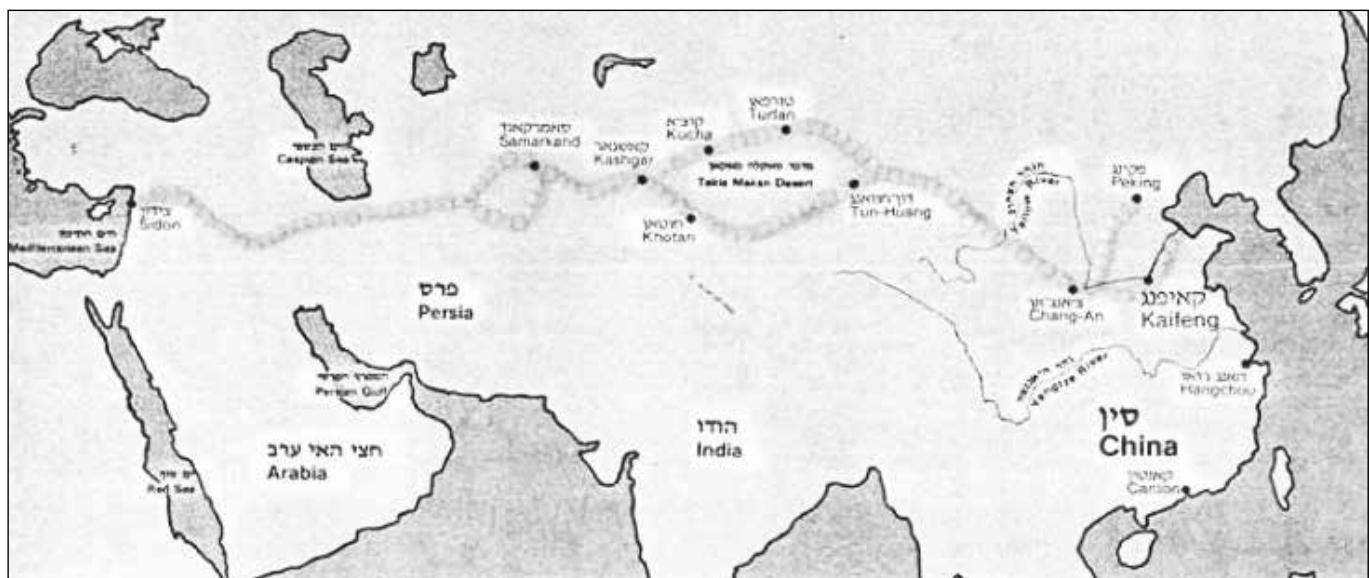
לסייריו המעניינים שלABA על חייו בסין הייתה אקזוטית של מסתוון. ככל, התקשייתי לתפוס שאבא חי במקום כה מיוחד, וכשהיה בן עשרים קם ועצב הכל כדי להילחם בבריטים. זה נראה כל כך פנטסטי, עד שהתחלה לתהות אם אכן קרו הדברים באמות. הרגשותiani חייב לחזור לשם.

רציתי למצוות את הבית שבו גדול. ולברך במקומות שעלייהם ספר. בני משפחתי, כמו הדודה מוסיה שגרה בבית או אחיו פונחס,

הכל התחל פעם, לפני שנים רבות, בגלל אותו קיסר סין. הרבה סיפורים מתחלים כך, בעיקר סיפורים סיניים, אבל הפעם יש זה גם גרעין שלאמת. מעשה בקיסר משושלת Song, שחיה במאה ה-12. אירופה פגורה אז, תרבותית, שבמערב נהוג לנכונות - במאה ה-12. אירופה פגורה אז, תרבותית, אחרי סין, ובוודאי מתאימה לנוכח את מסע הצלב האחרונים, הייתה עסוקה בעיקר במלחמות פוליטיות ודתיות. בתקופה ההיא הגיעו סוחרים אירגמים יהודים לסין בשלווה בדרך המשי, והקיסר עיר הבירה של הקיסרות, קאיונג, שכנה לצד דרך המשי, ובאליה צמיה אמר להם: "ברוך בואכם לארצנו העתיקה. כבזו את מנגדי אבותיכם והוריישו אוטם לדורות הבאים".

הפניה זו, שהייתה עדרינה בהרבה מסוג הפניות שהיו היהודים מרגלים אליה באירופה, פיתחה אותן נחבותמן העין. במשך שנים התקיימה בקאיונג קהילה יהודית נחבותמן העין. יתכן שהנשים התבוללו רבים מן היהודים ונשמרו בין שכנותם. יתכן שהשරידים של אותן יהודים קדומים עודם בקאיונג בסביבת רחוב בשם "סמטת הכת המורה את כתבי הקודש". אומה גישה סובלבנית, נינוחה, אשר הביאה את הקיסר הסיני להזמין את בני הדת המוזרה היא לגור בתוך עמו, היא אשר הביאה את סבי, ירחמיאל מרינסקי, מאות שנים אחר-כך, לעקו עם משפחתו מביאלייסטוק שבפולין ולגיע לטנזין, סין.

לסבא הייתה מתפורה. הוא אהב בדים, ועל האפשרויות העסקיות

דרכם המשי

התעמקו במדיטציה לפי הוראות שהושמעו מרשמקול, התאמנו בקרב מגע ושיחקו בכדור נזча. למראה המתעלמים הבודדים שהתאמנו בדקות בפינות קסומות של הפארק, נזכרתי כיצד בתילה נרא ל' כולם כמסה אחת גוזלה, הנעה ברוחות באחדות, וחיה בתנאים ירודים. מי שאמר שהאור טמן ביכולת להיות שמח בחלקך, ודאי ידע משחו על החיים בסין.

התערבותי בקהל המתעלמים, והתחלתי לישוט תנעות יוגה וריקוד, מהמזרות ביותר שעלו בדעתי, אך לשוווא; המתעלמים הסינים המשיכו בשלהם, מבליל להתחשב בזור שהתאמץ להסיט את תשומת-ליבם. בהמשך השביל, שמעתי קול זמרת גבר מתוך החורש. התקרכבתי בשקט, וזהי מעתם מבוגר שרירתו נקבעה על-ידי שיעול חולני ממושך. המשכתי ללכת עד לאגם צירויי בלב הפארק, וישבתי לנוח לצדיו. קילופטי אנס שקניית קודם בשוק, ופתחו, שוב - אותו קול עמוק מהזח בשרו, נישא על פni הפארק. אחרי כמה דקות הוא סיים לשיר את שירו ונונה לדרכו. אף אחד זה לא נראה מוזר, ואף אחד לא שם לב אליו יתר על המידה.

בית"ר טנzion

בסוף של דבר, הגעת אל עיר מגורי של אבי, טנzion, המרוחקת כשעתיים נסעה מפקון, כשבי ה策רף אל הקהילה היהודית שם, מונתה זו כחמשת אלף איש, מתוך אוכלוסייה של כשלושה מיליון. בתקופה ההיא היו לארפת ולאנגליה זיכיות בטנzion, ובעיר הייתה גם אוכלוסייה גדולה של פליטי המהפכה הרוסית. הרוסים היו היחידים שהותרו באביזרי זיכיותם, וחיו בנזוק מוחלט מהאוכלוסייה הגרמנית, שנחשבה בעיניהם לנחותה. אבא דיבר אנגלית בבית-

הספר, רוסית - בבית, וברוחן - סינית מודרבת. בטעין היה נער של בית"ר, שבנו התרבות פעילותם של הנוער היהודי, גם בשל היעדר אלטרנטיבתה אחרת. בבית-הספר האנגלי שבנו למד, נתקל אבי מדי פעם באנטישמיות נחבה. הגאות היהודית הייתה בסכנה, ונחשה בעיניהם לנחותה. אבא דיבר אנגלית בבית-הסודות הספווטיבית, ובמיוחד שקדו על לימודי אגרוף.

כמעט עד סוף מלחמת העולם השנייה לא הגיעו סין שום מידע על שואת יהודית אירופה. בשנים הראשונות של המלחמה טנzion שקרה חיים, הברים הם מלחים, הזנות חגגו והמסחר

האתגר: איגורך - אנשי בית"ר חישלו את עצם ל夸ראט העליה ארצה (1947).

משמאל - ברקה קפיטונסקי, דור אורחוב, אריה מרינסקי, אחרון ברכה וחבר בלתי מזוהה. כורע - שמואל מילר

לא האמין שהמשימה אפשרית, אבל אני התעקשתי. אם הייתה שם משפחה, חשבתי, יהיה גם מישחו שיזכור אותנו. לא קל לטיל בסין לבד. מעט מאוד סימן מדברים אנגליים, והפגש עם שירותי התיירות קשה ומתסכל. תנאים אלה לא מנעו ממי להתהלך בסין כבתרן חלום, עסקו בניסיון למוגז את המיתוס עם המציגות שמסביב. בתחילת הבחנתי רק כמה של פני השטח: מסה ממשמעת של אנשים אפרוריהם, הטרודים במלאת יומם. קשה היה לי להתרגל למילוני זוגות האופניים מכל עבר; לריקשות; לבקבוקי הזכוכית האישים. הקטנים, שבהם וושאים אותם הסינים את התה; אך שאו עצמי נאלץ להשתמש במקלות אכילה ולפונף במניפות רוח, אבל רק אחרי שאתה עושה את הדברים האלה בעצמך, אתה מגלה את שמאך קצחו של החיים הסיני.

וחכבי האופניים, לדוגמה: אם מרכיבה את בתה הקטנה על הסבל האחורי, והילד מניה את כתפה תוך כדי נסעה, ונדרמת בבטחה; בחור מרכיב בחורה, היא על הסבל ורגליה מונפנת לצדים, ושניהם, נבגדיהם הטוביים, יוצאים לבളות; גבר רוכב על עגלת אופניים, ובגללה, מאחורי, ישובה על כסא-נווח אשר קשישה, ודאי אמו. באחד הימים, שכרתתי לי ריקשה עם נהג מבוגר. אחרי נסעה קצרה הגיעו לעלייה קשה. מראהו של הנהג המתאנץ הביא אותי לפוך מהركשה, ולבקשו לנסוע לכיוון השני של העיר.

המשך הכלכלי הקשה מביאה את הסינים להשתמש כמעט בכל סוג של בעלי-חיים כבשר למאכל. בשוק התבליינים בקנטון ראייתי כלבים למאכל, חיות, יושבים בכלובים ומחייבים. פודל חכם אחד הזכיר לי את הכלב שאיתו ביליתי את נוערי. ציפורים הן חיות מחמד ונפוצות. שומרים אותו בכלוב, ומדי פעם מוציאים את הכלוב אל הפארק, להתאוורות. חיית שעשועים אהובה על הילדים היא החגב, הנושא בתוך כלוב ועיר מבמבק, כמו זה שראוינו בסרט "הקיסר האחרון".

הוזם הראשון שקיבלה היה של סתרות ונגדיים, באיטיות רבה נזכר מול עני פסיפס, שבו כוחות מנוגדים הילכו והשליכו זה את זה.

הין והיאנג, שני הכוחות הגדולים של היקום, לפי הפילוסופיה הסינית (הנשי והגבר), השחו והלבן, העמק וההר, הגורמים לזרימה האין-סופית של המיצאות), חזורים ומוצאים את ביטויים בכל דבר, החל באוכל הסיני וכלה בקשר שבין האדם ליקום. קדרה מפעעת של רעינות קונגצ'ינאים מצד אחד (צייתנות, שמירה על סטטוס-quo ועל מסגרות חברתיות) ומצד שני רעינות טואיסטיים, המצדדים בחופש הפרט וב"דרך" הטבע.

הפיג-פונג הסיני עבר דרך ח' היומיים. אורח-ח'ים שמנוי ביותר אינו מפריע, ככל הנראה, לאוטו גבר הניצב על המדרסה שמחוץ לביתו, ווחץ את פלג גופו העליון בתוך גיאת; אין מפריע לזוג לשבת על ספסל הפארק, כשהגבר מנפנף באיטיות לחושניות על פni זוגתו, עיניה עצומות למחזה, והוא מתמכרת לחושניות המשב הקليل על עפיפה. מין מחוץ לנישאים הוא מעשה שלא יעשה, כמובן, אולם אין זה מפריע לזוג לבצע פעולה כה אroitית, כה חושנית, בפומבי.

בוקר אחד הפארק יפהה בעיר קנטון, חוות בקבוצות מתעלמי חטא-צ'. הם ביצעו תנומות מסורתיות עם חרבות ומניפות,

**השיבה בבית סבא - גדיון מרינסקי בשנת 1991 ליד דירת המשפחה בקומה הראשונה
משמאל לבניין "Flats Empire", שהוקם בשנת 1932 בטנצין**

אפרשי של שם משפחתי בסינית, ותו שניות נרתמה קבוצת פקידים ליחסו של מסמר עתיק, חיפוש שהלך והתרחש וגזל את כל זמנם. לבסוף נמצא כרטיס קטן, שהוא התעודה המקורית שבנה נרשמו פרטיה הדירה, שבסא רכש בבניין שבניהו הושלמה באותה שנה, עם הגיעו לסן: 1932. החזקתי את ה الكرטיס ביד, ולראשו הרגשתי כיצד המציגות נוטלת את הבכורה מן החלום. הסתבר עתה לא כל ספק, שהבניין המוזנח שראיתי בתחילת הוא אכן בית אבא. רחוב זיג'אנג 22. הרחוב, שהיה מצוי ברוחב הבריטי, נקרא בעבר "רַיִסְ קָוָסֶ", ככלומר רחוב מסלול המירוצים. חזרנו למקום. נכנסתי בשביל אל כניסה הבניין, ודפקתי בדלת כניסה קטן, ונחשבה למוכבודת במושגים סיניים.

עד מהרה נפרדנו, ועד כמה שאפשר לומר זאת על אנשים שניים דבר את שפטם - בידידות. בדרךći החוצה מן הבניין אל תחנת הרכבת נמגנו לשונייה המחיצות. לרגע אחד, גם תושבי האזור ראו בי בינו.

צעודו הראשן של אבא במסע העלייה מסין החל בנסעה מטנזין לשונחאי, שם לנפואלי באוניה (הפלגה של חדש ימם), ולאחר שעבר קורס של אצל, יצא ממש פלשתינה. אני עשית את קו הונג-קונג - אטונה, בחזרה, בהרבה פחות זמן, ובונחות גדולת מזו של אבי. אבא מתאר בספריו "באו ובסטר" כיצד הכתה אותו אירופה הלאם, בראשותיו כי כל הפרצופים מסביב לבניים. קשה סמי אחד. יכולתי להבין ללבו ביום שבו נחתה לראשונה בפקינג, ומסביבי אף לא בן אחד לרופאה.

במערב מקובל לכנות את הסינים "אנשי המזורה הרחוק". על כך מшибים הסינים בשאלת: "רחוק מניין? למי יש את חזפה לקבוע מה קרוב ומה רחוק?"?

פרח ובעתי-הקפה עללו התזמורות. גן-עדן של שוטרים, קרא אבא לטנזין מאוחר יותר, כאשר שמע לראשו על גורל קרוביו המשפחה שהושמדו, יחד עם רוב יהדות אירופה. כיום טנזין היא עיר תעשייתית מושגנת, והוא מונה כשמונה מיליון איש, בשנת 1976 התרחשה רעידת אדמה ליד העיר וגרמה למותם של כרבע מיליון אנשים, ולמספר זהה של פצועים קשה. טנזין נמצא מוחץ לרשותה התיירות המקובלם בסין, וביקור תיירים מערביים במקום הוא נדיר. העיר מפותעה בהבקפי סגנון בנייה אירופיים מגוונים, ירושת המיעוט האירופי הצעיר מתחילה המאה.

הקדמתי להגיע לתחנת הרכבת של פקין, כדי לתרפום את הרכבת לטנזין. בעודי ממתיין, הפעלתו וקמן, והקשבי לתוכנית מוקלטת ששודרה פעם ברדיי, ובזה דבר אבא על חייו בסין. אולם ההמתנה שבו חיכיתי היה ענק, וחווס בנסיבות עצומה של אנשים, חלקם מתיינים בעמידה, וחלקים בשינה על מחצלת או על פיסת עיתון. היה חם מאוד. עמדתי באולם והקשבי ל��לו של אבא בווקמן: "אהבתני ולעולם אוהב את העם הסיני, העם המובס, הרעב, הצומח והפתחת". ניסיתי לראות את עצמי לרגע בנעליו של אבא, וכך נועס ברכבת מפקין לטנזין, שווה בין ההמנונים ואוהב את העם הסיני. זה לא כל כך הלן.

הגעתי אל טנזין בשעת ערבית. הזמן שעמד לרשותי היה קצר ביותר: כל תוכנית ביקורי בסין עברה, כמובן, את אישורו לשכת התיירות הממשלתית, שקבעה כי אפשר להגיע רק בשעת ערבית, ולמחרת בצהרים אלazz. טנזין מבחינתם אינה אורה תיירות, ואין לנו זרים מה לחפש שם. בתחנת הרכבת קיבלה אותי מלוחה מטעם משרד התיירות. קאי לי פאנג, שתפקידה היה ללוות אותי למילן. הסברתי לה את מטרת ביקורי, והיא התנדבה לשמש לי מתרגנית.

היעד הראשון למחזרת בבורק היה בית-הכנסת, ששימש בעשרות השנים האחרונות כמחסן, מצאתי אותו מוקף בפיגומים מעץ במובק, לגיל שיפוצים יסודים שישבו אותו לבניין משרדיהם. המבנה עבר צביעה ראשונית ונראה יפה, אולם העבוזות מענו ממנה מלאכים למקומם. בחוץ עמד שער הברזל המקור של בית-הכנסת, משובץ במגן-דיז, מתנדנד על ציריים חלודים, ימים ספורים לפני שייעקר ויעלם.

לפני צאתי לסין קיבלתי טיפולים על מקום הימצא של בית אבי מאחוריו של אבא, דודתי מוסיה שטופמן, ומחבר יולדות של אבא, שמואל מילר. עד כמה עצותיהם היו רלוונטיות, לא ידעת. עברו למללה מרבעים שנה מאז עובה המשפחה, שמות הרחובות שונים, והיה ספק אם הבניין עדין קימט. הגיעו לבניין אחד שהיה עשוי להיות ביתו של אבי, אך המקום נראה מוזנח ולא התאים לתיאורים שנמסרו לו. המשכו לנווט, ולבסוף מצאתי בניין אחר, ישן ומרשים, שהתאים יותר לסיפורים, ואולי גם לציפיות. בהזדק של רגע פנית אל המלווה שלי וביקשתי שתיקה אוטו למשרד

רישום קרקע. שם אוכל, אולי, למצוא תעודה על רכישת הבית. הייתה ספקן לגבי החלטת הרעין: לך תמצא משרד זהה, לך תמצא מישחו שישים מלפני שנות דור וחצי. אבל היה משרד זהה, ואפלו בקשרת מקום. המלווה שלי הסבירה בסינית את העניין לפקיד. נתתי לו מספר פרטיזה, כולל איות

25.12.2019

